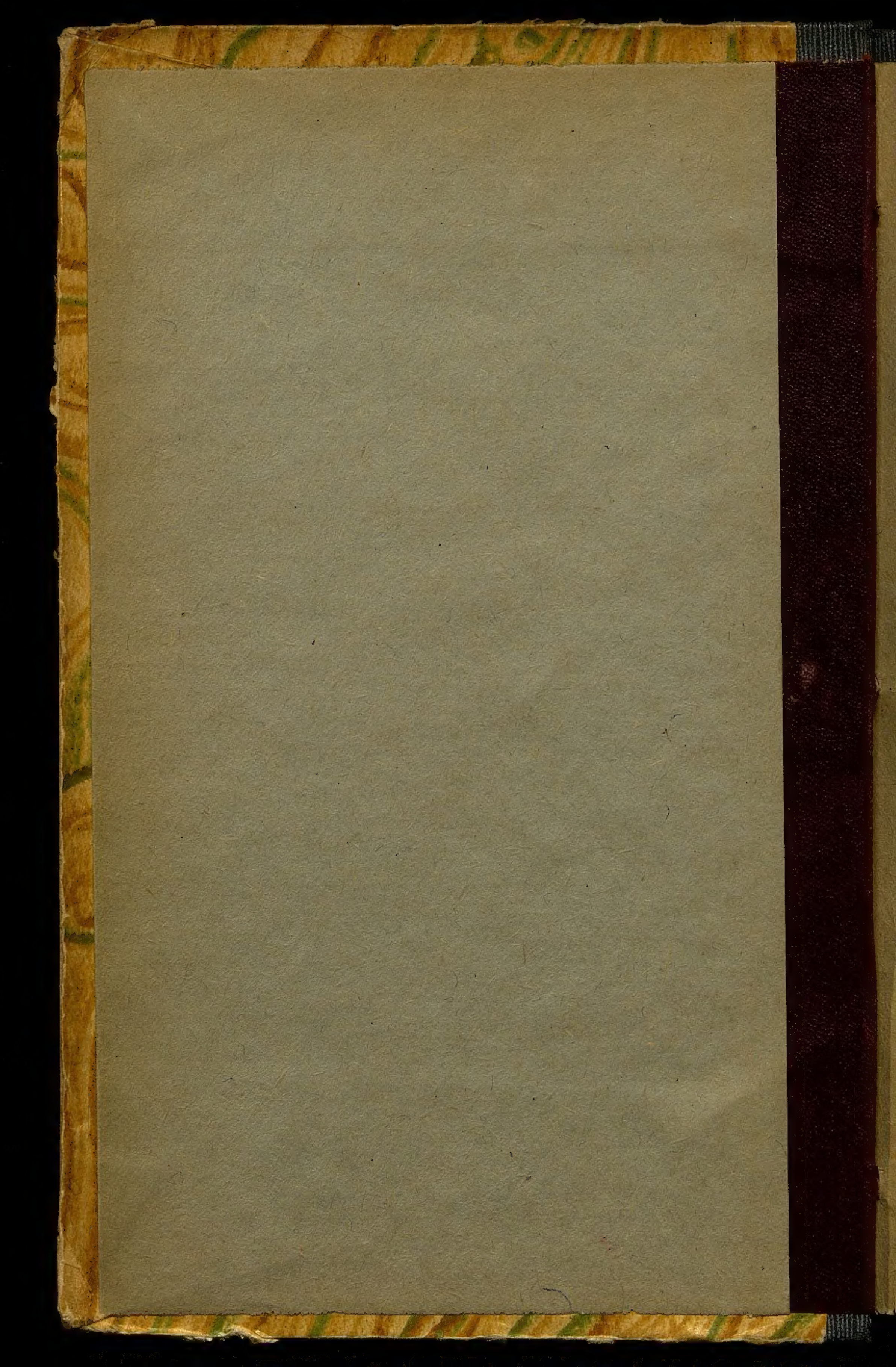
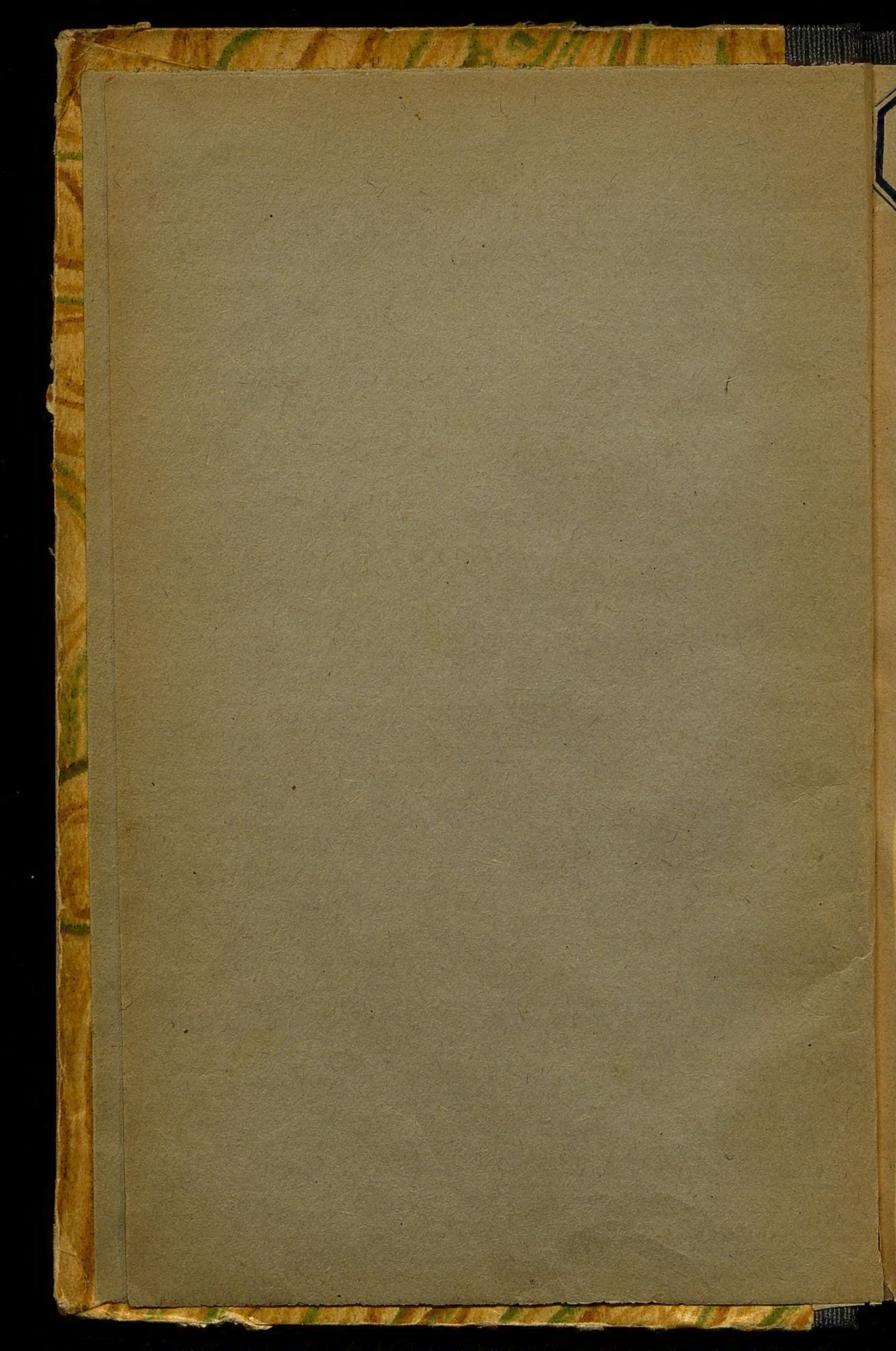
А2 8/32
т. 1 ч. 1-3



Василий Великий, арх.еп.
Кесарии Каппадо
кийской.

Творения т. 1. кн. 1-3

Спб, 1911.



А2 8/32
Т.1. Кн. 1-3
ИЕВ 1538.31 г. И
Т.1. в 1-3

БЕСѢДЫ НА ШЕСТОДНЕВЪ.

Бесѣда 1. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. (Быт. 1, 1).

Кто хочетъ повѣствовать о составѣ міра, для того приличное начало—сказать предварительно о началѣ устроенія видимыхъ вещей. Ибо онъ долженъ передать исторію о твореніи неба и земли, которое не само собою произошло, какъ представляли себѣ нѣкоторые, но имѣло причину въ Богѣ.

Какой слухъ будетъ достоинъ великости повѣствуемаго? Съ какимъ пріуготовленіемъ надобно приступать душѣ къ слышанію такихъ предметовъ? Ей должно быть чистою отъ плотскихъ страстей, не омраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, изъ чего только можно занять понятіе о Богѣ, достойное Бога.

Но прежде нежели изслѣдуемъ точность реченій и разсмотримъ многознаменательность сихъ немногихъ словъ, представимъ себѣ, кто бесѣдуетъ съ нами? Чрезъ это, хотя бы, по немощи нашего разумѣнія, и не проникли мы въ глубину сердца повѣствователю, однако же, обративъ вниманіе на достовѣрность говорящаго, сами собою дойдемъ до необходимости согласиться на сказанное.

Итакъ, составившій сіе повѣствованіе есть Моисей—тотъ Моисей, о которомъ засвидѣтельствовано, что бѣ угоденъ Богови (Дѣян. 7, 20), будучи еще груднымъ младенцемъ; котораго усыновила дочь Фараонова и воспитала поцарски, приставивъ къ нему, для обученія, мудрыхъ Египетскихъ наставниковъ; который, возненавидѣвъ гордость преобладанія и обратившись къ униженному состоянію единоплеменниковъ, паче изволи страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость (Евр. 11, 25); который, получивъ отъ самой природы любовь къ правдѣ, еще прежде, нежели ввѣрено ему начальствованіе надъ народомъ, по естественному отвращенію отъ зла оказывается даже до смерти готовымъ преслѣдовать злыхъ; который, будучи изгнанъ облагодѣтельствованными, и съ радостію оставивъ Египетскіе мятежи, удалившись же въ Еѳіопію, тамъ, на совершенной свободѣ

отъ другихъ занятій, въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, упражнялся въ умозрѣніи о существующемъ, который, будучи уже осмидесяти лѣтъ, видѣлъ Бога, какъ можно видѣть человѣку, лучше же сказать, какъ не видалъ ни одинъ человѣкъ, по собственному Божію свидѣтельству: *аще будетъ въ васъ пророкъ Господень, въ видѣніи ему познаюся, и во снѣ возглаголю ему. Не тако якоже рабъ Мой Моисей, во всемъ дому Моемъ вѣренъ есть: усты ко устомъ возглаголю ему явѣ, и не гаданіемъ* (Числ. 12, 6—8). Сей-то, наравнѣ съ Ангелами удостоившійся лицезрѣнія Божія, повѣствуетъ намъ нѣчто изъ того, что слышалъ отъ Бога. Послушаемъ же вѣщаній истины, которыя изречены *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости, но въ наученыхъ Духа* (Кор. 2, 4. 13), и имѣютъ цѣлію не похвалу слушающихъ, но спасеніе поучаемыхъ.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Изумительность мысли связываетъ у меня слово. О чемъ говорить прежде? Съ чего начать толкованіе? Обличать ли суетность язычниковъ? Или возвеличить истину нашего ученія?

Еллинскіе мудрецы много разсуждали о природѣ, — и ни одно ихъ ученіе не осталось твердымъ и непоколебимымъ: потому что послѣдующимъ ученіемъ всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему намъ нѣтъ и нужды обличать ихъ ученія; ихъ самихъ достаточно другъ для друга къ собственному низложенію. Ибо не знавшіе Бога не допускали, что происхожденіе всѣхъ вещей зависитъ отъ разумной причины; а сообразно съ симъ кореннымъ своимъ невѣдѣніемъ заключали и о прочемъ. Потому одни прибѣгали къ вещественнымъ началамъ, и причину всѣхъ вещей приписывали стихіямъ міра; другіе же представляли себѣ, что природу видимыхъ вещей составляютъ атомы и недѣлимыя тѣла, тяжесть и скважинность; потому что рожденіе и разрушеніе происходятъ, когда недѣлимыя тѣла то взаимно сходятся, то разлучаются, а въ тѣлахъ, существующихъ долѣе другихъ, причина продолжительнаго пребыванія заключается въ крѣпчайшемъ сцѣпленіи атомовъ.

Подлинно ткутъ паутинную ткань тѣ, которые пишутъ это, и предполагаютъ столько мелкія и слабыя начала неба, земли и моря. Они не умѣли сказать: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Потому вселившееся въ нихъ безбожіе внушило имъ ложную мысль, будто бы все пребываетъ безъ управленія и устройства, и приводится въ движеніе какъ бы случаемъ. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающій мірозданіе прямо, въ первыхъ словахъ, просвѣтилъ наше разумѣніе именемъ Божіимъ, сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ.*

Какой прекрасный порядокъ! Сперва упомянулъ о *началѣ*, чтобы

иные не почли міръ безначальнымъ; а потомъ присовокупилъ: сотвори, — въ показаніе, что сотворенное есть самая малая часть Зиждителева могущества. Какъ горшечникъ, съ одинакимъ искусствомъ сдѣлавшій тысячи сосудовъ, не истощилъ тѣмъ ни искусства, ни силы; такъ и Создатель этой вселенной, имѣя творческую силу, и не для одного только міра достаточную, но въ безконечное число кратъ превосходнѣйшую, все величіе видимаго привелъ въ бытіе однимъ мановеніемъ воли.

А если міръ имѣетъ начало и сотворенъ; то спросимъ себя: кто далъ ему начало, и кто его Творецъ? Лучше же сказать, чтобы тебѣ, доискиваясь сего посредствомъ человѣческихъ умствованій, не уклониться какъ нибудь отъ истины, Моисей предварилъ своимъ ученіемъ, вмѣсто печати и огражденія нашимъ душамъ наложивъ досточтимое имя Божіе, когда сказалъ: въ началѣ сотвори Богъ. Сіе блаженное Естество, сія неоскудѣвающая Благость, сія Доброта любезная и многовожделѣнная для всякаго одареннаго разумомъ существа, сіе Начало существъ, сей Источникъ жизни, сей духовный Свѣтъ, сія неприступная Мудрость, — вотъ Кто сотвори въ началѣ небо и землю!

Посему, человѣкъ, не представляй себѣ видимаго безначальнымъ, и изъ того, что движущіяся на небѣ тѣла описываютъ круги, а въ кругѣ чувство наше, съ перваго взгляда, не можетъ примѣтить начала, не заключай, что природа круговращаемыхъ тѣлъ безначальна. Да и этого круга, то есть начертанія, на плоскости описаннаго одною чертою, не должны мы предполагать уже безначальнымъ потому, что убѣгаетъ отъ нашего чувства, и не можемъ мы найдти, гдѣ онъ начался и гдѣ окончился. Напротивъ того, хотя сіе и убѣгаетъ отъ нашего чувства, однако же въ дѣйствительности, кто описывалъ кругъ изъ средоточія и извѣстнымъ разстояніемъ, тотъ, безъ сомнѣнія, началъ его откуда нибудь. Такъ и ты, видя, что тѣла, описывающія круги, возвращаются въ прежнее свое положеніе, равномѣрностію и непрерывностію ихъ движенія не удерживай себя въ той ложной мысли, будто бы міръ безначаленъ и нескончаемъ. Преходитъ бо образъ міра сего (1 Кор. 7, 31), и: небо и земля мимоидетъ (Матѳ., 24, 35).

Предвозвѣщеніемъ же догматовъ о скончаніи и измѣненіи міра служитъ и то, что предано намъ нынѣ кратко въ самыхъ начаткахъ богодухновеннаго ученія: въ началѣ сотвори Богъ. Начавшееся со временемъ по всей необходимости и окончится во времени. Если имѣетъ начало временное, то не сомнѣвайся о концѣ.

Но къ какому концу приводятъ геометрія, ариѳметическія способы, изслѣдованія о толщахъ и пресловутая астрономія — эта многопопечительная суета, если изучившіеся симъ наукамъ дошли до заключенія, что видимый сей міръ совѣчен Творцу всяческихъ Богу, и если то, что огра-

ничено и имѣетъ вещественное тѣло, возвели они въ одну славу съ естествомъ непостижимымъ и невидимымъ, не въ состояніи будучи выразумѣть и того, что гдѣ подлежатъ поврежденіямъ и переиначиваніямъ части, тамъ и цѣлое необходимо потерпитъ нѣкогда одинакія видоизмѣненія съ собственными своими частями? Но они до того осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце, и глаголющеся быти мудри объюродѣша (Римл. 1, 21. 22), что одни утверждали, будто бы небо отъ вѣчности существуетъ вмѣстѣ съ Богомъ, а другіе говорили, что оно есть Богъ безначальный и нескончаемый, причина благоустройства въ частяхъ вселенной. И безъ сомнѣнія, излишество мірской мудрости принесетъ для нихъ нѣкогда приращеніе тяжкаго осужденія за то, что, съ такою осмотрительностію вникая въ пустые предметы, произвольно слѣпотствовали въ разумѣніи истины. Но они, вымѣрившіе разстояніе звѣздъ, описавшіе звѣзды, всегда видимыя и сѣверныя, а также звѣзды, находившіяся около южнаго полюса и живущимъ тамъ видимыя, а намъ неизвѣстныя, раздѣлившіе на тысячи частей и сѣверную широту и зодіакальный кругъ, съ точностію наблюдавшіе возвращеніе звѣздъ, ихъ стоянія, склоненія и общее движеніе къ прежнимъ мѣстамъ, а также время, въ какое каждая изъ планетъ совершаетъ свой періодъ, — они не нашли одного изъ всѣхъ способа, какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной и праведнаго Судію, воздающаго каждому достойно по дѣламъ, и какъ вмѣстить въ умѣ вытекающую изъ понятія о судѣ мысль о скончаніи; потому что міру необходимо измѣниться, если и состояніе душъ перейдетъ въ другой родъ жизни. Ибо какъ настоящая жизнь имѣетъ качества сродныя сему міру, такъ и будущее существованіе нашихъ душъ получитъ жребій свойственный своему состоянію. Но они до того не расположены внимать симъ истинамъ, что даже громкимъ смѣхомъ встрѣчаютъ насъ, которые возвѣщаемъ кончину сего міра и вѣчное пакибытіе.

Поелику начало, естественнымъ образомъ, предшествовало тому, что отъ начала; то повѣствующій о вещахъ, получившихъ бытіе во времени, по необходимости всему предпоставилъ это выраженіе: въ началѣ сотвори. Было нѣчто, какъ вѣроятно, и прежде сего міра; но сіе, хотя и постижимо для нашего разумѣнія, однако же не введено въ повѣствованіе, какъ несоотвѣтствующее силамъ новообучаемыхъ и младенцевъ разумомъ. Еще ранѣе бытія міра, было нѣкоторое состояніе приличное премірнымъ силамъ, превысшее времени, вѣчное, присно продолжающееся. Въ немъ-то Творецъ и Зиждитель всяческихъ совершилъ созданія — мысленный свѣтъ, приличный блаженству любящихъ Господа, разумныя и невидимыя природы и все украшеніе умосозерцаемыхъ тварей, превосходящихъ наше разумѣніе, такъ что нельзя изобрѣсти для нихъ и наименованій. Онѣ-то

наполняютъ собою сущность невидимаго міра, какъ научаетъ насъ Павелъ, говоря: яко тѣмъ создана быша всяческая, аще видимая, аще невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти (Кол. 1, 16), и ангельскія воинства, и архангельскія чиноначалія.

А когда уже стало нужно присоединить къ существующему и сей міръ — главнымъ образомъ училище и мѣсто образованія душъ человѣческихъ, а потомъ и вообще мѣстопребываніе для всего подлежащаго рожденію и разрушенію; тогда произведено сродное міру и находящимся въ немъ животнымъ и растеніямъ преемство времени, всегда поспѣшающее и протекающее, и нигдѣ не прерывающее своего теченія. Не таково ли время, что въ немъ прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоящее же ускользаетъ отъ чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающаго въ семъ мірѣ; оно то непремѣнно возрастаетъ, то умаляется, и явнымъ образомъ не имѣетъ ничего твердаго и постояннаго. Посему и тѣламъ животныхъ и растеній, которыя необходимо соединены какъ бы съ нѣкоторымъ потокомъ, и увлекаются движеніемъ, ведущимъ къ рожденію или разрушенію, прилично было заключиться въ природѣ времени, которое получило свойства сродныя вещамъ измѣняемымъ. По сей-то причинѣ премудро изъясняющій намъ бытіе міра, разсуждая о мірѣ, весьма кстати присовокупилъ: въ началѣ сотвори, то есть въ семъ началѣ, въ началѣ временномъ. Ибо, конечно, не во свидѣтельство того, что міръ, по своей первобытности, предшествуетъ всему сотворенному, именуетъ его происшедшимъ въ началѣ; но говоритъ о началѣ происхожденія сихъ видимыхъ и чувствомъ постигаемыхъ вещей послѣ невидимаго и умосозерцаемаго.

Началомъ называется и первое движеніе, напримѣръ: начало пути блага, еже творити праведная (Притч. 16, 6); потому что прежде всего праведныя дѣла движутъ насъ къ блаженной жизни. Но началомъ называется и то, съ чего начинается какая нибудь вещь, между тѣмъ какъ въ ней есть и другое; напримѣръ: въ домѣ основаніе и въ кораблѣ подводная часть. Въ такомъ смыслѣ сказано: начало премудрости страхъ Господенъ (Притч. 1, 7); потому что богобоязненность есть какъ бы основа и опора совершенства. Началомъ же искусственныхъ произведеній именуется искусство; напримѣръ: мудрость Веселеила была началомъ украшенія Скиніи. А началомъ нравственныхъ поступковъ бываетъ часто и полезный конецъ сдѣланнаго; напримѣръ: началомъ милостыни — пріобрѣтеніе благоволенія Божія, и началомъ всякаго добродѣтельнаго дѣйствованія — ожидающій насъ по обѣтованіямъ конецъ.

Поелику же начало берется въ столькихъ значеніяхъ; то смотри,

нельзя ли къ слову сему и въ настоящемъ случаѣ приложить всѣхъ значеменованій. Ибо тебѣ можно узнать, съ какого времени началось строеніе сего міра, если, отъ настоящаго поступая назадъ, потрудишься найти первый день бытія міра. Въ такомъ случаѣ найдешь, съ чего во времени началось первое движеніе. Потомъ найдешь и то, что, какъ бы нѣкоторыми основаніями и опорами, предварительно прочему, положены небо и земля; а потомъ, что есть какой-то художественный Умъ, который распоряжался украшеніемъ видимыхъ вещей, какъ показываетъ тебѣ самое слово: начало. Найдешь также, что не напрасно и не безъ цѣли, но для полезнаго нѣкотораго конца, представляющаго существамъ обширное употребленіе, измышленъ сей міръ, — если только дѣйствительно онъ есть училище разумныхъ душъ, въ которомъ преподается имъ боговѣдѣніе и чрезъ видимое и чувственное руководствуетъ умъ къ созерцанію невидимаго, какъ говоритъ Апостолъ, что невидимая Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть (Рим. 1, 20).

Или, можетъ быть, поелику дѣйствіе творенія мгновенно и не подлежитъ времени, то и сказано: въ началѣ сотвори; потому что начало есть нѣчто не состоящее изъ частей и непротяженное. Какъ начало пути еще не путь, и начало дома еще не домъ; такъ и начало времени еще не время, а даже и не самомалѣйшая часть времени. Если же какой либо любитель споровъ скажетъ, что начало времени есть время; то пусть знаетъ, что симъ раздѣлитъ начало на части, а части сіи суть: начало, середина и конецъ. Но придумывать начало для начала весьма смѣшно. И кто дѣлитъ начало на двое, тотъ изъ одного сдѣлаетъ два начала, лучше же сказать, много и безконечное число началъ: потому что каждую отдѣленную часть долженъ будетъ непрестанно разсѣкать на новыя части. Итакъ, чтобы мы уразумѣли вмѣстѣ, что міръ сотворенъ хотѣніемъ Божіимъ не во времени, сказано: въ началѣ сотвори. Въ означеніе сего древніе толкователи [1]), яснѣе выражая мысль, сказали: вкратцѣ (ἐν κεφαλαίῳ) сотвори Богъ, то есть вдругъ и мгновенно.

Доселѣ, чтобы изъ многаго сказать немногое, разсуждали мы о началѣ. Но изъ искусствъ одни называются творящими (ποιητικαί), другія состоящими то въ дѣйствованіи (πρακτικαί), то въ умозрѣніи (θεωρητικαί). Концомъ искусствъ, состоящихъ въ умозрѣніи, служитъ самое дѣйствованіе ума; а концомъ искусствъ, состоящихъ въ дѣйствованіи, самое движеніе тѣла, по прекращеніи котораго ничего уже нѣтъ и не осталось для зрителей: такъ пляска или игра на свирѣли не даютъ ничего въ произведеніи, но дѣйствіе сіе ограничивается только само собою. А въ искус-

[1]) Св. Василій, вѣроятно, разумѣлъ здѣсь переводъ Аквилы, по которому читается: Ἐν κεφαλαίῳ ἐποίησε ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν.

ствахъ творящихъ, и по прекращеніи дѣйствія, дѣло на виду: таковы искусства: домостроительства, плотничества, кузнечества, ткачества и симъ подобныя. Хотя художника и нѣтъ на лицо; однако же искусства сіи сами собою достаточно показываютъ художническій умъ, и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на его произведеніе.

Посему и премудрый Моисей, желая показать, что міръ есть художественное произведеніе, подлежащее созерцанію всякаго, такъ что черезъ него познается премудрость его Творца, не другое какое слово употребилъ о мірѣ, но сказалъ: въ началѣ сотвори. Не сдѣлалъ, не произвелъ, но сотвори. И поелику многіе изъ представлявшихъ, что міръ отъ вѣчности существуетъ съ Богомъ, соглашались не на то, что онъ сотворенъ Богомъ, но что самъ собою осуществился, будучи какъ бы оттѣнкомъ Божія могущества; и потому хотя признавали Бога причиною міра, но причиною непроизвольною, какъ тѣло бываетъ причиною тѣни, и сіяющее — сіяніе: то Пророкъ, поправляя сію ложную мысль, употребилъ слова съ особенною точностію, сказавъ: въ началѣ сотвори Богъ. Богъ былъ для міра не симъ однимъ — не причиною только бытія, но сотворилъ какъ благій — полезное, какъ премудрый — прекраснѣйшее, какъ могущественный — величайшее. Пророкъ показалъ тебѣ въ Богѣ едва не художника, который, приступивъ къ сущности вселенной, приноровляетъ ея части одну къ другой, и производитъ само себѣ соотвѣтственное, согласное и гармоническое цѣлое.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Двумя крайностями обозначилъ сущность вселенной, приписавъ небу старѣйшинство въ бытіи, а о землѣ сказавъ, что она занимаетъ второе мѣсто по сущности. Безъ сомнѣнія, ежели есть что нибудь среднее между небомъ и землею, то оно сотворено вмѣстѣ съ сими предѣлами. Почему, хотя не сказано о стихіяхъ: огнѣ, водѣ и воздухѣ, но ты собственнымъ своимъ разумѣніемъ постигни, во-первыхъ, что все находится во всемъ. И въ землѣ найдешь и воду, и воздухъ, и огонь. Огонь выскакиваетъ изъ камней; и изъ желѣза, которое само ведетъ начало отъ земли, при ударeніяхъ обыкновенно блещетъ неистощимый огонь. И достойно удивленія, какимъ образомъ существующій въ тѣлахъ огонь скрывается въ нихъ безвредно, но, будучи вызванъ наружу, дѣлается истребительнымъ для тѣлъ, хранившихъ его въ себѣ прежде. А что въ землѣ есть и водное естество, доказываютъ копатели колодцевъ. И о находящемся въ немъ воздушномъ естествѣ свидѣтельствуютъ пары, какіе выходятъ изъ земли влажной и согрѣтой солнцемъ. Во-вторыхъ, если по природѣ своей небо занимаетъ верхнее мѣсто, а земля составляетъ самый низъ, почему легкое стремится къ небу, а тяжелое обыкновенно клонится къ землѣ, верхъ же и низъ противоположны между собою; то упомянувшій о небѣ и землѣ, которыя по самой природѣ наибо-

лѣе удалены другъ отъ друга, конечно, обозначилъ тѣмъ совмѣстительно и все, что наполняетъ средину между ними. А потому и не ищи повѣствованія о каждой стихіи, но въ сказанномъ подразумѣвай и умолчанное.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Изслѣдованіе о сущности каждаго существа, или подпадающаго нашему умозрѣнію, или подлежащаго нашимъ чувствамъ, введетъ въ толкованіе самыя длинныя и многосложныя разсужденія, и при разсмотрѣніи этой задачи нужно будетъ потратить болѣе словъ, нежели сколько можно сказать о каждомъ изъ прочихъ вопросовъ. Сверхъ того ни мало не послужитъ къ назиданію Церкви—останавливаться на такомъ предметѣ.

Но касательно сущности неба довольно для насъ сказаннаго у Исаіи, который въ простыхъ словахъ далъ намъ достаточное понятіе о природѣ его, сказавъ: *Утвердивый небо яко дымъ* (Ис. 51, 6), то есть для сотворенія неба Осуществившій естество тонкое, не твердое, не грубое. И объ очертаніи неба достаточно для насъ сказано у того же Пророка въ славословіи Богу: *Поставивый небо яко камару* (Ис. 49, 22).

То же самое правило предпишемъ себѣ и касательно земли, не любопытствовать объ ея сущности, что она такое, не тратить времени на умствованія, изслѣдывая самое подлежащее, не доискиваться какого-то естества, которое лишено качествъ, и само въ себѣ взятое безкачественно, но твердо помнить, что всѣ свойства, усматриваемыя въ землѣ, будучи восполненіемъ сущности, входятъ въ понятіе бытія. Покусившись отвлечь разумомъ отъ земли каждое изъ находящихся въ ней качествъ, прійдешь ни къ чему. Ибо, если отнимешь черноту, холодность, тяжесть, густоту, качества земли, дѣйствующія на вкусъ, или и другія, какія въ ней усматриваются; то подлежащимъ останется ничто.

Посему совѣтую тебѣ, оставивъ все это, не доискиваться и того, на чемъ земля основана. Ибо при такомъ изысканіи мысль прійдетъ въ круженіе оттого, что разсудокъ не найдетъ никакого несомнѣннаго предѣла. Если скажешь, что воздухъ подложенъ подъ широту земли; то прійдешь въ затрудненіе, какимъ образомъ естество мягкое, заключающее въ себѣ много пустоты, противоборствуетъ такой тяжести, будучи ею сдавлено, а не расплывается во всѣ стороны, убѣгая изъ-подъ гнета и непрестанно переливаясь на верхъ гнетущаго. Опять, если предположишь себѣ, что вода подъ землею, то и въ такомъ случаѣ долженъ будешь спросить, отчего тяжелое и густое не погружается въ воду, но слабѣйшимъ естествомъ поддерживается естество столько превосходящее его тяжестію? Сверхъ того надобно будетъ найти опору и самой водѣ, и опять съ недоумѣніемъ спрашивать: на чемъ твердомъ или упорномъ лежитъ нижній ея слой? Если же предположишь, что другое тѣло, которое тяжелѣе земли, препятствуетъ ей идти къ низу: то долженъ будешь разсудить, что и для него нужно ка-

кое-нибудь поддерживающее тѣло, не дозволяющее ему падать внизъ. Если же и для него можешь придумать какой-нибудь подкладень; то разумъ нашъ опять потребуетъ подпоры и для сего подкладня. А такимъ образомъ пойдемъ въ безконечность, для находимыхъ непрестанно основаній придумывая опять новыя. И чѣмъ далѣе станемъ простираться разумомъ, тѣмъ большую принуждены будемъ вводить поддерживающую силу, которая бы могла противиться въ совокупности всему на ней лежащему.

Посему положи предѣлы своей мысли, чтобы за любопытство, старающееся извѣдать непостижимое, и тебя не коснулось слово Іова, чтобы и къ тебѣ не могъ относиться его вопросъ: на чемъ столпи[1]) ея утверждени суть (Іов. 38, 6)? Но если слышишь иногда въ псалмахъ: Азъ утвердихъ столпы ея (Пс. 74, 4); то разумѣй, что столпами названа сила, поддерживающая землю. Ибо слова: на моряхъ основалъ ю есть (Пс. 23, 2), что означаютъ, какъ не то, что водное естество повсюду разлито вокругъ земли? Какъ же вода, будучи текучею, и по скату обыкновенно падающая внизъ, остается висящею и никуда не стекающею? А ты не разсуждаешь, что то же, или еще большее затрудненіе представляетъ разуму земля, сама па себѣ повѣшенная, между тѣмъ какъ она по естеству тяжелѣе. Но согласимся ли, что земля виситъ сама на себѣ, или скажемъ, что она держится па водѣ,—въ обоихъ случаяхъ необходимо не отступать отъ благочестиваго разумѣнія и признавать, что все въ совокупности содержится силою Творца. А потому и себѣ самимъ, и спрашивающимъ насъ: на чемъ опирается этотъ огромный и несдержимый грузъ земли?—надобно отвѣчать: въ руцѣ Божіей концы земли (Пс. 94, 4). Эта мысль и для насъ самая безопасная и для слушающихъ полезная.

Нѣкоторые естествоиспытатели остроумно доказываютъ, что земля пребываетъ неподвижною уже и по слѣдующимъ причинамъ: поелику она заняла среднее мѣсто въ мірѣ, и во всѣ стороны имѣетъ равное разстояніе отъ краевъ; то, по недостатку причины уклониться куда-нибудь преимущественно, необходимо остается въ своемъ положеніи, и окружающее ее отвсюду равенство дѣлаетъ совершенно невозможнымъ движеніе ея къ чему-нибудь. Среднее же мѣсто досталось землѣ не по жребію и не по случаю, но таково естественное и необходимое положеніе земли. Ибо, разсуждаютъ они, какъ небесное тѣло удержало за собою крайнее мѣсто вверху, такъ всѣ тяжести, какія предположимъ падающими сверху, должны отвсюду устремиться къ срединѣ. А куда стремятся части, туда, очевидно, соберется и цѣлое. Если же камни, деревья и всѣ земляныя ча-

---

[1]) Въ подлинникѣ, какъ и у Седмидесяти: οἱ κρίκοι, собственно—кольца; у Аквилы же и Ѳеодотіана, αἱ βάσεις, основанія,—что ближе къ Еврейскому подлиннику.

стицы стремятся къ низу, то это самое положеніе будетъ свойственно и приличпо цѣлой землѣ. А если что легкое устремится прочь отъ средины, то, очевидно, движеніе его будетъ къ верху. Посему стремленіе къ низу есть стремленіе свойственное веществамъ тяжелымъ; словомъ же: низъ означается середина. Итакъ, не дивись, что земля никуда не падаетъ, занимая естественное для нея мѣсто—середину. Ибо, по всей необходимости, ей должно пребывать на своемъ мѣстѣ, или, принявъ противуестественное движеніе, сойти съ свойственнаго ей основанія.

Но если въ сказанномъ доселѣ кажется тебѣ что-нибудь правдоподобнымъ, то обратись съ удивленіемъ къ Божіей премудрости, которая такъ сіе устроила. Ибо изумленіе предъ великими предметами не уменьшается когда открытъ способъ, какимъ произошло что-нибудь необычайное. А если и не открытъ; то простота вѣры да будетъ крѣпче доказательствъ отъ ума.

То же самое можемъ сказать и о небѣ, то есть, что мірскіе мудрецы предложили многословныя разсужденія объ естествѣ неба. Одни говорили, что оно сложено изъ четырехъ стихій, какъ осязаемое, видимое и содержащее въ себѣ—землю, потому что упорно,—огонь, потому что видимо,—прочія же стихіи, потому что есть смѣсь. А другіе, отринувъ сіе мнѣніе какъ неправдоподобное, въ составъ неба ввели какое-то пятое тѣлесное естество, выдумавъ его самовольно и сами отъ себя [1]). У нихъ есть какое-то эфирное тѣло, которое, какъ говорятъ они, ни огонь, ни воздухъ, ни земля, ни вода, ни вообще какое-либо изъ простыхъ веществъ; потому что простымъ веществамъ свойственно движеніе прямолинейное, такъ какъ легкія стремятся вверхъ, и тяжелыя—внизъ; а это тѣло ни вверхъ, ни внизъ не движется, но вращается кругообразно, движеніе же прямолинейное вообще весьма отлично отъ кругообразнаго вращенія. Но въ тѣлахъ, у которыхъ естественныя движенія различны, по необходимости, какъ разсуждаютъ они, и сущности должны быть различны. Невозможно предположить намъ и того, что небо сложено изъ простыхъ тѣлъ, или, такъ называемыхъ, стихій, потому что сложенное изъ различныхъ тѣлъ не можетъ имѣть равномѣрнаго и свободнаго движенія, такъ какъ каждое простое тѣло, заключающееся въ сложномъ, имѣетъ по природѣ свое собственное стремленіе. По сей причинѣ сложныя тѣла, во-первыхъ, съ трудомъ удерживаются въ непрерывномъ движеніи; потому что одно движеніе не можетъ быть соразмѣрно и дружно со всѣми противными движеніями. Напротивъ того, движеніе, свойственное легкому тѣлу, враждебно движенію, которое свойственно самому тяжелому тѣлу. Ибо когда движемся вверхъ, обременяютъ насъ земляныя части, а когда несемся внизъ, терпятъ въ насъ насиліе огненныя

---

[1]) Предыдущее мнѣніе принадлежитъ Платону, а послѣднее Аристотелю.

части, вопреки ихъ природѣ увлекаемыя къ низу. Стремленіе же стихій въ противныя стороны бываетъ причиною распаденія. Принужденное и противуестественное, будучи удержано не надолго, и то насильственно и съ трудомъ, вскорѣ разлагается на составныя свои части, потому что каждая изъ частей, вошедшихъ въ составъ, возвращается въ собственное свое мѣсто. По сей-то, говорятъ, необходимости выведенныхъ умозаключеній, должны были отвергнуть прежнія мнѣнія и составить свое предположеніе тѣ, которые, для происхожденія неба и звѣздъ небесныхъ, предположили пятое тѣлесное естество. А иный, изобрѣтательный на тонкости, возставъ противъ сихъ умозаключеній, разстроитъ и опровергнетъ ихъ, введетъ же собственное свое мнѣніе. И если мы предпримемъ теперь говорить о такихъ предположеніяхъ; то сами впадемъ въ такое же пустословіе, какъ и ихъ изобрѣтатели.

Но мы, предоставивъ имъ низлагать другъ друга, сами же, не касаясь разсужденій о сущности, и повѣривъ Моисею, что сотвори Богъ небо и землю, прославимъ наилучшаго Художника, премудро и искусно сотворившаго міръ, и изъ красоты видимаго уразумѣемъ Превосходящаго всѣхъ красотою; изъ величія сихъ чувственныхъ и ограниченныхъ тѣлъ сдѣлаемъ наведеніе о Безконечномъ, превысшемъ всякаго величія, и по множеству Своея силы превосходящемъ всякое разумѣніе. Хотя и не знаемъ природы сотвореннаго; но и то одно, что въ совокупности подлежитъ нашимъ чувствамъ, столько удивительно, что самый дѣятельный умъ оказывается недостаточнымъ для того, чтобы изъяснить, какъ слѣдуетъ, самомалѣйшую часть міра, и чтобы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

Бесѣда 2. О томъ, что земля бѣ невидима и неустроена. (Быт. 1, 2).

На немногихъ словахъ остановившись утромъ, нашли мы въ нихъ такую сокровенную глубину мыслей, что приходимъ въ совершенную безнадежность касательно послѣдующихъ. Ибо если входъ во Святая таковъ, и преддверіе храма такъ досточестно и величественно, такимъ преизбыткомъ красоты осіяваетъ наши очи и умы; то каково же Святая-Святыхъ? И кто достоинъ смѣло взойти во святилище? Или кто простеръ взоръ на таинственное? И зрѣніе сихъ тайнъ недоступно, и знаменованіе вмѣщаемаго умомъ совершенно неизъяснимо.

Впрочемъ, послику у Праведнаго Судіи назначены немаловажныя награды и за одно преднамѣреніе исполнить должное: то не облѣнимся заняться изслѣдованіемъ. Ибо, хотя не постигнемъ достоинства предметовъ, однако же если, при помощи Духа, не уклонимся отъ намѣренія Писанія,

то и сами, конечно, не будемъ признаны ни къ чему негодными, и, при содѣйствіи благодати, сдѣлаемъ нѣчто къ назиданію Церкви Божіей.

Сказано: земля же бѣ невидима и неустроена. Почему, когда то и другое, и небо и земля, сотворены равночестно, небо доведено до совершенства, а земля еще несовершенна и не получила полнаго образованія? Или вообще, что значитъ неустроенность земли? И по какой причинѣ была она невидима?

Совершенное устройство земли означаетъ обиліе ея произведеній, прозябаніе всякаго рода растеній, появленіе высокихъ деревъ, и плодовитыхъ и неплодовитыхъ, доброцвѣтность и благовоніе цвѣтовъ, и все то, что въ скоромъ времени должно было, по Божію повелѣнію, произникнувъ на землѣ, украсить породившую все сіе. А какъ ничего этого еще не было; то Писаніе справедливо наименовало землю неустроенною.

Но то же самое можемъ сказать и о небѣ. И оно не имѣло еще полнаго образованія, не получило свойственнаго ему украшенія; потому что не освѣщалось луною и солнцемъ, не вѣнчалось сонмами звѣздъ. Всего этого еще не было; а потому не погрѣшишь противъ истины, если и небо назовешь неустроеннымъ.

Невидимою же названа земля по двумъ причинамъ, или потому что не было еще зрителя земли—человѣка, или потому что она погружалась въ глубинѣ, и отъ разливающейся на поверхности ея воды не могла быть видимою. Ибо воды не были еще совокуплены въ свои собранія, которыя совокупившій ихъ Богъ наименовалъ впослѣдствіи морями. Да и что бываетъ невидимо? Какъ то, чего нельзя видѣть плотскими глазами, какова наша мысль, такъ и то, что по природѣ видимо, но скрывается по причинѣ загражденія наложеннымъ на него тѣломъ, какъ желѣзо въ глубинѣ. Въ семъ значеніи, какъ думаю, и теперь названа невидимою земля, покрытая водою. Сверхъ того, поелику не былъ еще сотворенъ свѣтъ, то не удивительно, что земля, по причинѣ неосвѣщеннаго надъ нею воздуха, лежащая во тмѣ, и въ этомъ отношеніи названа въ Писаніи невидимою.

Но поддѣлывающіеся подъ истину, не пріучившіе ума своего слѣдовать Писанію, а напротивъ того, по собственному усмотрѣнію, превращающіе смыслъ написаннаго, говорятъ, что сими словами означается матерія. Ибо матерія, разсуждаютъ они, по природѣ своей невидима и неустроена; потому что сама въ себѣ взятая безкачественна, не имѣетъ никакого вида и очертанія. И ее-то, взявъ, Художникъ, по Своей премудрости, образовалъ и привелъ въ порядокъ, а такимъ образомъ осуществилъ изъ нея видимое.

Итакъ, если матерія не сотворена, то, во-первыхъ, она равночестна Богу, какъ удостоенная тѣхъ же преимуществъ. Но что можетъ быть сего нечестивѣе? Безкачественное, не имѣющее вида, крайнее безобразіе, не получившую никакого образованія гнусность (употребляю собственныя вы-

раженія сихъ учителей) удостоитъ одинаковаго предпочтенія съ премудрымъ, всемогущимъ и прекраснѣйшимъ Создателемъ и Творцомъ всяческихъ! Во-вторыхъ, если матерія такъ вмѣстительна, что можетъ принять въ себя все вѣдомое Богу; то чрезъ это сущность матеріи уравниваютъ они нѣкоторымъ образомъ съ неизслѣдимымъ Божіимъ могуществомъ, какъ скоро матерія достаточна къ тому, чтобы измѣрить собою весь разумъ Божій. А если матерія мала для Божія дѣйствованія, то и въ такомъ случаѣ ученіе ихъ обратится въ нелѣпую хулу; потому что недостаточностію матеріи заставятъ они Бога остаться въ бездѣйствіи и не довершить дѣлъ Своихъ.

Но ихъ ввела въ заблужденіе скудость естества человѣческаго. Поелику у насъ каждое искусство трудится надъ однимъ какимъ-нибудь веществомъ отдѣльно, напримѣръ: кузнечное надъ желѣзомъ, плотничное надъ деревами; поелику въ сихъ искусствахъ иное есть матерія, иное форма, а иное—производимое по формѣ, и вещество берется совнѣ, форма же прилаживается искусствомъ, а произведеніемъ бываетъ нѣчто сложенное изъ того и другого, изъ формы и изъ матеріи: то они разсуждаютъ такимъ же образомъ и о Божіемъ созиданіи, что форма дана міру премудростію Творца всяческихъ, а вещество имѣлъ Создатель со-внѣ, и произошелъ сложенный міръ, который матерію и сущность имѣетъ отъ инаго начала, а очертаніе и образъ получилъ отъ Бога. Вслѣдствіе сего они отрицаютъ, чтобы великій Богъ былъ полновластенъ при устроеніи всего сущаго, представляютъ же Его какъ бы участвовавшимъ въ складчинѣ и малую только долю вложившимъ отъ Себя въ бытіе существъ. Такъ они, по низости своихъ умствованій, не могутъ досязать взоромъ до высоты истины; потому что здѣсь искусства позднѣе веществъ, будучи внесены въ жизнь нашу по требованію необходимости. Прежде была шерсть; потомъ родилось ткацкое искусство, чтобы восполнить отъ себя недостатокъ природы. Было и дерево; строительное же искусство, взявъ и обдѣлывая сіе вещество для каждой представлявшейся нужды, показало намъ пользу деревъ, доставляя мореходцамъ весло, земледѣльцамъ вѣяльную лопату, воинамъ древко для копья.

Но Богъ, прежде нежели существовало что-нибудь изъ видимаго нынѣ, положивъ въ умѣ и подвигшись привести въ бытіе несущее, вмѣстѣ и помыслилъ, какимъ долженъ быть міръ, и произвелъ матерію соотвѣтственную формѣ міра. Для неба отдѣлилъ Онъ естество приличное небу, и въ форму земли вложилъ сущность, свойственную землѣ и для нея потребную. Огню же, водѣ, воздуху и формы далъ, какія хотѣлъ, и въ сущность ихъ привелъ, какъ требовало умопредставленіе каждой изъ творимыхъ вещей. И цѣлый міръ, состоящій изъ разнородныхъ частей, связалъ Онъ какимъ-то неразрывнымъ союзомъ любви въ единое общеніе и въ одну

гармонію; такъ что части, по положенію своему, весьма удаленныя одна отъ другой, кажутся соединенными посредствомъ симпатіи. Посему да прекратятъ свои баснословныя построенія тѣ, которые, при немощи собственныхъ умствованій, измѣряютъ могущество непостижимое для разумѣнія и вовсе неизреченное на человѣческомъ языкѣ!

Сотвори Богъ небо и землю; не въ половину каждое, но цѣлое небо и цѣлую землю, самую сущность, взятую вмѣстѣ съ формою, потому что онъ не изобрѣтатель только образовъ, но Зиждитель самаго естества существъ. Иначе, пусть отвѣчаютъ намъ, какимъ образомъ встрѣтились между собою и дѣятельная сила Божія, и страдательная природа вещества, встрѣтились между собою и вещество, доставляющее матерію безъ образа, и Богъ, имѣющій знаніе образовъ безъ вещества, встрѣтились такъ, что недостающее у одного дается другимъ; дается Зиждителю то, надъ чѣмъ показать искусство, а веществу то, чтобы отложить свое безобразіе и неимѣніе формы? Но о семъ довольно. Возвратимся къ сказанному въ началѣ.

Земля же бѣ невидима и неустроена. Сказавшій: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю умолчалъ о многомъ: о водѣ, о воздухѣ, объ огнѣ, и о видоизмѣненіяхъ, изъ нихъ происшедшихъ. Хотя все это, какъ служащее къ восполненію міра, очевидно, существовало въ цѣломъ; однако же, исторія не коснулась сего, чтобы пріучить умъ нашъ къ самодѣятельности, и дать ему случай по немногимъ даннымъ дѣлать заключенія и о прочемъ. Посему, когда не сказано о водѣ, что сотворилъ ее Богъ, но сказано, что земля была невидима; разсуди самъ въ себѣ: какою же завѣсою она была покрыта и не являлась зрѣнію? Огонь не могъ ее закрывать; потому что огонь свѣтоносенъ, и къ чему присоединяется, тому сообщаетъ скорѣе видимость, нежели темноту. Также и не воздухъ былъ тогда покровомъ земли; потому что естество воздуха тонко и прозрачно, принимаетъ въ себя всѣ образы видимыхъ вещей и передаетъ ихъ взорамъ видящихъ. Итакъ, остается намъ представить, что вода возвышалась на земной поверхности, пока еще влажная сущность не была отдѣлена въ особое мѣсто. А отсего земля была не только невидима, но и неустроена, потому что излишество влаги даже и нынѣ бываетъ препятствіемъ плодородію земли. Итакъ, одна причина и невидимости и неустроенности; если только подъ устройствомъ земли разумѣть свойственное ей и естественное украшеніе—жатвы, волнующіяся въ долинахъ, зеленѣющіе и испещренные различными цвѣтами луга, цвѣтущіе холмы и осѣненныя лѣсами вершины горъ. Всего этого еще не было. Земля, по силѣ, вложенной въ нее Создателемъ, хотя готова была породить все сіе, однако же, ожидала приличнаго времени, чтобы, по Божію повелѣнію, произвести на свѣтъ свои порожденія.

Но сказано: и тма верху бездны. Опять новый предлогъ къ баснословію, новыя основанія къ нечестивымъ построеніямъ для тѣхъ, которые извращаютъ слова по собственнымъ догадкамъ! Ибо не объясняютъ по-обыкновенному, что тма есть какой-нибудь неосвѣщенный воздухъ, или мѣсто, затѣненное отъ прегражденія свѣта тѣломъ, или, вообще, мѣсто, лишенное свѣта по какой ни есть причинѣ; но толкуютъ, что тма есть злая сила, лучше же сказать, самое зло, само отъ себя имѣющее начала, противоположное и противодѣйствующее Божіей благости. Если Богъ свѣтъ есть (1 Іоан. 1, 5); то сила Ему противоборствующая, говорятъ они, въ сообразность сей мысли, очевидно, будетъ тма,—тма, не отъ другаго кого имѣющая бытіе, но самобытное зло,—тма, нѣчто враждебное душамъ, нѣчто производящее смерть, противленіе добродѣтели. И въ самыхъ словахъ Пророка, по ложному ихъ разумѣнію, показывается, что тма сія существовала, а не Богомъ сотворена. И на этомъ предположеніи какихъ не построено лукавыхъ и безбожныхъ ученій! Какіе волцы тяжцы (Дѣян. 20, 29), расточающіе Божіе стадо, устремлялись па души, ведя начала отъ сего краткаго слова [1])! Не отсюда ли Маркіоны? Не отсюда ли Валентины? Н еотсюда ли мерзкая ересь Манихеевъ, которую если назоветъ кто гнилостію въ церквахъ, не погрѣшитъ въ приличіи наименованія?

Для чего, человѣкъ, бѣжишь вдаль отъ истины, самъ для себя вымышляя случаи къ погибели? Просто и для всякаго удобопонятно слово; сказано: земля бѣ невидима. Какая же тому причина? Та, что земля имѣла надъ собою распростертую бездну. Что же за понятіе: бездна? Это—множество воды, въ которомъ невозможно достать нижняго предѣла. Но знаемъ, что многія тѣла часто бываютъ видны сквозь тонкую и прозрачную воду. Почему же ни одна часть земли не показывалась въ водахъ? Потому что разлитый надъ водою воздухъ былъ еще не свѣтелъ, но теменъ. Ибо лучъ солнечный, проходящій чрезъ воды, показываетъ часто въ глубинѣ мелкіе камни. Но въ глубокую ночь никто никакимъ образомъ не увидитъ находящагося подъ водою. Посему словамъ: земля бѣ невидима, поясненіемъ служитъ присовокупленное, что лежала на ней бездна, и бездна была темная.

Итакъ бездна—не множество сопротивныхъ силъ, какъ представляли себѣ нѣкоторые, и тма— не первоначальная какая-нибудь и лукавая сила, противопоставляемая добру. Ибо двѣ силы, по противоположности одна другой уравнивающіяся, непремѣнно будутъ одна для другой разрушительны, и состоя между собою въ непрекращаемой брани, непрестанно будутъ имѣть и доставлять другъ другу случаи ко враждѣ. И если одна

[1]) То есть слово: тма.

изъ противоположныхъ силъ превосходитъ другую могуществомъ, то дѣлается совершенно истребительною для преодолѣваемой силы. Посему, если говорятъ, что сопротивленіе зла добру равносильно, то вводятъ непрекращающуюся брань и непрестанное разрушеніе, поелику каждое отчасти одолѣваетъ и одолѣвается. А если добро превосходитъ силою; то по какой причинѣ природа зла не истреблена совершенно? А если, чего и выговорить невозможно... дивлюсь, какъ не бѣгутъ они сами отъ себя, будучи увлекаемы въ такія злочестивыя хулы!

Но неблагочестиво сказать и то, будто бы зло имѣетъ начало отъ Бога; потому что противное отъ противнаго не происходитъ. Жизнь не рождаетъ смерти, тма не начало свѣту, болѣзнь не содѣтельница здравія. Напротивъ того, хотя при перемѣнѣ состояній бываютъ переходы изъ противоположнаго въ противоположное, однако же, въ рожденіяхъ каждая рождающаяся вещь происходитъ не отъ противоположнаго, но отъ однороднаго. Итакъ, спрашиваютъ: если зло и не есть нѣчто несотворенное, и не Богомъ сотворено; то откуда же имѣетъ свою природу? А что зло существуетъ, сего не будетъ отрицать никто изъ причастныхъ жизни.

Что же скажемъ на сіе? То, что зло не живая и одушевленная сущность, но состояніе души, противоположное добродѣтели и происходящее въ безпечныхъ чрезъ отпаденіе отъ добра. Посему не доискивайся зла вовнѣ, не представляй себѣ, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый да признаетъ себя самого виновникомъ собственнаго злонравія.

Все, что ни бываетъ, всегда приключается съ нами частію по природѣ, напримѣръ: старость и немощи; частію по случаю, напримѣръ, нежиданныя встрѣчи чего нибудь нерѣдко скорбнаго или радостнаго, происходящія отъ постороннихъ причинъ, какъ то: роющему колодезь обрѣтеніе сокровища, или идущему на рынокъ встрѣча бѣшеной собаки; частію же отъ насъ зависитъ, напримѣръ: взять верхъ надъ пожеланіями, или не полагать мѣры удовольствіямъ, удержаться отъ гнѣва, или наложить руки на раздражившаго, сказать правду или солгать, имѣть нравъ кроткій и умѣренный, или гордный и заносчивый.

Посему не ищи во-внѣ начала тому, надъ чѣмъ самъ ты господинъ, но знай, что зло, въ собственномъ смыслѣ взятое, получило начало въ произвольныхъ паденіяхъ. А если бы оно было не произвольно, и не отъ насъ зависѣло, то какъ законы не угрожали бы такимъ страхомъ обидчикамъ, такъ и наказанія, налагаемыя на преступниковъ въ судахъ по мѣрѣ вины, были бы тогда неизбѣжны. Сіе пусть будетъ сказано о злѣ, въ собственномъ смыслѣ взятомъ. А болѣзнь, бѣдность, безславіе, смерть и другія человѣческія скорби не должно и включать въ число золъ; потому что противоположное имъ не причисляется нами къ величайшимъ благамъ; и

скорби сіи частію бываютъ по природѣ, а частію оказываются для многихъ послужившими въ пользу.

Итакъ, въ настоящемъ случаѣ, заставивъ умолкнуть всякое переносное и догадочное толкованіе, изложимъ понятіе тмы просто, безъ тонкостей, слѣдуя намѣренію Писанія. Разумъ спрашиваетъ: сотворена ли тма вмѣстѣ съ міромъ, и первоначальнѣе ли она свѣта, а поэтому точно ли худшее старше? — Отвѣтствуемъ, что и сія тма не что либо самостоятельное, но видоизмѣненіе въ воздухѣ, произведенное лишеніемъ свѣта. Какого же свѣта лишеннымъ вдругъ нашлось мѣсто въ мірѣ, такъ что поверхъ воды стала тма?

Полагаемъ, что, если было что нибудь до составленія сего чувственнаго и тлѣннаго міра, то оно, очевидно, находилось во свѣтѣ. Ибо ангельскіе чины, всѣ небесныя воинства, вообще, какія только есть, именуемыя и неименуемыя умныя природы и служебные духи, жили не во тмѣ, но во свѣтѣ и во всякомъ духовномъ веселіи имѣли приличное для себя помѣщеніе. И противъ сего никто не будетъ спорить, тѣмъ паче тотъ, кто въ числѣ обѣтованныхъ благъ ожидаетъ пренебеснаго свѣта, о которомъ говоритъ Соломонъ: свѣтъ праведнымъ всегда (Притч. 13, 9), и Апостолъ: благодаряще Бога и Отца, призвавшаго насъ въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ (Кол. 1, 12). Ибо если осужденные посылаются во тму кромѣшную; то совершившіе дѣла достойныя благоволенія, очевидно, имѣютъ упокоеніе въ премірномъ свѣтѣ.

Посему, когда по Божію повелѣнію, вдругъ распростерто было небо вокругъ того, что заключилось внутри собственной его поверхности, и стало оно непрерывнымъ тѣломъ, достаточнымъ къ тому, чтобы отдѣлить внутреннее отъ внѣшняго[1]); тогда по необходимости само небо сдѣлало неосвѣщеннымъ объемлемое имъ мѣсто, пресѣкши лучи, идущіе со-внѣ. Ибо для тѣни нужно быть въ одно время свѣту, тѣлу и неосвѣщенному мѣсту. Такимъ образомъ, тма въ мірѣ произошла отъ тѣни небеснаго тѣла. Сказанное же мною поймешь изъ очевиднаго примѣра, если въ ясный полдень поставишь надъ собою палатку изъ плотной и непроницаемой ткани, и самъ себя заключишь въ составившуюся мгновенно тму. Такою же предположи и оную тму, то есть, не чѣмъ нибудь предварительно осуществленнымъ, но слѣдствіемъ другихъ вещей. О сей, конечно, тмѣ говорится, что она возвышалась надъ бездною, потому что съ поверхностями тѣлъ обыкновенно соприкосновенны крайніе предѣлы воздуха; но тогда надъ всѣми

---

[1]) Дуцей совѣтуетъ здѣсь читать: внѣшнее отъ внутренняго, согласно съ Өеодоритомъ, который въ вопросѣ 6-мъ на книгу Бытія заимствуетъ все сіе мѣсто у Св. Василія.

тѣлами разлита была вода; почему по необходимости сказано, что тма верху бездны.

И Духъ Божій, говоритъ Моисей, ношашеся верху воды. Или духъ сей означаетъ разліяніе воздуха, и ты разумѣй, что Писатель перечисляетъ части міра, то есть, что Богъ сотворилъ небо, землю, воду, воздухъ, и притомъ воздухъ уже разлитый и текучій. Или, что ближе къ истинѣ и одобрено прежде насъ, духомъ Божіимъ названъ Духъ Святый; потому что Онъ, по замѣченному, преимущественно и исключительно достоинъ такого упоминанія въ Писаніи, и никакой другой духъ не именуется Божіимъ, кромѣ Святаго, восполняющаго Собою Божественную и блаженную Троицу. И ты, допустивъ такое разумѣніе, извлечешь изъ него большую пользу.

Какъ же Онъ ношашеся верху воды? Скажу тебѣ не свое мнѣніе, но мнѣніе одного Сиріянина, который былъ столько же далекъ отъ мірской мудрости, сколько близокъ къ вѣдѣнію истиннаго. Итакъ, онъ говорилъ, что Сирскій языкъ выразительнѣе и, по сродству съ Еврейскимъ, нѣсколько ближе подходитъ къ смыслу Писанія. Разумѣніе же сего реченія таково. Слово: ношашеся, какъ говоритъ онъ, въ переводѣ употреблено вмѣсто слова согрѣвалъ и оживотворялъ водное естество, по подобію птицы, насиживающей яица и сообщающей нагрѣваемому какую-то живительную силу. Подобная сей мысль, говорятъ, означается симъ словомъ и въ настоящемъ мѣстѣ. Духъ носился, то есть приуготовлялъ водное естество къ рожденію живыхъ тварей. Такимъ образомъ, изъ сего достаточно объясняется предлагаемый иными вопросъ: безъ дѣйствія ли оставался Духъ Святый въ дѣлѣ творенія?

И рече Богъ: да будетъ свѣтъ (Быт. 1, 3). Первое Божіе слово создало природу свѣта, разогнало тму, разсѣяло уныніе, обвеселило міръ, всему дало вдругъ привлекательный и пріятный видъ. Явилось небо, покрытое дотолѣ тмою; открылась красота его въ такой мѣрѣ, въ какой еще и нынѣ свидѣтельствуютъ о ней взоры. Озарился воздухъ, лучше же сказать, въ цѣломъ объемѣ растворилъ все количество свѣта, повсюду, до самыхъ своихъ предѣловъ, распространяя быструю передачу лучей; ибо вверхъ простирался онъ до самаго эфира и неба, а въ широту всѣ части міра, сѣверныя и южныя, восточныя и западныя, освѣщалъ въ быстрое мгновеніе времени. Такова природа воздуха; она тонка и прозрачна; и потому проходящій чрезъ него свѣтъ не имѣетъ нужды ни въ какомъ временномъ протяженіи. Какъ не во времени переноситъ онъ зрѣніе наше къ видимымъ предметамъ, такъ и приливы свѣта во всѣ свои предѣлы пріемлетъ мгновенно, въ сравненіи съ чѣмъ нельзя и мысленно представить кратчайшаго мига времени. И эѳиръ сталъ пріятнѣе при свѣтѣ; воды сдѣлались свѣтлѣе, не только принимая въ себя лучи, но и

испуская ихъ отъ себя чрезъ отраженіе свѣта, потому что вода во всѣ стороны отбрасывала отблески. Божіимъ словомъ все измѣнено въ пріятнѣйшій и честнѣйшій видъ. Какъ пускающіе въ глубину масло производятъ на томъ мѣстѣ блескъ; такъ и Творецъ всяческихъ, изрекши слово Свое, мгновенно вложилъ въ міръ благодать свѣта. Да будетъ свѣтъ. И повелѣніе стало дѣломъ; произошло естество, пріятнѣе котораго къ наслажденію невозможно ничего и представить человѣческимъ разумомъ.

Когда же приписываемъ Богу гласъ, рѣчь и повелѣніе; тогда подъ Божіимъ словомъ не разумѣемъ звука, издаваемаго словесными органами, и воздуха, приводимаго въ сотрясеніе посредствомъ языка, но, для большей ясности учащимся, хотимъ въ видѣ повелѣнія изобразить самое мановеніе въ волѣ.

И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро (Быт. 1, 4). Можемъ ли мы сказать что нибудь достаточное въ похвалу свѣта, когда онъ предварительно имѣетъ о себѣ свидѣтельство Сотворившаго: яко добро? И въ нашихъ дѣлахъ разумъ предоставляетъ судить глазамъ, когда не можетъ ничего сказать съ такою же силою, съ какою предварительно свидѣтельствуетъ чувство. Но если красота тѣла состоитъ во взаимной соразмѣрности частей и въ наружной доброцвѣтности; то какъ понятіе красоты удерживаетъ мѣсто въ свѣтѣ, который по природѣ простъ и однороденъ? Не потому-ли, что свѣту приписывается соразмѣрность, не въ отношеніи къ собственнымъ его частямъ, но въ отношеніи къ неболѣзненному и пріятному дѣйствію на зрѣніе? Такъ и золото прекрасно, хотя имѣетъ привлекательность для взора и пріятность не по соразмѣрности частей, но по одной доброцвѣтности. И вечерняя звѣзда прекраснѣе всѣхъ звѣздъ, не потому что соразмѣрны части, изъ которыхъ она состоитъ, но потому что лучи ея падаютъ на глаза, не производя никакого болѣзненнаго ощущенія и съ пріятностью. Сверхъ того Богъ произноситъ теперь судъ о красотѣ, безъ сомнѣнія не имѣя въ виду пріятности для зрѣнія, но предусматривая пользу свѣта въ послѣдствіи, потому что глаза не судили еще о красотѣ свѣта.

И разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою, то есть Богъ содѣлалъ природу ихъ несоединимою и совершенно противоположною; потому что удалилъ ихъ другъ отъ друга и отдѣлилъ великою средою.

И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече нощь (Быт. 1, 5). Нынѣ, по сотвореніи уже солнца, день есть освѣщеніе воздуха солнцемъ, которое сіяетъ въ полушаріи, лежащемъ надъ землею, а ночь— покрытіе земли тѣнью, когда сокрывается солнце. Но тогда, не по солнечному движенію, но потому что первобытный оный свѣтъ, въ опредѣленной

Богомъ мѣрѣ, то разливался, то опять сжимался, происходилъ день и слѣдовала ночь.

И бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ. Вечеръ есть общій предѣлъ дня и ночи; подобнымъ образомъ и утро есть смежность ночи со днемъ. Посему, чтобы старѣйшинство бытія приписать дню, Моисей сперва наименовалъ конецъ дня, а потомъ конецъ ночи, такъ какъ ночь слѣдуетъ за днемъ. Ибо состояніе въ мірѣ, предшествовавшее сотворенію свѣта, было не ночь, но тма; а что стало отлично отъ дня, то названо ночью; сему и наименованіе дано послѣ дня.

И такъ бысть вечеръ, и бысть утро. Пророкъ разумѣетъ продолженіе дня и ночи; но не наименовалъ дня и ночи, а далъ наименованіе только превосходнѣйшему. Тотъ же обычай найдешь и во всемъ Писаніи; при измѣреніи времени счисляются дни, а не вмѣстѣ и ночи со днями. Дніе лѣтъ нашихъ, говоритъ Псалмопѣвецъ (Псал. 69, 10). И Іаковъ также говоритъ: дніе житія моего малы и злы (Быт. 47, 9). И еще сказано: вся дни живота моего (Псал. 22, 6). Такимъ образомъ, преданное нынѣ въ видѣ исторіи служитъ закономъ и для послѣдующаго.

И бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ. Почему названъ не первымъ, но единымъ? Хотя намѣревающемуся говорить о второмъ, и о третьемъ, и четвертомъ дняхъ было бы приличнѣе наименовать первымъ тотъ день, съ котораго начинаются послѣдующіе; однако же, онъ назвалъ единымъ. Или опредѣляетъ симъ мѣру дня и ночи, и совокупляетъ въ одно суточное время, потому что двадцать четыре часа наполняютъ продолженіе одного дня, если подъ днемъ подразумѣвать и ночь. Почему, хотя при поворотахъ солнца случается, что день и ночь другъ друга превосходятъ, однако же продолженіе дня и ночи всегда ограничивается єдинымъ опредѣленнымъ временемъ. И Моисей какъ бы такъ сказалъ: мѣра двадцати четырехъ часовъ есть продолженіе одного дня, или возвращеніе неба отъ одного знака къ тому же опять знаку совершается въ одинъ день. Почему всякій разъ, какъ отъ солнечнаго обращенія наступаютъ въ мірѣ вечеръ и утро, періодъ сей совершается не въ большое время но въ продолженіе одного дня. Или главное сему основаніе скрывается въ таинственномъ знаменованіи, именно, что Богъ, устроивъ природу времени, мѣрою и знаменіями онаго положилъ продолженія дней и, измѣряя время седмицею, повелѣваетъ, чтобы седмица, исчисляющая движеніе времени, всегда круговращалась сама на себя, а также и седмицу наполнялъ одинъ день, седмикратно самъ на себя возвращающійся. А образъ круга таковъ, что самъ онъ съ себя начинается, и самъ въ себѣ оканчивается. Конечно, же и вѣкъ имѣетъ то отличительное свойство, что самъ на себя возвращается и нигдѣ не оканчивает-

ся. Потому Моисей главу времени назвалъ не первымъ, но единымъ днемъ, чтобы день сей по самому наименованію имѣлъ сродство съ вѣкомъ. И онъ, какъ обнаруживающій въ себѣ признакъ одинокости и несообщимости съ чѣмъ-либо другимъ, въ собственномъ смыслѣ и прилично наименованъ единымъ. Хотя Писаніе представляетъ намъ многіе вѣки, часто говоря: вѣкъ вѣка и вѣки вѣковъ; однако, въ немъ не перечисляются ни первый, ни вторый, ни третій вѣкъ, чтобы изъ этого были намъ видны болѣе различія состояній и разнообразныхъ вещей, нежели ограниченія, окончанія и преемство вѣковъ. Ибо сказано: день Господень великъ и свѣтелъ (Іоил. 2, 11); И еще: вскую вамъ искати дне Господня, сей бо есть тма, а не свѣтъ (Амос. 5, 18),—тма же, очевидно, для достойныхъ тмы. Ибо по нашему ученію извѣстенъ и тотъ невечерній, не имѣющій преемства и нескончаемый день, который у Псалмопѣвца наименованъ осмымъ (Псал. 6, 1), потому что онъ находится внѣ сего седмичнаго времени. Посему назовешь ли его днемъ, или вѣкомъ, выразишь одно и то же понятіе; скажешь ли, что это день, или что это состояніе, всегда онъ одинъ, а не многіе; наименуешь ли вѣкомъ, онъ будетъ единственный, а не многократный. Посему и Моисей, чтобы вознести мысль къ будущей жизни, наименовалъ единымъ сей образъ вѣка, сей начатокъ дней, сей современный свѣту, святый Господень день, прославленный воскресеніемъ Господа. Потому и говоритъ: бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ.

Но разсужденія объ одномъ вечерѣ, застигнутыя настоящимъ вечеромъ, здѣсь полагаютъ конецъ нашему слову. Отецъ истиннаго свѣта, украсившій свѣтомъ небеснымъ, просвѣтлившій ночь блескомъ огня, предуготовавшій упокоеніе будущаго вѣка въ духовномъ и непрекращающемся свѣтѣ, да просвѣтитъ сердца ваши въ познаніи истины, и да соблюдетъ жизнь вашу непреткновенною, даровавъ вамъ яко во дни, благоразумно ходити (Римл. 13, 13), чтобы возсіять, подобно солнцу, во свѣтлости святыхъ, въ мое похваленіе, въ день Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 3. О тверди.

Дѣла перваго дня, лучше же сказать (не будемъ отнимать у него естественнаго преимущества, какое получилъ онъ отъ Создателя, будучи произведенъ особенно и не включенъ въ одинъ разрядъ съ другими днями), дѣла единаго дня, именно то, что произведено въ оный, изобразило слово вчера и, преподавъ толкованіе слушателямъ, составило для душъ какъ утреннее препитаніе, такъ и вечернее веселіе; а теперь переходимъ къ чудесамъ втораго дня. Говорю же такъ, приписывая это не силѣ толкователя,

по изяществу Писанія; потому что оно естественнымъ образомъ нравится, привлекательно и вожделѣнно для всякаго сердца, предпочитающаго истинное правдоподобному. Такъ и Псалмопѣвецъ, весьма выразительно изображая усладительность истины, говоритъ: коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ (Псал. 118, 103). Почему, увеселивъ вчера души ваши, по мѣрѣ возможности, собесѣдованіемъ о словесахъ Божіихъ, опять собрались мы нынѣ—на другой день, чтобы обозрѣть чудеса дѣлъ втораго дня.

Но не сокрыто отъ меня и то, что среди насъ стоятъ многіе ремесленники, которые, занимаясь художествами рукодѣльными, съ трудомъ добываютъ себѣ пропитаніе дневною работою; и они-то обсѣкаютъ у меня слово, чтобы не надолго отвлекаться отъ работы. Что же скажу имъ? То, что часть времени, данная въ-заимъ Богу, не пропадаетъ, но вознаграждается Имъ съ великимъ прибыткомъ. Ибо всѣ тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ къ дѣлу, благоустроитъ Господь предпочитающимъ духовное, подавъ въ дѣлахъ ихъ и крѣпость тѣла, и усердіе души, и удобство къ сбыту работъ, и благоуспѣшность въ цѣлой жизни. Но хотя бы въ настоящей жизни плоды трудовъ нашихъ и не соотвѣтствовали надеждамъ; по крайней мѣрѣ для послѣдующаго вѣка доброе сокровище — ученіе Духа. Посему отложи изъ сердца всякое житейское попеченіе, и весь соберись теперь самъ въ себя. Ибо мало пользы, если тѣломъ ты здѣсь, а сердце твое занято земнымъ сокровищемъ.

И рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды: и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды (Быт. 1, 6). И вчера уже слышали мы слова Божіи: да будетъ свѣтъ; и нынѣ слышимъ: да будетъ твердь. Но въ настоящемъ случаѣ они, по видимому, заключаютъ въ себѣ нѣчто большее; потому что слово не ограничилось простымъ повелѣніемъ, но опредѣлило и причину, по которой требуется устроеніе тверди. Сказано: да разлучаетъ посредѣ воды и воды.

Остановившись на первомъ, спрашиваемъ: какъ говоритъ Богъ? Такъ же ли, какъ и мы, то есть, сперва въ мысли рождается образъ предметовъ, потомъ, по представленіи ихъ, избравъ значенія свойственныя и соотвѣтственныя каждому предмету, Онъ излагаетъ, а потомъ, передавъ мыслимое на производство словесныхъ органовъ, такимъ уже образомъ, чрезъ сотрясеніе воздуха, нужное къ членораздѣльному движенію голоса, дѣлаетъ ясною тайную Свою мысль? И не походитъ ли на басню утверждать, что Богу нужно столько околичностей для обнаруженія Своей мысли? Или благочестивѣе будетъ сказать, что Божіе хотѣніе и первое устремленіе мысленнаго движенія есть уже Божіе слово? Писаніе же изображаетъ Бога многословно, дабы показать, что Онъ не только восхотѣлъ бытія твари, но и

привелъ ее въ бытіе чрезъ нѣкоего Содѣйственника. Какъ сказало оно въ началѣ, такъ могло бы выразиться и обо всемъ; сказавъ: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, потомъ могло бы сказать: сотвори свѣтъ, а потомъ: сотвори твердь. Но теперь, представляя Бога повелѣвающимъ и разглагольствующимъ, самымъ умолчаніемъ указываетъ на того, кому Богъ повелѣваетъ и съ кѣмъ разглагольствуетъ, ни мало не скупясь въ сообщеніи намъ вѣдѣнія, но распаляя въ насъ желаніе тѣмъ, что набрасываетъ нѣкоторые слѣды и указанія Неизрѣченнаго. Ибо пріобрѣтенное съ трудомъ и съ радостію пріемлется и тщательно соблюдается. А гдѣ пріобрѣтеніе удобно, тамъ и обладаніе не важно. Посему Писаніе какъ бы окольною дорогою и постепенно приближаетъ насъ къ мысли объ Единородномъ.

Но для естества безтѣлеснаго и въ этомъ случаѣ не было нужды въ словѣ, произносимомъ посредствомъ голоса, потому что Содѣйствующему самыя мысли могли быть переданы. Ибо какая нужда въ словѣ тѣмъ, которые могутъ другъ другу сообщать изволенія свои мысленно? Голосъ для слуха и слухъ по причинѣ голоса. А гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни языка, ни уха, ни извитаго прохода, который бы переносилъ звуки къ сочувствію въ головѣ, тамъ не нужны реченія, но передаются самыя, какъ сказалъ бы иный, сердечныя помышленія воли. Посему, какъ замѣчено, для того, чтобы возбудить умъ нашъ къ изслѣдованіямъ о Лицѣ, къ Которому изречены слова, премудро и искусно употребленъ этотъ образъ разглагольствія.

Во-вторыхъ, должно изслѣдовать, иное ли что отличное отъ неба, сотвореннаго въ началѣ, эта твердь, которая и сама называется небомъ, и точно ли два неба?

Любомудрствовавшіе о небѣ согласились бы лучше лишиться языка, нежели признать сіе истиннымъ. Ибо они предполагаютъ, что небо одно, и что нѣтъ естества, изъ котораго могло бы произойти второе, третіе, и такъ далѣе, небо; потому что вся сущность небеснаго тѣла, какъ они думаютъ, издержана на составленіе одного неба. И круговращающееся тѣло, говорятъ они, одно и притомъ ограничено: если же оно употреблено на первое небо; то ничего не остается къ происхожденію втораго и третьяго неба. Такъ представляютъ себѣ тѣ, которые, кромѣ Создателя, вводятъ несотворенное вещество, и, сложивъ первую басню, увлекаются къ послѣдующей лжи.

Но мы просимъ Еллинскихъ мудрецовъ не смѣяться надъ нами, пока они не кончатъ между собою своихъ споровъ. Ибо есть между ними и такіе, которые говорятъ, что небесъ и міровъ безчисленное множество. Но когда изобличатъ они невѣроятность послѣдняго мнѣнія, употребивъ самые сильные доводы, и съ геометрическою неизбѣжностію докажутъ, что по природѣ невозможно быть другому небу, кромѣ одного; тогда особенно по-

смѣемся надъ ихъ чертежною мудростію и ученымъ пустословіемъ; если только они, видя, что отъ одинаковой причины происходятъ и одинъ пузырь и многіе пузыри, при всемъ томъ сомнѣваются касательно многихъ небесъ, достаточно ли зиждительной силы къ проведенію ихъ въ бытіе. Ибо думаемъ, что крѣпость и величіе небесъ немного превосходятъ эту влагу, въ видѣ пустаго шара надувшуюся въ родникахъ, если обращено будетъ вниманіе на превосходство Божія могущества. Такъ смѣшно ихъ понятіе о невозможномъ! А мы столько далеки отъ мысли не вѣрить второму небу, что взыскуемъ и третьяго неба, видѣть которое удостоенъ былъ блаженный Павелъ (2 Кор. 12, 2). Псаломъ же, наименовывая небеса небесъ (Псал. 148, 4), подалъ мнѣ мысль и о большемъ числѣ небесъ.

И это ни мало не страннѣе тѣхъ седми круговъ, по которымъ, какъ всѣ почти согласно признаютъ, вращаются седмь звѣздъ, и которые, какъ говорятъ, принаровлены другъ къ другу, на подобіе кадей, одна въ другую вложенныхъ, и движась противоположно вселенной, по причинѣ разсѣкаемаго ими эѳира, издаютъ какой-то благозвучный и гармоническій голосъ, который превосходитъ всякую пріятность сладкопѣнія. Потомъ, когда у говорящихъ это требуютъ чувственнаго удостовѣренія, что отвѣчаютъ они? То, что мы по первоначальной привычкѣ къ сему звуку, и прислушавшись къ нему съ перваго мгновенія бытія, отъ долговременнаго упражненія въ слушаніи потеряли ощущеніе, подобно людямъ, у которыхъ уши постоянно бываютъ поражаемы стукомъ въ кузницахъ. Обличать ухищренность и гнилость такихъ разсужденій, когда это ясно показываетъ каждому собственный его слухъ, не дѣло человѣка, который умѣетъ беречь время и предполагаетъ слушателей людьми разумными.

Но внѣшнія ученія оставляя внѣшнимъ, возвратимся къ ученію церковному. Нѣкоторыми прежде насъ сказано, что это не твореніе втораго неба, но полнѣйшее повѣствованіе о первомъ небѣ; потому что тамъ описывается вообще твореніе неба и земли, а здѣсь Писаніе передаетъ намъ, какъ происходили и небо и земля окончательнымъ образомъ. Но мы говоримъ, что, поелику передано намъ и другое имя и особенное назначеніе втораго неба, то оно отлично отъ сотвореннаго въ началѣ, имѣетъ естество болѣе плотное и служитъ во вселенной для особеннаго употребленія.

И рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды: и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды. И сотвори Богъ твердь; и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію, и между водою, яже бѣ надъ твердію (Быт. 1, 6. 7).

Прежде нежели коснемся смысла написаннаго, попытаемся рѣшить возраженіе, какъ дѣлаютъ другіе. Ибо спрашиваютъ у насъ; если тѣло тверди шарообразно, какъ показываетъ зрѣніе, а вода текуча и скаты-

вается съ возвышенностей, то какъ было возможно утвердиться водѣ на кривой окружности тверди? Что будетъ отвѣчать на сіе? — То особенно, что ежели видимъ какую вещь съ внутренней вогнутости кругообразною, нѣтъ еще необходимости заключать, что и внѣшняя ея поверхность сдѣлана шаровидно, вся выточена на станкѣ и гладко выведена. Иногда видимъ каменные потолки въ баняхъ и постройку пещеровидныхъ зданій, которыя, если смотрѣть изнутри, выведены полукружіемъ, а сверху строенія имѣютъ часто ровную поверхность. Посему ради такихъ причинъ не должны и сами они затрудняться въ дѣлѣ, и насъ затруднять, какъ будто не можемъ удержать воды вверху.

Теперь слѣдуетъ сказать, какое естество имѣетъ твердь, и для чего повелѣно ей занимать средину между водою.

Наименованіе тверди (στερέωμα) въ Писаніи обыкновенно дается тому, что имѣетъ превосходную крѣпость; напримѣръ, когда говорится: Господь утвержденіе (στερέωμα) мое, и прибѣжище мое (Псал. 17, 3); и: Азъ утвердихъ (ἐστερέωσα) столпы ея (Псал. 14, 4); и: хвалите Его во утвержденіи (ἐν στερεώματι силы Его (Псал. 150, 1). А писатели внѣшніе называютъ твердымъ (τὸ στερεὸν) тѣло какъ бы плотное и наполненное, въ отличіе отъ тѣла геометрическаго. Геометрическое же тѣло есть то, которое состоитъ въ однихъ размѣреніяхъ, то есть въ широтѣ, глубинѣ [1]) и высотѣ; между тѣмъ какъ твердое тѣло сверхъ размѣреній имѣетъ и упорство. Но въ Писаніи обыкновенно, что имѣетъ силу и неуступчиво, то называется твердію; такъ часто употребляется сіе слово и о сгустившемся воздухѣ; напримѣръ, когда говорится: утверждаяй громъ (Амос. 4, 13). Ибо твердость и упорство духа, заключеннаго въ полостяхъ облаковъ и усильнымъ исторженіемъ производящаго громовый трескъ, Писаніе наименовало утвержденіемъ грома.

Посему думаемъ, что и теперь употреблено сіе слово о какомъ нибудь твердомъ естествѣ, достаточномъ къ удержанію воды, которая удобно скатывается и разливается. Но на томъ основаніи, что, по общепринятому мнѣнію, твердь представляется происшедшею изъ воды, не слѣдуетъ еще почитать ее подобною или отвердѣвшей водѣ, или такому веществу, которое получаетъ начало чрезъ процѣживаніе влаги, какъ, напримѣръ, камень кристаллъ, который, какъ сказываютъ, превращается изъ воды вслѣдствіе чрезвычайнаго ея отвердѣнія, или слюда, образующаяся между металлами; а это такой прозрачный камень, имѣющій преимущественно ему свойственный и самый ясный блескъ, что если найденъ въ чистомъ своемъ видѣ, не источенъ какою-нибудь гнилостію, и не наполненъ внутри тре-

---

[1]) То есть длинѣ.

щинами, то прозрачностью подобенъ почти воздуху. Посему мы не уподобляемъ тверди ничему такому. Ибо, конечно, дѣтскому и простому разуму свойственно — имѣть такія понятія о небесномъ. А также, хотя и все находится во всемъ, огонь въ землѣ. воздухъ въ водѣ, и прочія стихіи одна въ другой, такъ что изъ стихій, подпадающихъ чувствамъ, ни одна не бываетъ въ чистомъ состояніи и не въ сообщеніи съ чѣмъ нибудь или среднимъ или противоположнымъ; однако же не осмѣливаемся поэтому утверждать, что твердь состоитъ или изъ одного простаго вещества, или изъ смѣшенія простыхъ веществъ; ибо мы научены Писаніемъ не давать себѣ свободы представлять умомъ что либо, кромѣ дозволеннаго.

Но не оставимъ безъ замѣчанія и слѣдующаго. Послѣ того, какъ Богъ повелѣлъ: да будетъ твердь, сказано не просто: и бысть твердь; но: и сотвори Богъ твердь, и еще: разлучи Богъ. Пусть глухіе слышатъ, и слѣпые прозрятъ! И кто же глухъ, кромѣ не слышащаго, когда столь громогласно вопіетъ Духъ? И кто слѣпъ, кромѣ не видящаго столь ясныхъ доказательствъ объ Единородномъ? Да будетъ твердь, — это вѣщаніе первоначальной Вины! Сотвори Богъ твердь,—это свидѣтельство о Силѣ творческой и зиждительной!

Но обратимъ слово къ продолженію толкованія. — Сказано: да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды. Разлитіе водъ было безпредѣльно; какъ вѣроятно, онѣ со всѣхъ сторонъ омывали собою землю и возвышались надъ нею, такъ что, повидимому, выходили изъ соразмѣрности съ прочими стихіями. Посему-то выше было сказано, что бездна отовсюду облегала собою землю.

Причину такого множества воды покажемъ впослѣдствіи. Между тѣмъ, конечно, никто изъ васъ, хотя онъ много работалъ умомъ и хорошо проникъ во все, что касается до сего тлѣннаго и текущаго естества, никто, говорю, не нападаетъ на сію мысль, будто бы мы вопреки разуму предполагаемъ что нибудь невозможное и вымышленное; и не потребуетъ отъ насъ изысканій о томъ, на чемъ было утверждено водное естество. На какомъ основаніи говорятъ, что земля, которая тяжелѣе воды, виситъ посрединѣ и удалена отъ краевъ, на томъ же основаніи должны, безъ сомнѣнія, согласиться, что и это необъятное количество воды, по естественному стремленію книзу и по причинѣ равнаго тяготѣнія во всѣ стороны, держалось около земли. Такимъ образомъ, водное естество въ безмѣрномъ множествѣ было разлито вокругъ земли, не въ соразмѣрности съ нею, но во много кратъ превосходило ее; ибо такъ изъ начала предусматривалъ будущее великій Художникъ и въ первыхъ распоряженіяхъ соображался съ послѣдующею потребностію.

Какая же была потребность въ томъ, чтобы вода избыточествовала въ такой чрезмѣрности? Во вселенной необходима огненная сущность, не

только для благоустройства земныхъ вещей, но и для восполненія вселенной. Цѣлое было бы не полно, при недостаткѣ самой важной и благопотребной изъ всѣхъ стихій. Но огонь и вода противоположны между собою и другъ для друга разрушительны, именно: огонь для воды, когда преодолѣваетъ ее силою, и вода для огня, когда превосходитъ его множествомъ. А надобно было, чтобы и между ними не происходило мятежа, и совершенное оскудѣніе того или другого изъ нихъ не послужило къ разрушенію вселенной. Посему-то Домостроитель вселенной пріуготовилъ важное естество въ такой мѣрѣ, чтобы оно, постепенно истребляемое силою огня, пребывало во все то время, какое назначено стоять міру. А Расположившій все вѣсомъ и мѣрою (ибо по слову Іова: изотчены Ему суть капли дождевныя, Іов. 36, 37) зналъ, сколько времени опредѣлить пребыванію міра, и сколько нужно приготовить пищи огню. Такова причина преизбытка воды во время творенія!

А что касается до необходимости огня въ мірѣ, то нѣтъ человѣка, столько не знакомаго съ нуждами жизни, чтобы потребовалъ о семъ ученіи разума. Не только огненнаго содѣйствія требуютъ всѣ искусства, служащія къ поддержанію нашей жизни (разумѣю: ткацкое, кожевное, строительное и земледѣліе), но даже и произрастаніе деревъ, и созрѣваніе плодовъ, и рожденіе животныхъ земныхъ и водныхъ, и также все, служащее къ ихъ питанію, или въ началѣ не состоялось бы, или со временемъ не могло бы продолжаться, если бы не было теплоты.

Посему, какъ необходимо было созданіе теплоты для образованія и пребыванія всего рождающагося: такъ необходимо было и обиліе влаги по причинѣ непрестаннаго и неизбѣжнаго истребленія ея огнемъ. Обозри всѣ твари и увидишь, что сила теплоты владычествуетъ во всемъ рождающемся и разрушающемся. Для сего и множество воды, которое разлито по землѣ, поднято выше видимаго тобою, и также разсѣяно во всѣхъ земныхъ глубинахъ. Отсего неоскудѣваемость родниковъ, скопленіе воды въ колодцахъ, теченія рѣкъ и не пересыхающихъ, и образующихся во время дождей, по причинѣ соблюдаемой влажности во многихъ и различныхъ хранилищахъ. Съ востока [1]), отъ зимнихъ поворотовъ течетъ рѣка Индъ; это, какъ повѣствуютъ описатели окружностей земли, самая большая водотечь изъ всѣхъ рѣчныхъ водъ. Съ средняго же востока текутъ Бактръ, Хоаспъ и Араксъ, отъ котораго отдѣлившійся Танаисъ вливается въ Меотійское озеро. Кромѣ сихъ, Фазисъ, вытекающій изъ Кавказскихъ горъ, и множество другихъ рѣкъ отъ сѣверныхъ странъ стремятся въ Евксинскій Понтъ. А отъ лѣтняго запада изъ-подъ горы Пирянейской выходятъ Тартисъ и

[1]) Слѣдующія за симъ свѣдѣнія о рѣкахъ взяты Св. Василіемъ большею частью изъ Аристотеля (см. Ἀριστοτέλες Μετεωρολογικά, lib. I, c. XIII).

Истръ, изъ которыхъ первый впадаетъ въ море за Столпами, а Истръ, протекая чрезъ Европу, вливается въ Понтъ. И къ чему перечислять другія рѣки, порождаемыя Рифейскими горами, лежащими за внутреннѣйшею Скифіей? Въ числѣ ихъ находится Роданъ и множество другихъ рѣкъ даже судоходныхъ, которыя всѣ, омывши страны западныхъ Галатовъ, Келтовъ и сосѣдственныхъ съ ними варваровъ, вливаются въ западное море. Другія рѣки текутъ съ полудня изъ верхнихъ странъ чрезъ Ѳіопію, и однѣ входятъ въ наше море, а другія вливаются въ море, неизвѣстное мореходцамъ. Таковы: Егонъ, Низисъ, такъ называемый Хреметисъ, и сверхъ того Нилъ, который не походитъ даже на рѣку, когда, подобно морю, наводняетъ Египетъ. Такъ, вся часть населяемой нами земли объемлется водою, окружаемая необъятными морями и орошаемая тысячами не пересыхающихъ рѣкъ, по неизреченной премудрости Предустроившаго, чтобы естество, противоборствующее огню, было неудобоистребимо. Но настанетъ время, когда все будетъ изсушено огнемъ, какъ говоритъ Исаія, обращая рѣчь къ Богу всяческихъ: Глаголяй безднѣ: опустѣеши, и рѣки твоя изсушу (Ис. 44, 27). Посему, отринувъ объюродѣвшую мудрость, вмѣстѣ съ нами прими ученіе истины, хотя и не ученое по слову, но непогрѣшительное въ познаніи.

Посему да будетъ твердь посредѣ воды, и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды. Сказано, что значитъ въ Писаніи наименованіе: твердь, а именно: не естество упорное, твердое, имѣющее тяжесть и сопротивленіе, называетъ оно твердію (въ такомъ случаѣ, въ болѣе собственномъ смыслѣ принадлежало бы сіе именованіе землѣ), — напротивъ того, поелику все, лежащее выше, по природѣ своей тонко, рѣдко и для чувства неуловимо, то въ сравненіи съ симъ тончайшимъ и неуловимымъ для чувства она названа твердію. И ты представь себѣ какое-то мѣсто, въ которомъ отдѣляются влаги, и тонкая, процѣженная влага пропускается вверхъ, а грубая и землянистая отлагается внизъ, чтобы, при постепенномъ истребленіи влажностей, отъ начала до конца сохранялось то же благорастворепіе.

Но ты не вѣришь множеству воды, а не обращаешь вниманія на множество теплоты, которая и въ маломъ количествѣ имѣетъ силу истреблять много влажности. Ибо она притягиваетъ влагу, подверженную ея дѣйствію, какъ видно въ рожкѣ, всасывающемъ кровь; притянутую же влагу истребляетъ, подобно огню въ свѣтильникѣ, который всасываемое, посредствомъ свѣтильни, горючее вещество тотчасъ, по измѣненіи его, сожигаетъ. Кто же сомнѣвается объ эѳирѣ, что онъ не огненъ, и не въ раскаленномъ состояніи? Если бы Творецъ не сдерживалъ его необходимымъ закономъ, что воспрепятствовало бы ему, воспламеняя и сожигая все приближающееся, истребить вдругъ всю влажность, какая есть въ существахъ? По-

сему-то, чтобы не обхватилъ всего раскаляющій все эѳиръ, есть воздушная вода, и она образуется чрезъ увлаженіе горнихъ мѣстъ поднимающимися парами, какіе даютъ изъ себя рѣки, источники, болота, озера и всѣ моря.

Видимъ, что и это солнце, лѣтомъ, въ самое короткое продолженіе времени, страну часто влажную и болотистую дѣлаетъ сухою и совершенно безвлажною. Гдѣ же эта вода? Пусть покажутъ намъ знатоки всего. Не всякому ли извѣстно, что она поглощена, разробленная теплотою солнечною? Но они говорятъ, что солнце не имѣетъ даже теплоты. Такъ у нихъ на все готово слово. И смотрите, на какой опираясь доводъ, доходятъ они до очевидности. Говорятъ: поелику солнце цвѣтомъ бѣло, а не красно и не желто, то посему самому, по природѣ своей, оно не огненное, теплота же его происходитъ отъ скораго обращенія. Что же думаютъ пріобрѣсть себѣ изъ этого? — Доказать, что солнце не истребляетъ влажности. А я, хотя сказанное и несправедливо, не отвергаю сего потому, что оно служитъ къ подтвержденію моего слова. Ибо сказано было, что множество водъ нужно по причинѣ истребленія ихъ теплотою. Но нѣтъ разности—быть ли теплымъ по природѣ своей, или стать раскаленнымъ вслѣдствіе какого либо видоизмѣненія, для произведенія тѣхъ же перемѣнъ въ тѣхъ же веществахъ. Если дерева, приведенныя во взаимное треніе, возжигаютъ огонь и даютъ пламень, или если они загораются отъ возженнаго пламени, — въ обоихъ случаяхъ конецъ бываетъ равный и сходный. Но мы видимъ, что великая премудрость Правителя вселенной переводитъ солнце изъ одного мѣста въ другое, чтобы оно, оставаясь всегда въ одномъ мѣстѣ, не разстроивало порядка, избыткомъ теплоты. Напротивъ того, во время зимняго поворота, уводитъ солнце въ южную часть неба, потомъ перемѣщаетъ въ равноденственные знаки, и оттуда, во время лѣтняго поворота, ведетъ на сѣверъ; такъ что, чрезъ постепенное перехожденіе солнца, соблюдается на земной окружности благорастворенie. И пусть разсудятъ, не противорѣчатъ ли сами себѣ тѣ, которые говорятъ, что море не прибываетъ отъ рѣкъ по причинѣ убыли, производимой солнцемъ, и что сверхъ того оно остается соленымъ и горькимъ вслѣдствіе поглощенія теплотою всего тонкаго и годнаго къ питію, что опять производится по большей части посредствомъ отдѣленія влагъ солнцемъ, которое, похищая легкое, оставляетъ грубое и землянистое, какъ нѣкоторую тину и отсѣдъ; отчего вода въ морѣ получаетъ горькій, соленый и жгучій вкусъ. И тѣ же, которые утверждаютъ сіе о морѣ, перемѣнивъ свое мнѣніе, говорятъ, что никакого уменьшенія во влагѣ не производится солнцемъ.

И нарече Богъ твердь, небо (Быт. 1, 8). Хотя названіе сіе собственно приличествуетъ другому; но и твердь, по подобію, пріемлетъ то же наименованіе. Примѣчаемъ же, что небомъ (οὐρανός) называется

часто видимое (ὁρώμε ο) пространство, — по причинѣ густоты и непрерывности воздуха, который ясно подлежитъ нашимъ взорамъ, и, какъ видимый, получаетъ наименованіе неба; напримѣръ, когда говорится: птицы небесныя (Псал. 8, 9), и еще: летающыя по тверди небеснѣй (Быт. 1, 20). Подобно сему выраженіе: восходятъ до небесъ (Псал. 106, 26). И Моисей, благословляя колѣно Іосифово, даетъ благословенія отъ красотъ небесныхъ и росы, отъ солнечныхъ обращеній и схожденій мѣсячныхъ, и отъ верха горъ и холмовъ вѣчныхъ (Втор. 33, 13—15); потому что, при благоустройствѣ всего этого, угобжается окружность земли. Но и въ проклятіяхъ Израилю сказано: будетъ небо надъ главою мѣдяно (Второз. 28, 23). Что сіе означаетъ? Совершенную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ, которыми землѣ сообщается плодородіе.

Посему, когда говорится, что роса или дождь приносится съ неба, тогда представляемъ въ умѣ тѣ воды, которымъ назначено занимать горнюю страну. Ибо если испаренія собрались въ высотѣ, и сгнетаемый вѣтрами воздухъ сгустился; то, какъ скоро парообразно и въ тонкихъ частицахъ разсѣяны дотолѣ по облаку влаги между собою сблизятся, тотчасъ образуются капли, тяжестію соединившихся частицъ влекомыя къ низу; и таково происхожденіе дождя. Когда же влага, раздробленная стремительностію вѣтровъ, обратится въ пѣну, потомъ, до крайности охлажденная въ цѣломъ своемъ объемѣ, замерзнетъ; тогда, по расторженіи облака, падаетъ внизъ снѣгъ. И вообще, такимъ же образомъ, можешь ты разсмотрѣть все влажное естество, составившееся въ воздухѣ надъ нашими головами.

Но простоту и неприуготовленность духовнаго ученія никто да не сравниваетъ съ пытливостію любомудрствовавшихъ о небѣ. Сколько красота въ женахъ цѣломудренныхъ предпочтительнѣе красоты любодѣйной, столько же разности между нашими ученіями и ученіями внѣшнихъ. Ибо внѣшніе вводятъ въ ученія натянутое правдоподобіе; а здѣсь предлагается истина обнаженная отъ всякихъ измышленій ума. И нужно ли намъ трудиться надъ обличеніемъ ихъ лжи? Не довольно ли и того, чтобы, сличивъ между собою собственныя ихъ книги, въ совершенномъ покоѣ оставаться зрителями ихъ борьбы? Ибо и числомъ не меньше, и достоинствомъ не ниже, а по многословіе гораздо еще преимущественнѣе защитники противнаго симъ ученія, которые утверждаютъ, что вселенная сгараетъ и опять оживотворяется изъ сѣменныхъ началъ, какія остаются по перегорѣніи. Отсюда производятъ они безчисленное множество разрушеній и обновленій.—Такъ, въ ту и другую сторону уклоняясь отъ истины, и здѣсь и тамъ находятъ себѣ новыя стези къ заблужденію!

Но намъ о раздѣленныхъ водахъ нужно сказать одно слово тѣмъ церковнымъ толковникамъ, которые, подъ видомъ примѣненія и возвышеныхъ

размышленій прибѣгли къ иносказаніямъ, утверждая, что подъ водами, въ переносномъ смыслѣ, разумѣются духовныя и безплотныя силы, и что вверху, надъ твердію, силы совершенныя, а внизу, въ мѣстахъ надземныхъ, наполненныхъ грубѣйшимъ веществомъ, удержались силы лукавыя [1]). Посему-то, разсуждаютъ они, и воды, яже превыше небесъ (Псал. 148, 11), хвалятъ Бога, то есть добрыя силы, по чистотѣ владычественнаго въ нихъ, достойны воздавать Творцу подобающую хвалу. А воды, которыя ниже небесъ, суть духи лукавые, съ естественной своей высоты ниспадшіе во глубину поврежденія; и они-то, какъ безпокойные и мятежные, волнуемые бурями страстей, и именуются моремъ, по удобоизмѣняемости и непостоянству движеній воли.

Отринувъ подобныя симъ ученія, какъ толкованіе сновъ и басни старыхъ женщинъ, мы подъ водою будемъ разумѣть воду, и раздѣленіе, произведенное твердію, будемъ принимать сообразно съ изложенною выше причиною. Хотя къ славословію общаго всѣхъ Владыки пріобщаются иногда и воды, яже превыше небесъ; однако же на семъ основаніи не признаемъ ихъ разумною природою. Ибо небеса неодушевленны, когда повѣдаютъ славу Божію, и твердь — не животное, одаренное чувствомъ, когда возвѣщаетъ твореніе руку Его (Псал. 18, 1). Если кто скажетъ, что небо означаетъ силы созерцательныя, и твердь — силы дѣятельныя, приводящія въ исполненіе, что прилично; то принимаемъ сіе, какъ остроумное слово, но не согласимся вполнѣ, чтобы оно было истинно. Иначе и роса, и слана, и студь, и зной, которымъ у Даніила (3, 64—72) повелѣвается хвалить Зиждителя всяческихъ, будутъ природы умныя и невидимыя. Напротивъ того, и въ сихъ твореніяхъ людьми, имѣющими умъ, созерцательно постигнутый законъ служитъ восполненіемъ къ славословію Творца; ибо не только вода, которая выше небесъ, какъ удостоенная преимущественной чести по превосходству своихъ совершенствъ, приноситъ хвалу Богу, но сказано: хвалите Его, и яже отъ земли: зміеве и вся бездны (Псал. 148, 7). Посему и бездна, которую иносказательно толкующіе причислили къ худшей части, и она у Псалмопѣвца не признана достойною отверженія, но включена въ общее ликостояніе твари, и она, по вложеннымъ въ нее законамъ, стройно возноситъ пѣснопѣніе Творцу.

И видѣ Богъ, яко добро (Быт. 1, 8). Созидаемое Богомъ не очамъ Божіимъ доставляетъ пріятность; и одобреніе красоты у Бога не таково, какъ у насъ. Для Него прекрасно то, что совершенно по закону искусства, и направлено къ благопотребному концу. Посему-то Предположившій явственную цѣль созидаемаго одобрялъ творимое по частямъ, со-

---

[1]) Іеронимъ, въ письмѣ 61, приписываетъ сіе мнѣніе Оригену.

образуясь съ Своими художническими законами, поколику оно служило къ достиженію конца. Когда рука лежитъ сама по себѣ, а глазъ особо, и каждый членъ статуи положенъ отдѣльно, тогда не для всякаго покажутся они прекрасными. А если все поставлено на своемъ мѣстѣ, то красота соразмѣрности, часто и съ перваго взгляда, усматривается даже невѣждою. Но художникъ и прежде сложенія знаетъ красоту каждой части и хвалитъ ее отдѣльно, возводя мысль свою къ концу. Подобнымъ художникомъ, одобряющимъ каждое свое произведеніе порознь, изображается теперь и Богъ. Но онъ воспишетъ приличную похвалу и цѣлому міру вмѣстѣ взятому, когда будетъ онъ совершенъ.

Симъ да прекратится у насъ слово о второмъ днѣ, чтобы трудолюбивымъ слушателямъ осталось времени изслѣдовать слышанное, и что полезно, то удержать въ памяти, и посредствомъ тщательнаго размышленія, какъ бы посредствомъ нѣкотораго переваренія, пріуготовить къ изнесенію изъ себя служащаго на пользу, и чтобы снискивающимъ пропитаніе трудами имѣть досугъ кончить свои попеченія въ остающееся свободнымъ время и съ душею чистою отъ заботъ прійдти на вечерній пиръ слова.

Богъ же, создавшій великое и устроившій, чтобы сказано было сіе маловажное, да дастъ вамъ во всемъ разумѣніе истины Его, чтобы вы изъ видимаго познавали невидимое, изъ величія и красоты тварей собирали подобающее понятіе о Сотворшемъ насъ. Невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и приспосущная сила Его и Божество (Римл. 1, 20). Да дастъ намъ и въ землѣ, и въ воздухѣ, и въ небѣ, и въ водѣ, и въ ночи и во днѣ, и во всемъ видимомъ собирать ясныя напоминанія о Благодѣтелѣ. Ибо не оставимъ никакого времени грѣхамъ, не уступимъ мѣста врагу въ сердцахъ своихъ, если чрезъ непрестанное памятованіе будемъ вселять въ себѣ Бога, Которому всякая слава, и поклоненіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Бесѣда 4. О собраніи водъ.

Есть города, въ которыхъ жители, съ глубокаго утра до самаго вечера, насыщаютъ взоры всякаго рода представленіями чудесниковъ, и сколько ни слушаютъ какихъ-нибудь нескромныхъ и неблагочестивыхъ пѣсенъ, отъ которыхъ въ душахъ необходимо зарождается много безстыдства, однако не могутъ ихъ наслушаться. Даже многіе почитаютъ такихъ людей счастливыми, потому что они, оставивъ торговлю на рынкахъ или занятія искусствами, необходимыми для жизни, въ праздности и забавахъ проводятъ опредѣленное имъ время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрѣлищами, для присутствующихъ на немъ служитъ общимъ и народнымъ училищемъ распутства; и что самые стройные звуки свирѣ-

лей и блудническія пѣсни, напечатлѣвшись въ душахъ слушателей, не къ иному чему побуждаютъ всѣхъ, какъ только къ безчинству, къ тому, чтобы подражать бряцаніямъ играющихъ на гусляхъ или на свирѣли. А страстные охотники до конскихъ ристалищъ и во снѣ состязуются о коняхъ, перепрягаютъ колесницы, перемѣняютъ возничихъ, и вообще даже въ сонныхъ мечтаніяхъ не покидаютъ дневнаго безумія. Итакъ, мы ли, которыхъ Господь, великій Чудотворецъ и Художникъ, созвалъ теперь, чтобы явить намъ дѣла Свои, мы ли отяготимся созерцаніемъ, или облѣнимся выслушать словеса Духа? Не обступимъ ли, напротивъ того, сію великую и полную разнообразія Художническую храмину Божія созиданія, и, востекши каждый своею мыслію ко временамъ давнимъ, не будемъ ли разсматривать украшеніе вселенной?—Небо, по слову Пророка, поставленное яко камара (Исаіи 40, 22); землю, при безмѣрной ея величинѣ и тяжести, утвержденную на себѣ самой; воздухъ, разлитый, мягкій и по природѣ влажный, тварямъ дышащимъ доставляющій сродную имъ и всегдашнюю пищу, по мягкости своей уступающій тѣламъ движущимся и легко ими разсѣкаемый (такъ что нѣтъ отъ него никакого препятствія проторгающимся сквозь него, и онъ всегда удобно передвигается и переливается назадъ разсѣкшихъ его тѣлъ), и естество воды, и питательной и на другія потребности приготовленной, также правильное ея собраніе въ опредѣленныя мѣста,—все сіе увидишь изъ прочтеннаго намъ недавно.

И рече Богъ: да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша: и бысть тако, и собрася вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя, и явися суша. И нарече Богъ сушу, землю: и собранія водъ нарече моря (Быт., I, 9. 10). Сколько представлялъ ты мнѣ затрудненій въ предъидущихъ бесѣдахъ, требуя причины, почему земля была невидима, когда во всякомъ тѣлѣ естественно есть цвѣтъ, а всякій цвѣтъ ощутителенъ для зрѣнія! И можетъ быть, тебѣ показалось неудовлетворительнымъ сказанное, что земля названа невидимою не по природѣ, но относительно къ намъ, по причинѣ загражденія водою, которая покрывала тогда всю землю. Вотъ слушай теперь, какъ Писаніе объясняетъ само себя. Да соберутся воды, и да явится суша. Снимаются завѣсы, чтобы открылась земля дотолѣ невидимая.

Но, можетъ быть, иный сверхъ сего спроситъ еще и о слѣдующемъ. Почему, во-первыхъ, принадлежащее водѣ по природѣ, то есть силу стремиться внизъ по скату, Писаніе приписываетъ повелѣнію Зиждителя? Ибо вода, доколѣ стоитъ на ровномъ мѣстѣ, неподвижна, потому что некуда ей течь; а какъ скоро встрѣтитъ какую либо покатость, по немедленномъ устремленіи передней части, на мѣсто ея вступаетъ непосредственно съ нею соединенная, а на мѣсто сей послѣдней — за нею слѣдующая; и та-

кимъ образомъ, непрестанно предшествующая часть убѣгаетъ, послѣдующая же гонитъ ее. И стремленіе сіе бываетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большую тяжесть имѣетъ падающая внизъ вода, и чѣмъ больше впадина, въ которую стокъ. Если же таково свойство воды; напрасно дано ей повелѣніе собраться въ собраніе едино. Ибо вода сама собою, по естественному стремленію внизъ, неминуемо должна была стекать туда, гдѣ была наибольшая впадина, и не прежде остановиться, какъ по сравненіи поверхности. Ибо ничто не бываетъ такъ плоско, какъ поверхность воды. А во-вторыхъ, говорятъ: почему водамъ повелѣно собраться въ собраніе едино, когда видимъ многія моря, и притомъ отдѣленныя одно отъ другого весьма большимъ пространствомъ?

На первый изъ сихъ вопросовъ отвѣтствуемъ, что тебѣ особенно извѣстны стали движенія воды послѣ повелѣнія Владыки. Теперь она вездѣ растекается, непостоянна, по природѣ стремится въ покатыя и вогнутыя мѣста; но какую силу имѣла она прежде, нежели, вслѣдствіе сего повелѣнія, произошло въ ней такое стремленіе къ движенію, сего самъ ты не знаешь и не могъ слышать отъ какого либо очевидца. Разсуди же, что глаголъ Божій творитъ самое естество, и повелѣніе, данное тогда твари, опредѣлило порядокъ сотвореннаго и на послѣдующее время. День и ночь созданы однажды, но съ тѣхъ поръ и до нынѣ не перестаютъ попеременно слѣдовать другъ за другомъ и дѣлить время на равныя части.

Да соберутся воды. Водному естеству повелѣно течь, и по сему повелѣнію, непрестанно поспѣшая, оно никогда не утомляется. Говорю же сіе, имѣя въ виду текущую часть водъ. Ибо иныя воды сами собою текутъ, напримѣръ родниковыя и рѣчныя, а другія собраны въ одно мѣсто и непроточны. Теперь же у меня слово о водахъ движущихся.

Да соберутся воды въ собраніе едино. Тебѣ, стоявшему при родникѣ, дающемъ обильную воду, не приходила ли когда либо мысль спросить: Кто гонитъ эту воду изъ нѣдръ земли? Кто заставляетъ ее спѣшить впередъ? Каковы хранилища, изъ которыхъ она выходитъ? Что за мѣсто, куда она поспѣшаетъ? Почему и хранилища не оскудѣваютъ, и мѣсто стоковъ не наполняется? — Все сіе зависитъ отъ перваго Божія гласа. Имъ дана водѣ сила течь. При всякомъ повѣствованіи о водахъ, помни этотъ первый глаголъ: да соберутся воды. Имъ надлежало течь, чтобы занять свойственное имъ мѣсто, а потомъ, достигнувъ опредѣленныхъ мѣстъ, оставаться въ своемъ положеніи и далѣе не поступать. Посему-то, какъ говоритъ Екклезіастъ, вси потоцы идутъ въ море, и море нѣсть насыщаемо (1, 7); ибо, если воды текутъ, то сіе по Божію повелѣнію; и если море заключено внутри своихъ предѣловъ, то сіе есть слѣдствіе перваго законоположенія.

Да соберутся воды въ собраніе едино. Чтобы текучая

вода, выливаясь изъ мѣстъ, принявшихъ ее въ себя, непрестанно переходя далѣе и далѣе и наполняя одно мѣсто за другимъ, не потопила постепенно всей твердой земли, повелѣно ей собраться въ собраніе едино. Посему-то море, не рѣдко приводимое въ ярость вѣтрами и на весьма большую высоту воздымающее волны, какъ скоро коснется береговъ, отступаетъ назадъ, истощивъ свою стремительность въ одну пѣну. Мене ли не убоитеся, рече Господь, Иже положихъ песокъ предѣлъ морю (Іер. 5, 22)? Пескомъ, который слабѣе всего, обуздывается невыносимое насиліе моря. Ибо что воспрепятствовало бы Чермному морю наводнить собою весь Египетъ, который, въ сравненіи съ нимъ, составляетъ впадину, и соединиться съ моремъ, прилежащимъ къ Египту, если бы оно не было связано повелѣніемъ Создателя? А что Египетъ ниже Чермнаго моря, въ этомъ самымъ дѣломъ увѣрили хотѣвшіе соединить между собою сіи моря—Египетское и Индійское, на которомъ и Чермное. По сей-то причинѣ отказались отъ своего предпріятія—и Египтянинъ Сезострисъ, который первый началъ дѣло, и Дарій Мидъ, который хотѣлъ его докончить [1]). Это сказано мною, чтобы уразумѣть намъ силу повелѣнія: да соберутся воды въ собраніе едино: то есть, послѣ сего собранія не должно быть другого, но въ первомъ собраніи будетъ оставаться собранное.

Потомъ Повелѣвшій водамъ собираться въ собраніе едино показалъ тебѣ, что были многія воды, раздѣленныя по многимъ мѣстамъ. Ибо и впадины въ горахъ, изрытыя глубокими оврагами, имѣли въ себѣ собраніе водъ. А также многія покатыя равнины, не уступающія пространствомъ самымъ великимъ морямъ, безчисленное множество долинъ и лощины, образующія всякаго рода впадины, которыя всѣ были тогда наполнены водами, вдругъ опустѣли по Божественному повелѣнію, какъ скоро вода устремилась отовсюду въ собраніе едино. И никто не говори, что ежели вода была выше земли, то по необходимости и всѣ впадины, которыя теперь вмѣстили въ себя море, были уже наполнены водою. А слѣдовательно, не куда было и собираться водамъ, по предварительномъ занятіи водою сихъ впадинъ. На сіе скажемъ, что въ то же время, когда водѣ надлежало отдѣлиться въ одинъ составъ, пріуготовлены были и вмѣстилища. Ибо не было еще моря за Гадесомъ, а также и того великаго и страшнаго для плавателей, которое омываетъ Британскій островъ, и западныхъ Иберіянъ: но тогда, по повелѣнію Божію, устроилось обширное вмѣстилище, и въ него стекло множество водъ.

---

[1]) Аристотель, въ своей Метеорологіи кн. I, гл. 14, говоритъ, что Сезострисъ первый изъ древнихъ предпринялъ соединить сіи моря, но нашелъ, что море выше земли. Это же впослѣдствіи заставило и Дарія прекратить работы.

А на возраженіе, будто бы ученіе о нашемъ міротвореніи противорѣчитъ опыту (ибо, повидимому, не въ одно собраніе водъ стеклась вся вода), можно сказать многое, и это само по себѣ извѣстно всякому. Да и едва ли и не смѣшно препираться съ дѣлающими подобныя возраженія. Неужели они укажутъ намъ на болотныя и отъ дождей собирающіяся воды, и будутъ думать, что симъ опровергли наше ученіе? Но Творецъ наименовалъ собраніемъ единымъ самое великое и полное сборище водъ. Ибо и колодцы дѣлаются рукотворенными собраніями водъ, когда въ углубленіе земли стекаетъ разсѣянная влага. Посему, словомъ: собраніе, означается не какое-либо стеченіе водъ, но преимущественное и наибольшее, въ которомъ оказывается собранною цѣлая стихія. Ибо какъ огонь, и раздробленъ на мелкія части для здѣшнихъ потребъ, и въ совокупности разлитъ въ ѳирѣ, и какъ воздухъ, и раздѣленъ по малымъ долямъ, и совокупно занялъ все надземное пространство; такъ должно разумѣть и о водѣ. Хотя есть отдѣльныя небольшія собранія водъ, но собраніе, отдѣляющее цѣлую стихію отъ прочихъ стихій, только одно. Ибо и озера, какія находятся въ странахъ сѣверныхъ, на предѣлахъ Греціи, въ Македоніи, Виѳиніи и Палестинѣ, конечно, суть собранія: но теперь у насъ слово о собраніи изъ всѣхъ наибольшемъ и по величинѣ равняющемся землѣ. Никто не споритъ, что въ сихъ озерахъ много воды; но никто, однако же, не назоветъ ихъ, въ подлинномъ смыслѣ, морями, несмотря на то, что нѣкоторыя, подобно великому морю, содержатъ въ себѣ множество соли и земляныхъ частицъ, какъ напр. Асфальтовое озеро въ Іудеи и Сирбоново между Египтомъ и Палестиною, простирающееся въ Аравійскую пустыню. Это озера, а море одно, какъ повѣствуютъ путешествовавшіе вокругъ земли. Хотя нѣкоторые полагаютъ, что моря Гирканское и Каспійское заключены въ особыхъ предѣлахъ: но если сколько-нибудь достойны вниманія землеописанія повѣствователей; то и сіи моря имѣютъ между собою сообщенія, и всѣ вмѣстѣ впадаютъ въ великое море, какъ и о Чермномъ морѣ говорятъ, что оно соединяется съ моремъ, лежащимъ позади Гадеса [1].

Но скажутъ: почему же Богъ собранія водъ назвалъ морями?—Потому что, хотя воды стеклись въ собраніе едино, однако же и сборища водъ, то есть заливы, которые имѣютъ особенный видъ свой, будучи заключены окружающею землею, Господь наименовалъ морями. Есть море Сѣверное, море Южное, море Восточное, а также и Западное. Морямъ даются и собственныя имена: Евксинскій Понтъ, Пропонтида, Геллеспонтъ; моря: Егейское, Іоническое, Сардійское, также Сицилійское и Тарренское. И имена морей безчисленны, такъ что теперь перечислять ихъ подробно

[1]) Здѣсь разумѣется соединеніе Индійскаго или Южнаго Океана съ Океаномъ Атлантическимъ, которое во времена Св. Василія, по неизвѣстности южныхъ странъ Африки, не было еще ясно доказано, а подлежало догадкамъ.

было бы долго и неприлично. Посему-то Богъ собранія водъ назвалъ морями. Но хотя уже къ этому привела насъ связь рѣчи, однако же, возвратимся къ началу.

И рече Богъ: да соберется вода въ собраніе едино, и да явится суша. Не сказалъ: да явится земля, чтобы не показать ее еще неустроенною, грязною, смѣшанною съ водою, не получившею свойственнаго ей образа и надлежащей силы; а вмѣстѣ, чтобы причину осушенія земли не приписали мы солнцу, Создатель произвелъ сухость земли до сотворенія солнца. Вникни же въ смыслъ написаннаго; не только излишекъ водъ стекъ съ земли, но даже вода, смѣшанная съ землею во глубинѣ, вышла изъ нея, повинуясь непреложному повелѣнію Владыки.

И бысть тако. Сія прибавка достаточно показываетъ, что слово Создателя пришло въ исполненіе. Но во многихъ спискахъ присовокупляется: и собрася вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя, и явися суша, — каковыхъ словъ не передали прочіе толковники, да, кажется, и у Евреевъ они не читаются. Ибо, дѣйствительно, по засвидѣтельствованіи, что бысть тако, излишне повѣствованіе опять о томъ же. Почему въ исправныхъ спискахъ слова сіи отмѣчены чертами; а такая черта служитъ знакомъ исключенія.

И нарече Богъ сушу, землю; и собранія водъ нарече моря. Почему какъ выше сказано: да соберется вода въ собраніе едино, и да явится суша; а не написано: и да явится земля; такъ и здѣсь опять: да явится суша; и нарече Богъ сушу землю?—Потому что суша есть свойство, служащее какъ бы отличительнымъ признакомъ природы предмета, а земля есть голое наименованіе сего предмета. Какъ разумность есть свойство человѣка, а слово: человѣкъ, означаетъ самое животное, въ которомъ есть сіе свойство: такъ сухость есть свойство земли, и свойство преимущественное. Итакъ, въ чемъ собственно есть сухость, то названо землею, подобно какъ то, чему собственно принадлежитъ способность ржать, названо конемъ.

И сіе имѣетъ не въ одной только землѣ, но и каждая изъ прочихъ стихій имѣетъ свойственное себѣ и исключительное качество, по которому отличается отъ прочихъ стихій, и сама въ себѣ познается, какова она. Вода собственнымъ своимъ качествомъ имѣетъ холодность, воздухъ—влажность, огонь—теплоту. Впрочемъ, и земля, и вода, и воздухъ, и огонь, только какъ первыя стихіи сложныхъ вещей, представляются разуму съ поименованными качествами; а когда они сопоставлены въ тѣлѣ и подлежатъ чувствамъ, тогда имѣютъ уже сопряженныя качества: и ничто видимое и чувствамъ подлежащее не бываетъ въ отрѣшенномъ смыслѣ одиноко, или просто, или чисто; напротивъ того, земля суха и холодна, вода влажна и

холодна, воздухъ тепелъ и влаженъ, а огонь тепелъ и сухъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе сопряженнаго качества, происходитъ въ стихіяхъ возможность смѣшиваться каждой съ каждою; ибо каждая стихія, вслѣдствіе общаго качества, срастворяется съ смежною къ ней стихіею, а вслѣдствіе общенія въ сродномъ, соединяется и съ противоположною. Напримѣръ, земля, будучи суха и холодна, соединяется съ водою по сродству холодности, а черезъ воду соединяется съ воздухомъ, потому что вода, поставленная въ срединѣ между землею и воздухомъ, каждымъ изъ своихъ качествъ, какъ бы наложеніемъ двухъ рукъ, соприкасается къ той и другой изъ прилежащихъ къ ней стихій,—холодностію къ землѣ, а влажностію къ воздуху. Опять, воздухъ черезъ посредство свое дѣлается примирителемъ враждебныхъ природъ воды и огня, вступая въ единеніе влажности—съ водою, а посредствомъ теплоты—съ огнемъ. А огонь, будучи по природѣ тепелъ и сухъ, посредствомъ теплоты соединяется съ воздухомъ, а посредствомъ сухости входитъ опять въ общеніе съ землею. И такимъ образомъ составляется кругъ и стройный ликъ, по причинѣ взаимнаго согласія и соотвѣтствія всѣхъ стихій. Почему весьма прилично дано имъ и названіе стихій [1]).

Это сказалъ я, чтобы представить причину, почему Богъ землю назвалъ сушею, а не сушу нарекъ землею. Именно, сухость есть нѣчто не въ послѣдствіи приданное землѣ, но съ самаго начала восполнявшее ея сущность. А что служитъ одинаковою причиною бытія, то по природѣ первоначальнѣе привзошедшаго послѣ. Посему справедливо измышлены признаки, заимствованные отъ предсуществовавшаго и старѣйшаго.

И видѣ Богъ, яко добро. Писаніе показываетъ не то, что Богу открылся какой-то пріятный видъ моря. Ибо Творецъ не очами разсматриваетъ красоту тварей, но съ неизреченною премудростію созерцаетъ происходящее. Усладительно, правда, зрѣлище—море бѣлѣющееся, когда царствуетъ на немъ постоянная тишина; усладительно также, когда хребетъ его, зыблемый тихими вѣтрами, представляется зрителямъ въ пурпуровомъ или лазурномъ цвѣтѣ, когда оно не ударяетъ сильно въ смежную сушу, но какъ бы лобзаетъ ее въ мирныхъ объятіяхъ: однако, не должно думать, чтобы, по словамъ Писанія, и Богу въ такомъ же смыслѣ казалось море прекраснымъ и пріятнымъ; напротивъ того, въ Писаніи красота опредѣляется относительно къ мірозданію.

Во-первыхъ, морская вода служитъ источникомъ всей земной влаги. Ибо она разсѣяна по непримѣтнымъ скважинамъ, какъ доказываютъ рыхлыя мѣста и пещеры въ твердой землѣ, въ которыя проникаетъ текучая

[1]) Отъ στείχω, чинно иду.

морская вода. И когда бываетъ она заперта въ кривыхъ и не прямо идущихъ проходахъ; тогда, гонимая движущимъ ее духомъ, стремится наружу, проторгая поверхность, и дѣлается годною къ питію, чрезъ процѣживаніе теряя горечь. Когда же во время перехожденія, заимствуетъ у металловъ качество теплоты; тогда, по таковой же причинѣ, заключающейся въ движущемъ духѣ, дѣлается она часто кипящею, даже огненною; что можно видѣть на многихъ островахъ и во многихъ приморскихъ странахъ. А если сравнивать малое съ великимъ, иногда и въ срединѣ материка нѣкоторыя мѣста, смежныя съ рѣчными водами, терпятъ почти то же самое. Къ чему же я сказалъ это? Къ тому, что вся земля имѣетъ въ себѣ множество проходовъ, и чрезъ непримѣтныя скважины изъ началъ моря расходится по ней вода.

Итакъ, море прекрасно предъ Богомъ, потому что влага изъ него идетъ по земнымъ глубинамъ; оно прекрасно также и потому, что служитъ пріемникомъ рѣкъ, принимаетъ въ себя отовсюду потоки, и не выступаетъ изъ своихъ предѣловъ. Прекрасно и потому, что служитъ началомъ и источникомъ воздушныхъ водъ, когда нагрѣвается лучами солнечными, и отлагаетъ отъ себя, посредствомъ испаренія, тонкія частицы воды, которыя, будучи привлечены въ горное пространство и потомъ охлаждены, какъ возвысившіяся далѣе, нежели куда простираются лучи, отражаемые земною поверхностію, при возрастающемъ холодѣ, также и отъ тѣни облаковъ, дѣлаются дождемъ и утучняютъ землю. И въ этомъ, конечно, никто не усомнится, если представитъ себѣ поставленные на огонь котлы, которые, будучи наполнены влагою, не рѣдко дѣлаются пустыми, потому что все варимое въ нихъ разрѣшилось въ пары. Можно еще видѣть, какъ мореплаватели варятъ самую морскую воду, и собирая пары губками, въ случаѣ нужды, удовлетворяютъ нѣсколько свои потребности. Но море прекрасно предъ Богомъ и въ другомъ отношеніи, потому что ограничиваетъ собою острова, и служитъ имъ вмѣстѣ и украшеніемъ и огражденімъ; а еще и потому, что приводитъ собою въ связь самыя отдаленныя другъ отъ друга части твердой земли, доставляя безпрепятственное сообщеніе мореплавателямъ, чрезъ которыхъ снабжаетъ насъ свѣдѣніями о неизвѣстномъ, обогащаетъ купцовъ, удобно удовлетворяетъ нашимъ жизненнымъ потребностямъ, доставляетъ возможность изобилующимъ сбывать излишнее, а нуждающимся вознаграждать свои недостатки.

Но какимъ образомъ могу во всей подробности разсмотрѣть красоту моря, въ какой явилось оно очамъ Творца? Если море прекрасно и достойно похвалы предъ Богомъ; то не гораздо ли прекраснѣе собраніе такой Церкви, въ которой, подобно волнѣ ударяющейся въ берегъ, совокупный гласъ мужей, женъ и младенцевъ возсылается къ Богу въ нашихъ къ Нему молитвахъ? Глубокая тишина хранитъ ее незыблемою, потому что лукавые

духи не возмогли возмутить ее еретическими ученіями. Будьте же достойны благословенія Господня, соблювъ, сколько возможно благолѣпнѣе, сіе благочиніе, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 5. О прозябеніяхъ земли.

И рече Богъ: да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду, и древо плодовитое, творящее плодъ по роду, емуже сѣмя его въ немъ (Быт. 1, 11). Послѣ того, какъ земля, сложивъ съ себя бремя воды, успокоилась весьма прилично, ей дано повелѣніе произращать сперва траву, потомъ дерева, что, какъ видимъ, совершается еще и нынѣ. Ибо тогдашній глаголъ и первое оное повелѣніе сдѣлались какъ бы естественнымъ нѣкоторымъ закономъ и остались въ землѣ и на послѣдующія времена, сообщая ей силу рождать и приносить плоды.

Да прораститъ земля. Въ происхожденіи растеній первое есть появленіе ростка; потомъ, когда ростки нѣсколько поднимутся, является быліе[1]); а потомъ, увеличиваясь, оно дѣлается травою, при постепенномъ развитіи растенія, и приближеніи его къ совершенству, то есть къ осѣмененію. Ибо зеленѣніе и созрѣваніе во всѣхъ одинаково.

Да прораститъ земля быліе травное. Земля сама собою должна произвести прозябеніе, не имѣя нужды ни въ какомъ постороннемъ содѣйствіи. Поелику нѣкоторые думаютъ, что причина произрастающаго изъ земли въ солнцѣ, которое притяженіемъ теплоты извлекаетъ на поверхность земли таящуюся въ глубинѣ силу; то земля украшается прежде солнца, чтобы заблуждающіе перестали покланяться солнцу и признавать, будто оно даетъ причину жизни. Посему, если убѣдятся, что вся земля украшена до сотворенія солнца, то уменьшатъ безмѣрное къ нему удивленіе, разсудивъ, что оно по бытію позднѣе травы и зелени.

Но когда заготовлена была пища скотамъ; неужели мы одни оказались недостойными какого-либо промышленія? Напротивъ того, Заготовившій кормъ воламъ и конямъ наипаче пріуготовляетъ богатство и наслажденіе для тебя. Ибо Питающій твой скотъ умножаетъ тѣмъ твои жизненные запасы. Притомъ, самое произведеніе сѣмянъ—что иное, какъ не запасъ для твоего продовольствія? Сверхъ того, многія травы и зелія сами по себѣ служатъ пищею людей.

Сказано: да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду. Посему, хотя иной родъ былій полезенъ другимъ,

---

[1]) Зелень.

но ихъ польза возвращается къ намъ, и намъ предоставлено употребленіе сѣмянъ. Посему смыслъ сказаннаго таковъ: да прорастить земля быліе травное, и сѣмя сѣющее по роду. Ибо такимъ образомъ можно будетъ возстановить порядокъ рѣчи, въ которой теперь сочиненіе словъ представляется нестройнымъ; и тогда соблюдется необходимая послѣдовательность въ томъ, что производитъ природа. Ибо сначала ростокъ, потомъ зелень, потомъ возрастаніе травы, потомъ совершеніе возвращеннаго чрезъ сѣмя.

Скажутъ: какъ же Писаніе представляетъ, что все произрастающее изъ земли осѣменено, когда ни тростникъ, ни полевица, ни мята, ни шафранъ, ни чеснокъ, ни бутомъ, ни другіе безчисленные роды растеній, повидимому, не производятъ сѣмени? На сіе отвѣтимъ, что многіе изъ земныхъ произрастаній въ нижней своей части и корнѣ имѣютъ силу сѣмени. Напр., тростникъ по однолѣтнемъ ростѣ, пускаетъ отъ корня нѣкоторый отпрыскъ, и онъ на будущее время заступаетъ мѣсто сѣмени. То же дѣлаютъ и другія безчисленныя растенія, которыя, будучи разсѣяны по землѣ, силу продолжать свой родъ содержатъ въ корняхъ. Итакъ, всего несомнѣннѣе, что въ каждомъ растеніи или есть сѣмя, или скрывается нѣкоторая сѣменная сила. И это значитъ слово: по роду. Ибо отпрыскъ тростника не производитъ маслины, а напротивъ того, отъ тростника бываетъ другой тростникъ, и изъ посѣянныхъ сѣмянъ произрастаетъ сродное имъ. И такимъ образомъ, что при первомъ сотвореніи изникло изъ земли, то соблюдается и до нынѣ, чрезъ сохраненіе рода послѣдовательностію преемства.

Да прораститъ земля: Представь себѣ, что, по малому реченію и по столь краткому повелѣнію, холодная и безплодная земля вдругъ приближается ко времени рожденія, подвигнута къ плодородію, и, какъ бы сбросивъ съ себя печальную и горестную одежду, облекается въ свѣтлую ризу, веселится своимъ убранствомъ, и производитъ на свѣтъ тысячи родовъ растеній.

Мнѣ желательно тверже укоренить въ тебѣ удивленіе къ твари, чтобы ты, гдѣ ни находишься, и какой родъ растеній ни встрѣчаешь, всегда возобновлялъ въ себѣ ясное воспоминаніе о Творцѣ. Посему, во-первыхъ, когда видишь на травѣ зелень и цвѣтъ, приведи себѣ на мысль человѣческое естество, припоминая изображеніе мудраго Исаіи: вся́ка плоть яко сѣно, и вся́ка слава человѣча яко цвѣтъ травный (Исаіи 40, 6). Кратковременность жизни, непродолжительность радостей и веселій человѣческаго благоденствія нашли себѣ у Пророка самое приличное уподобленіе. Сегодня цвѣтетъ тѣлесно, утучненъ отъ наслажденій, сообразно съ цвѣтущимъ возрастомъ имѣетъ свѣжую доброцвѣтность, бодръ, развязенъ, неудержимъ въ стремленіи; а на утро онъ же самый жалокъ, или увянувъ отъ времени, или ослабѣвъ отъ болѣзни. Иной обращаетъ на

себя взоры изобиліемъ богатства; вокругъ него множество льстецовъ, сопровожденіе притворныхъ друзей, уловляющихъ его благосклонность; множество сродниковъ, которые носятъ на себѣ личину; многочисленный рой слугъ, то заботящихся объ его пищѣ, то исполняющихъ другія его потребности, которыхъ влачитъ онъ за собою, выходя изъ дому и возвращаясь домой, и тѣмъ возбуждаетъ зависть встрѣчающихся. Присовокупи къ богатству какую-либо гражданскую власть, или почести отъ царей, или начальство надъ войскомъ, провозвѣстника, который громко взываетъ передъ нимъ, жезлоносцевъ, которые здѣсь и тамъ вселяютъ въ подначальныхъ сильный ужасъ, побои, описаніе имущества, взятіе подъ стражу, темницы, что все увеличиваетъ въ подчиненныхъ нестерпимый страхъ. И что же послѣ сего? Одна ночь, или горячка, или боль въ боку, или воспаленіе легкихъ, похитивъ сего человѣка изъ среды людей, сводятъ съ позорища, и мѣсто его дѣйствія вдругъ дѣлается опустѣвшимъ, и эта слава оказывается ничѣмъ, какъ сновидѣніе. Посему-то составилось у Пророка уподобленіе человѣческой славы самому слабому цвѣтку.

Да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію. И теперь еще порядокъ растительности свидѣтельствуетъ о первобытномъ постановленіи. Ибо и всякой зелени и травѣ предшествуетъ появленіе ростка. Выходитъ ли что отъ корня изъ подземнаго отростка, какъ, напр., шафранъ и полевица, оно должно сперва дать ростокъ и взойти наружу, выростаетъ ли что отъ сѣмени, и въ семъ случаѣ необходимо быть сперва ростку, потомъ зелени, потомъ зеленѣющей травѣ, а потомъ плоду, зрѣющему уже на сухомъ и дебеломъ стеблѣ.

Да прораститъ земля быліе травное. Когда сѣмя упадетъ въ землю, которая имѣетъ въ себѣ соразмѣрную влажность и теплоту, тогда оно, разбухнувъ, сдѣлавшись многоскважнымъ, и объемлемое близъ лежащею землею, привлекаетъ къ себѣ, что ему свойственно и сродно. Самыя же тонкія частицы земли, приставая къ скважинамъ и входя въ нихъ, расширяютъ объемъ сѣмени; отчего оно пускаетъ внизъ корни и идетъ вверхъ, давая изъ себя стебли, по числу корней. А при постоянномъ согрѣваніи ростка, привлекаемая корнями влага, притяженіемъ теплоты, извлекаетъ изъ земли сколько нужно питательнаго, и раздѣляетъ это стеблю, кожѣ, влагалищемъ зеренъ, самымъ зернамъ и колосьямъ. Такимъ образомъ, при постепенномъ возрастаніи, каждое растеніе приходитъ въ свойственную ему мѣру, будетъ ли оно изъ рода хлѣбныхъ или бобовыхъ, или овощныхъ, или растущихъ кустарникомъ.

Одна травка, или одна былинка достаточна занять всю мысль твою разсмотрѣніемъ искусства, съ какимъ она произведена, какъ, напр., стебель пшеницы опоясываются колѣнцами, чтобы они, подобно связкамъ, удобно

поддерживали тяжесть колосьевъ, когда исполненные плодами клонятся къ землѣ. Посему стебель у овса совершенно пустъ; такъ какъ вершина его ничѣмъ не обременена; и стебель пшеницы природа защитила такими связками, зерно же заключила во влагалищѣ, чтобы не могло быть похищено птицами, и длинными остями, подобными игламъ, предотвратила вредъ отъ мелкихъ животныхъ. Что мнѣ сказать? И о чемъ умолчать? Въ богатыхъ сокровищницахъ творенія трудно найти предпочтительное прочему, а если оставимъ что безъ вниманія, уронъ будетъ несносенъ.

Да прораститъ земля быліе травное. Вмѣстѣ съ питательнымъ произрасло и вредное; вмѣстѣ съ пшеницею и болиголовъ, и вмѣстѣ съ другими питательными растеніями—чемерица, борецъ, мандрагора и маковый сокъ. Итакъ, что же? Ужели откажемся приносить благодареніе за полезное, и станемъ обвинять Создателя за разрушительное для нашей жизни? А не разсудимъ того, что не все создано для нашего чрева? Напротивъ того, какъ назначенное намъ въ пищу у насъ подъ руками и всякому извѣстно; такъ каждая сотворенная вещь въ цѣломъ твореніи выполняетъ какой-нибудь свой особенный законъ. Поелику воловья кровь для тебя ядъ, то ужели по сему самому надлежало или не творить сего животнаго, или сотворить вола безкровнымъ, хотя сила его для столькихъ потребъ нужна намъ въ жизни? Но тебѣ довольно живущаго въ тебѣ разума, чтобы предохранить себя отъ вреднаго. Если овцы и козы умѣютъ избѣгать злотворнаго для ихъ жизни, посредствомъ одного чувства различая вредное, то скажи мнѣ, ужели трудно уклониться отъ ядоноснаго тебѣ, у котораго есть и разумъ, и врачебная наука, указывающая полезное, и опытъ предшественниковъ, внушающій убѣгать вреднаго? Но и изъ сего ничто не сотворено напрасно и безъ пользы. Ибо оно или служитъ пищею какому-либо животному, или съ помощію врачебной науки открывается годнымъ для насъ самихъ, служа къ облегченію какихъ-нибудь недуговъ. Скворцы питаются болиголовомъ, и по устройству своего тѣла не терпятъ вреда отъ яда; имѣя въ сердцѣ тонкія скважины, они, кажется, переваривають поглощенное, прежде нежели производимое имъ охлажденіе коснется главныхъ членовъ. Чемерица служитъ пищею перепеламъ, и они по своему сложенію остаются невредимыми. Но сіи же самыя растенія и намъ иногда бываютъ полезны. Мандрагорою врачи наводятъ сонъ, и опіумомъ успокаиваютъ жестокія боли въ тѣлѣ. А нѣкоторые болиголовомъ усмиряли ярость вожделѣній, чемерицею же искореняли многія застарѣлыя болѣзни. Посему, за что думалъ ты обвинять Творца, то самое обратилось для тебя въ побужденіе къ большей благодарности.

Да прораститъ земля быліе травное. Сколько разумѣетъ подъ симъ Писаніе снѣдей, которыя сами собою готовы для насъ то въ корняхъ, то въ зелени, то уже въ плодахъ! Сколько еще снѣдей, кото-

рыя присоединяются нашимъ трудомъ и земледѣліемъ! Богъ повелѣлъ землѣ не вдругъ произвести сѣмя и плодъ, но сперва дать ростки и зелень, а потомъ уже закончить сѣменемъ, чтобы первое повелѣніе служило природѣ урокомъ къ соблюденію порядка на послѣдующее время. Говорятъ: какъ же земля приноситъ сѣмена по роду, а между тѣмъ часто, посѣявъ пшеницу, собираемъ черное пшеничное зерно [1])? Но это не измѣненіе въ другой родъ, а какъ бы недугъ и болѣзнь сѣмени. Здѣсь пшеница не перестала быть пшеницею, но почернѣла отъ обожженія, какъ можно видѣть изъ самаго названія. Загорѣвъ отъ чрезмѣрной стужи, она приняла другой цвѣтъ и вкусъ. Но сказываютъ, что она и опять, если будетъ имѣть пригодную землю и благорастворенный воздухъ, обращается въ первоначальный видъ. Посему ничего не найдешь въ растеніяхъ, что совершилось бы вопреки сему повелѣнію. А такъ называемый куколь и всѣ другія вносныя сѣмена, какія только примѣшиваются къ употребляемымъ въ пищу и въ Писаніи обыкновенно называются плевелами, происходятъ не чрезъ измѣненіе пшеницы, но имѣютъ собственное свое начало, и составляютъ свой особенный родъ. Они изображаютъ собою тѣхъ, которые искажаютъ ученіе Господне, не изучили Писанія, какъ должно, и повреждены ученіемъ лукаваго, но присоединяются къ здравому тѣлу Церкви, чтобы непримѣтно сообщить свое поврежденіе не зараженнымъ. Но Господь и усовершеніе увѣровавшихъ въ Него уподобляетъ возрастанію сѣмянъ, говоря: яко (егда) человѣкъ вметаетъ сѣмя въ землю, и спитъ, и востаетъ нощію и днію, и сѣмя прозябаетъ и растетъ, якоже не вѣсть онъ. Отъ себе бо земля плодитъ прежде траву; потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ (Марк. 4, 26—28).

Да прораститъ земля быліе. И земля, соблюдая законы Создателя, начавъ съ ростка, въ краткое мгновеніе времени прошла всѣ виды возрастанія, и тотчасъ довела прозябенія до совершенства. Луга наполнились изобильною травою; плодоносныя равнины, воздымаясь отъ жатвъ, въ колебаніи класовъ, сохранили подобіе волнующагося моря. Всякая зелень и всякій родъ овощей, все, что растетъ кустарникомъ, и что приноситъ стручковые плоды, во всемъ изобиліи явились тогда на землѣ. Ибо ничто тогда не останавливало произрастанія; неопытность земледѣльцевъ, неблагорастворенность воздуха и какая-либо другая причина не дѣлали вреда изникнувшему. Осужденіе еще не препятствовало плодородію земли: все сіе было прежде грѣха, за который осуждены мы въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ.

---

[1]) Μέλανα πειρόν: это пшеница, родящаяся собственно въ Сициліи, но также вырождающаяся и изъ обыкновенной пшеницы, въ употребленіи безвредная.

Но сказано: и древо плодовитое, творящее плодъ, емуже сѣмя его въ немъ по роду и по подобію на земли. По сему глаголу сгустились кустарники, выбѣжали изъ земли всѣ деревья, обыкновенно достигающія чрезвычайной высоты, — ели, кедры, кипарисы, певги; всѣ мелкія дерева сдѣлались вдругъ вѣтвистыми и густыми; явились употребляемыя для вѣнцовъ растенія—розы, мирты и лавры. Ничего этого прежде не было на землѣ, и все въ одно мгновеніе времени пришло въ бытіе, съ принадлежащимъ каждому свойствомъ, самыми явными разностями отличенное отъ растеній инородныхъ и узнаваемое по свойственному для каждаго признаку. Но роза была тогда безъ шиповъ: впослѣдствіи уже къ красотѣ цвѣта присоединены тернія, чтобы неподалеку отъ пріятности наслажденія имѣли мы и готовую скорбь, вспоминая о грѣхѣ, за который земля осуждена возвращать намъ тернія и волчцы (Быт. 3, 18).

Но скажутъ: повелѣно землѣ произрастить древо плодовитое, творящее плодъ на земли, емуже сѣмя его въ немъ; а между тѣмъ видимъ, что многія деревья не имѣютъ ни плодовъ, ни сѣмянъ. Что отвѣтить на сіе? То, что здѣсь упомянуты преимущественно растенія предпочтительнѣйшія по природѣ; а сверхъ того, при тщательномъ разсмотрѣніи окажется, что всѣ растенія имѣютъ или сѣмя, или нѣчто равносильное сѣмени. Ибо осокори, ивы, ильмы, тополи и другія имъ подобныя деревья, повидимому, не приносятъ явно плода, но тщательный испытатель найдетъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ сѣмя. Ибо лежащее подъ листомъ зерно, которое умѣющіе давать всему свои имена называютъ μίσχος[1]), имѣетъ силу сѣмени. Дерева же, которыя обыкновенно разводятся отъ вѣтвей, пускаютъ отъ нихъ во множествѣ корни. А можетъ быть значеніе сѣмени имѣютъ и отростки корней, чрезъ отнятіе которыхъ садовники размножаютъ родъ. Но, во-первыхъ, какъ сказано, удостоены упоминанія тѣ дерева, которыя наипаче поддерживаютъ жизнь нашу, и которыя должны были, снабжая человѣка своими плодами, уготовлять ему обильную пищу. Таковъ виноградъ, производящій вино, которое должно веселить сердце человѣка. Такова олива, доставляющая плодъ, который можетъ умастити лице елеемъ (Псал. 103, 15)

Сколько стеклось вмѣстѣ производимаго природою съ такою поспѣшностію! Корень виноградной лозы, зеленѣющія и большія вѣтви, кругами раскидывающіяся по землѣ, зародышъ, завиваніе лозы, зеленыя ягоды, спѣлые грозды! Достаточно для тебя одного взора, и разумный взглядъ на виноградную лозу внушитъ тебѣ, о чемъ напоминаетъ природа. Ибо пом-

---

[1]) У Гезихія читаемъ слѣдующее объясненіе сему слову: Μισχος: такъ называютъ то, чѣмъ примыкается къ растенію или плодъ, или листъ. ΜισΧος, зерно на листѣ.

нишь, конечно, объ уподобленіи Господа, Который называетъ Себя *лозою* а Отца *дѣлателемъ*, каждаго же изъ насъ именуетъ *розгою*, чрезъ вѣру насажденною въ Церкви, и побуждаетъ насъ къ многоплодію, чтобы не преданы мы были огню по осужденіи за безполезность (Іоан. 15, 16). И Онъ не престаетъ вездѣ уподоблять человѣческія души винограднымъ лозамъ. Ибо сказано: *виноградъ бысть возлюбленному въ розгѣ, на мѣстѣ тучнѣ*. И: *лозу насадихъ, и оградихъ огражденіемъ* (Исаіи 5, 1. 2). Очевидно, что подъ виноградомъ разумѣетъ человѣческія души, для которыхъ соградилъ огражденіе, оплотъ заповѣдей и охраненіе отъ Ангеловъ. Ибо *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его* (Псал. 33, 8). Потомъ и окопъ сдѣлалъ около насъ, *положивъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третье учителей* (1 Кор. 12, 28). Примѣрами же древнихъ и блаженныхъ мужей возводя мысли наши на высоту, не оставилъ ихъ поверженными долу и достойными попранія. Онъ хочетъ также, чтобы мы, какъ бы нѣкоторыми завивками, соплетались съ ближними объятіями любви и упокоевались въ нихъ, и, всегда стремясь къ горнему, какъ вьющіяся виноградныя вѣтви, старались уравниваться съ вершинами самыхъ высокихъ. Онъ требуетъ еще, чтобы мы терпѣли, когда окапываютъ насъ. А душа окапывается чрезъ отложеніе мірскихъ заботъ, которыя составляютъ бремя для нашихъ сердецъ. Посему отложившій плотскую любовь и привязанность къ богатству, и признавшій презрѣннымъ и смѣшнымъ пристрастіе къ здѣшней бѣдственной славѣ какъ бы окопался и обновился въ силахъ, свергнувъ съ себя напрасное бремя земнаго мудрованія. Не должно же, по слову притчи, разрастаться въ вѣтви [1]), то есть жить на показъ, и домогаться похвалы за внѣшность; но надобно быть благоплоднымъ, представляя истинному Земледѣлателю показаніе дѣлъ. А ты будь *и яко маслина плодовита въ дому Божіи* (Псал. 51, 10), никогда не совлекаясь упованія, но имѣя въ себѣ всегда цвѣтущее спасеніе, пріобрѣтаемое чрезъ вѣру. Ибо такимъ образомъ будешь подражать всегдашней зелености сего растенія, и соревновать его многоплодію, во всякое время подавая обильную милостыню.

Но возвратимся къ разсмотрѣнію Художническихъ распоряженій. Сколько произникло тогда родовъ растеній плодовитыхъ, годныхъ къ созиданію крововъ, къ строенію кораблей, къ сожженію! И здѣсь опять въ каждомъ деревѣ устройство частей его разнообразно, а также едва можно отыскать свойство каждаго дерева, и усмотрѣть взаимныя различія деревъ разнородныхъ. Отчего одни изъ нихъ пускаютъ корень въ глубь, а другія

---

[1]) Здѣсь Св. Василій, вѣроятно, имѣетъ въ виду мѣсто изъ Осіи Пророка 10, 1, которое, по переводу Симмаха, читается: ἄμπελος ὑλημανοῦσα Ἰσραήλ, виноградъ многовѣтвистый Израиль

стелютъ по земной поверхности; одни растутъ прямо и имѣютъ одинъ стволъ, другія низки и отъ самаго корня раздѣлены на многіе отростки? Отчего у деревъ, имѣющихъ вѣтви длинныя и далеко раскинутыя по воздуху, корни глубоки и простираются вокругъ на большое пространство, какъ будто природа положила основанія, соразмѣрныя тяжести верхнихъ частей? Сколько различій въ древесной корѣ! У однихъ деревъ кора гладкая, у другихъ морщиноватая; у однихъ однослойная, а у другихъ многослойная. А что удивительно, и въ растеніяхъ найдешь признаки, похожіе на человѣческую юность и старость. Ибо на деревахъ молодыхъ и здоровыхъ кора бываетъ вокругъ плотно обтянута, а на состарѣвшихся она морщится и твердѣетъ. Одни дерева, будучи срѣзаны, прозябаютъ вновь; другія, потерпѣвъ посѣченіе, какъ бы это было для нихъ смертію, остаются безъ преемства. А нѣкоторые замѣтили даже, что срубленныя и обожженныя сосны превращались въ дубы. Извѣстно и то, что въ нѣкоторыхъ деревахъ естественный порокъ исправляется попеченіемъ земледѣльцевъ. Напримѣръ: кислые гранаты и горкіе миндали, когда стволъ у корня будетъ провернутъ и въ самую середину сердцевины впущенъ тучный клинъ изъ певга, перемѣняютъ горькій свой сокъ на пріятный. Посему, да не отчаявается въ себѣ никто изъ провождающихъ жизнь во грѣхѣ, зная, что какъ земледѣліе измѣняетъ качество растеній, такъ попечительность души о добродѣтели можетъ одержать верхъ надъ всякими недугами.

Въ плодоношеніи же плодовитыхъ растеній столько разности, что невозможно описать сего словомъ. Ибо не только на деревахъ разнородныхъ плоды различны, но много разностей бываетъ даже въ одномъ и томъ же видѣ дерева. Иный отличительный признакъ плода бываетъ иногда на растеніи мужескаго пола, и иный на растеніи женскаго пола, какъ различаютъ сіе садовники, которые и финиковыя дерева дѣлятъ на два пола, мужескій и женскій. И можешь видѣть, что иногда растеніе, какъ называютъ они, женскаго пола, опускаетъ вѣтви, какъ будто оно возбуждено вожделѣніемъ, и желаетъ мужескихъ объятій; ходящіе же за растеніями бросаютъ на вѣтви нѣчто подобное мужескимъ сѣменамъ, что называется у нихъ ψῆνες [1]); и въ такомъ случаѣ дерева какъ бы чувствуютъ услажденіе, снова выпрямляютъ свои вѣтви, и многолиственныя вершины ихъ приходятъ въ прежній свой видъ. То же самое разсказываютъ о смоковницахъ. Посему дикія смоковницы сажаютъ вмѣстѣ съ садовыми; а другіе врачуютъ безсиліе садовыхъ смоковницъ, приносящихъ вкусные плоды, тѣмъ, что

---

[1]) Плодотворная пыль на деревѣ мужескаго пола, которую нѣкоторые древніе естествословы представляли въ видѣ червячковъ или мошекъ, къ чему привело ихъ, вѣроятно, наблюденіе надъ смоковничными деревами. Ибо насѣкомое, извѣстное подъ именемъ орѣхотворки, гнѣздясь на сихъ деревахъ и покрываясь пылью изъ тычинокъ, переноситъ сію пыль на женскіе цвѣтки и оплодотворяетъ ихъ.

привязываютъ къ нимъ незрѣлыя смоквы, и поддерживаютъ симъ плодъ, который уже началъ истаевать и разсыпаться.

О чемъ же даетъ тебѣ разумѣть эта загадка природы? О томъ, что мы часто и у людей чуждыхъ вѣры должны заимствовать себѣ побужденіе къ показанію добрыхъ дѣлъ. Если видишь, что живущій въ язычествѣ, или отторгнутый отъ Церкви какою-либо превратною ересію, цѣломудренъ по жизни и во всемъ прочемъ старается о нравственномъ благочиніи; то тѣмъ паче ты напрягай свое стараніе уподобиться плодоносной смоковницѣ, которая собираетъ силы изъ приближенныхъ къ ней дикихъ смоковницъ, перестаетъ истаевать, и тщательнѣе питаетъ свой плодъ.

Столь многочисленны различія въ образѣ рожденія плодовъ, если изъ многаго сказать только не многое! Но кто же опишетъ разнообразіе самыхъ плодовъ, ихъ видъ, цвѣтъ, свойства соковъ, и пользу каждаго? Отчего нѣкоторые созрѣваютъ на солнцѣ обнаженные, а другіе приходятъ въ полносу, сокрытые въ оболочкахъ? Отчего, у которыхъ плодъ нѣженъ, у тѣхъ лиственный покровъ грубъ,—какъ на смоковницѣ; а у которыхъ плоды закрыты, у тѣхъ лиственная одежда легка,—какъ на орѣшникѣ? Потому что первыя по своей слабости имѣютъ нужду въ большей помощи, а послѣднимъ болѣе плотная оболочка причинила бы вредъ тѣнію отъ листьевъ. Какіе разрѣзы на виноградныхъ листьяхъ, чтобы гроздъ былъ и защищенъ отъ вредныхъ дѣйствій воздуха, и по причинѣ рѣдкости листьевъ въ обиліи принималъ на себя солнечные лучи! Ничто не безъ причины, и ничто не случайно; вездѣ видна какая-то неизглаголанная мудрость.

Какое же слово будетъ для сего достаточно? Какъ умъ человѣческій изслѣдуетъ все въ подробности, чтобы и свойства усмотрѣть и взаимныя разности различить явственно, и безъ недостатка представить сокровенныя причины? Одна и та же вода, притянутая корнемъ, иначе питаетъ самый корень, иначе кору ствола, иначе древесину, и въ ней опять иначе сердцевину. Одно и то же и листомъ дѣлается, и раздѣляется по сучьямъ и вѣтвямъ, и доставляетъ ростъ плодамъ; отъ той же причины происходитъ и сокъ въ растеніи, и вытекающая изъ него наружу влага. Какая же есть разность между всѣмъ этимъ, не объяснитъ никакое слово. Инакова влага, вытекающая изъ масличника, и инаковъ сокъ бальзамическаго дерева; а нѣкоторые нарды въ Египтѣ и Ливіи источаютъ другой родъ сока. Сказываютъ также, что и янтарь есть сокъ растеній, отвердѣвшій въ камень. И такое мнѣніе подтверждаютъ примѣчаемыя въ янтарѣ травинки и мелкія животныя, которыя, будучи захвачены, когда сокъ былъ еще мягкій, остаются въ немъ. И вообще, кто не извѣдалъ опытомъ различія соковъ относительно къ ихъ качеству, тотъ не найдетъ и слова къ объясненію ихъ дѣйствій. Какъ опять изъ одной и той же влаги въ виноградѣ составляется вино, а въ маслинѣ—масло? И удивительно не одно то, какимъ образомъ

влажность въ винограде сделалась сладкою, а въ маслине тучною, но и то, что въ сладкихъ плодахъ неисчислимо различіе качествъ. Ибо инакова сладость въ винограде, инакова въ яблоке, смоковнице и финиковомъ древе. И я желаю, чтобы ты еще подумалъ объ этомъ вопросе: отчего одна и та же вода, то мягка для ощущенія, когда, находясь въ известныхъ растеніяхъ, делается она сладкою, то жестка для вкуса, когда, пройдя чрезъ другія растенія, окисляется; и опять обратившись въ крайнюю горечь, нестерпима для ощущенія, когда находится въ полыни и въ скаммонеи [1]); а въ желудяхъ, или въ плоде дерена превращается въ острое и вяжущее качество; въ терпентинныхъ же растеніяхъ и въ орехахъ изменяется въ свойство нежное и маслянистое? И нужно ли говорить о чемъ либо малоизвестномъ, когда въ одной и той же смоковнице вода переходитъ въ противоположныя качества? Та же влага весьма горька въ древесномъ соке, и весьма сладка въ самомъ плоде; и въ винограде имеетъ самый вяжущій вкусъ—въ сучьяхъ, и самый пріятный въ ягодахъ.

Но сколько различій въ цветахъ! Можешь видеть на лугахъ, что одна и та же вода въ одномъ цветке румяна, въ другомъ багрова, въ этомъ голуба, а въ этомъ бела. И опять, еще больше разности представляетъ она въ запахахъ, нежели сколько имеетъ разнообразія въ цветахъ. Но вижу, что слово мое, отъ ненасытимаго желанія все обозреть, преступаетъ меру, и если не наложу на него узъ, и не возведу къ необходимому закону творенія, то не достанетъ у меня дня на изображеніе предъ вами великой мудрости, сокрытой въ вещахъ самыхъ маловажныхъ.

Да прораститъ земля древо плодовитое творящее плодъ на земли. И тотчасъ вершины горъ осенились кудрями, устроились сады, и берега рекъ украсились тысячами родовъ растеній; и одни уготовились украшать собою человеческую трапезу, а другія предложили въ пищу скотамъ и листья и плоды. Но они доставляютъ намъ и врачебныя пользы въ своихъ сокахъ, влагахъ, прутьяхъ, коре, плодахъ. И однимъ словомъ, что открылъ намъ долговременный опытъ, изъ частныхъ случаевъ собирая полезное, то привелъ въ бытіе вдругъ все объемлющій Промыслъ Творца, предусмотревъ изъ начала.

А ты, когда видишь растенія садовыя или дикія, прозябающія въ воде или на суше, приносящія цветы, или безцветныя, въ маломъ познавая великое, усугубляй непрестанно свое удивленіе, и возрастай въ любви къ Творцу. Размысли, какъ Онъ иныя растенія сотворилъ всегда зеленеющими, а другія обнажающимися, и всегда зеленеющія—то меняющими листья, то не теряющими листьевъ. Ибо меняютъ листья и олива и сосна,

---

[1]) Изъ рода вьюнчиковъ (convolvulus); даетъ изъ корня сокъ острый и молочный, имеющій сильное слабительное свойство, подобно корню ялаппа.

хотя перемѣна сія происходитъ непремѣнно, такъ что, повидимому, онѣ ни когда не обнажаются отъ зелени. Но финиковое дерево не теряетъ листьевъ, и до конца сохраняетъ тѣ же листья, которые получило съ перваго прозябенія. Потомъ прими во вниманіе и то, отчего мирика [1]) есть какъ бы водоземное растеніе, причисляется къ растущимъ въ водѣ и разводится въ мѣстахъ пустынныхъ. Посему и Іеремія (17, 6) справедливо уподобляетъ такому растенію нравы лукавые и преклонные на доброе и худое.

Да прораститъ земля. Краткое сіе повелѣніе тотчасъ стало великою природою и художественнымъ словомъ, быстрѣе нашей мысли произведя безчисленныя свойства растеній. То же повелѣніе, и донынѣ дѣйствуя въ землѣ, побуждаетъ ее, по истеченіи каждаго года, обнаруживать силу свою, какую она имѣетъ къ произведенію травъ, сѣмянъ и деревъ. Какъ кубарь, по силѣ перваго даннаго ему удара, совершаетъ послѣдующія обращенія, когда описываетъ круги, соблюдая въ себѣ средоточіе неколеблемымъ; такъ и послѣдовательный порядокъ природы, получивъ начало съ первымъ повелѣніемъ, простирается на все послѣдующее время, пока не достигнетъ общаго скончанія вселенной. Къ нему будемъ поспѣшать и мы всѣ, плодонося добрыя дѣла и преисполняясь ими, да насаждени въ дому Господни, во дворѣхъ Бога нашего процвѣтемъ (Псал. 91, 14) о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 6. О сотвореніи небесныхъ свѣтилъ.

Кто смотритъ на подвизающихся, тотъ и самъ долженъ напрягать нѣсколько свои силы. Это всякій можетъ видѣть изъ зрѣлищныхъ уставовъ, которые требуютъ, чтобы засѣдающіе на поприщѣ сидѣли съ открытою головою. А сіе, мнѣ кажется, для того, чтобы каждый не только былъ зрителемъ подвизающихся, но въ нѣкоторой мѣрѣ и самъ сдѣлался подвижникомъ. Подобнымъ образомъ и цѣнителю великихъ и сверхъестественныхъ зрѣлищъ и слышателю подлинно высшей и неизреченной мудрости, приходя сюда, надобно имѣть уже въ себѣ нѣкоторое стремленіе къ созерцанію предлагаемаго, и по мѣрѣ силъ участвовать со мною въ подвигѣ, являясь не столько судіею, сколько сподвижникомъ, чтобы не лишиться намъ случая открыть истину, и чтобы моя ошибка не сдѣлалась общимъ вредомъ для слушающихъ. Къ чему же говорю сіе? Къ тому, что, поелику намъ предлежитъ изслѣдовать составъ міра и разсмотрѣть вселенную не по началамъ мірской мудрости, но какъ научилъ сему служителя Своего Богъ, глаголавшій съ нимъ явѣ, а не гаданіемъ (Числ.

[1]) Иначе—дрокъ.

12, 8), то совершенно необходимо, чтобы любители великихъ зрѣлищъ имѣли умъ не необученный къ уразумѣнію предлагаемаго намъ. Итакъ, если ты когда-нибудь, среди ясной ночи смотря на несказанную красоту звѣздъ, составлялъ себѣ понятіе о Художникѣ всяческихъ, Кто сей испестрившій небо сими цвѣтами, и почему въ видимомъ мірѣ болѣе необходимаго, нежели пріятнаго; и опять, если во время дня трезвеннымъ разумомъ изучалъ ты дивныя чудеса: то пришелъ ты сюда готовымъ слушателемъ, достойнымъ того, чтобы восполнить собою сіе честное и блаженное позорище.

Приступите же! Какъ въ городахъ берутъ за руку и всюду водятъ людей, въ нихъ не бывавшихъ, такъ и я введу васъ въ сокровенныя чудеса сего великаго града. А въ этомъ градѣ, въ которомъ древнее наше отечество, и изъ котораго изгналъ насъ человѣко-убійца-демонъ, поработившій человѣка своими приманками,—въ этомъ градѣ увидишь ты первое бытіе человѣка и вскорѣ постигшую насъ смерть, которую породилъ грѣхъ — этотъ первородный плодъ начальника зла — демона. Здѣсь познаешь и себя самого, земного по природѣ, но дѣло Божіихъ рукъ, много уступающаго безсловеснымъ въ силѣ, но поставленнаго властелиномъ надъ безсловесными и неодушевленными тварями, умаленнаго въ томъ, чѣмъ снабдила природа, но по превосходству разума способнаго возноситься въ самое небо. Если сіе изучимъ; то познаемъ себя самихъ, увѣдаемъ Бога, поклонимся Творцу, поработаемъ Владыкѣ, прославимъ Отца, возлюбимъ нашего Питателя, почтимъ Благодѣтеля, не престанемъ покланяться Началовождю нашей, и настоящей и будущей жизни,—Тому, Который дарованнымъ уже богатствомъ удостовѣряетъ и въ обѣтованныхъ благахъ, и, по извѣданіи нами настоящаго, дѣлаетъ для насъ несомнѣннымъ ожидаемое. Ибо, если временное таково; то каково же вѣчное? И если видимое такъ прекрасно; то каково невидимое? Если величіе неба превосходитъ мѣру человѣческаго разумѣнія; то какой умъ возможетъ изслѣдовать природу Присносущаго? Если сіе—подлежащее разрушенію солнце такъ прекрасно, такъ велико, такъ быстро въ своемъ движеніи, и совершаетъ чинныя обращенія, имѣетъ величину соразмѣрную вселенной, и не выступаетъ изъ своихъ отношеній къ цѣлому, а по красотѣ своего естества составляетъ какъ бы свѣтлое око, украшающее собою тварь; и если имъ не насыщается зрѣніе: то каково по красотѣ Солнце правды? Если не видѣть сего солнца—большая потеря для слѣпого, то какая утрата для грѣшника быть лишеннымъ истиннаго Свѣта?

И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлучати между днемъ, и между нощію (Быт. 1, 14). Всему предшествовали небо и земля; послѣ нихъ сотворенъ свѣтъ, различены ночь и день; потомъ опять тверди

и явленіе суши; потомъ вода совокуплена въ постоянное и опредѣленное собраніе; земля наполнилась собственными порожденіями, произрастивъ безчисленные роды травъ и обогатившись растеніями всякаго рода. Но солнца и луны еще не было, дабы невѣдущіе Бога не именовали солнца начальникомъ и отцемъ свѣта, и не почитали его зиждителемъ земныхъ произрастеній. Посему насталъ четвертый день, и тогда рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй.

Какъ скоро слышишь о Говорящемъ; присоединяй немедленно въ мысли и Внемлющаго: Рече Богъ: да будутъ свѣтила. И сотвори Богъ два свѣтила (Быт. 1, 16). Кто сказалъ, и Кто сотворилъ? Не проразумѣваешь ли въ семъ свойственности Лицъ? Вездѣ съ повѣствованіемъ таинственно всѣянъ и сей догматъ Богословія.

Указывается и потребность, по которой сотворены свѣтила. Сказано: освѣщати землю. Если сотвореніе свѣта предшествовало; то почему говорится, что и солнце теперь сотворено также освѣщати? Во-первыхъ, да не возбуждаетъ въ тебѣ ни малаго смѣха своеобразность реченія, если мы не слѣдуемъ вашей разборчивости въ словахъ, и не стараемся о стройности ихъ сочиненія. У насъ нѣтъ ваятелей слова, и вездѣ предпочитается не благозвучіе реченій, но ясность именованій. Итакъ, смотри, не достаточно ли Моисей словомъ: освѣщати, выразилъ то, что хотѣлъ? Ибо онъ сказалъ: освѣщати, вмѣсто: быть свѣтлымъ. Но сіе ни мало не противорѣчитъ сказанному уже о свѣтѣ. Тогда произведено было самое естество свѣта, а теперь пріуготовляется это солнечное тѣло, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свѣту. Иное есть огонь, а иное—свѣтильникъ; одинъ имѣетъ силу издавать свѣтъ, а другой устроенъ свѣтить, кому нужно. Такъ и оному чистѣйшему, ясному и невещественному свѣту устрояется теперь колесница, то есть свѣтила. Какъ Апостолъ говоритъ о нѣкоторыхъ свѣтилахъ міра (Фил. 2, 15), но иное есть истинный Свѣтъ міра, чрезъ причастіе Котораго святые содѣлались свѣтилами для душъ, ими наставленныхъ и освобожденныхъ отъ тьмы невѣдѣнія; такъ и Зиждитель всяческихъ возжегъ теперь въ мірѣ сіе солнце, наполнивъ его онымъ свѣтозарнѣйшимъ свѣтомъ.

И никому да не кажется невѣроятнымъ утверждаемое, что иное есть блистательность свѣта, а иное—тѣло, въ которомъ находится свѣтъ. Во-первыхъ, видно сіе изъ того, что все сложное дѣлится у насъ такимъ же образомъ на вмѣщающую сущность и на приданное ей качество. Посему какъ по природѣ иное есть бѣлизна, а иное—тѣло выбѣленное; такъ и теперь упоминаемые[1]), будучи различны по природѣ, соединены силою Творца. И не говори, что нельзя отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Я и не

---

[1]) Свѣтъ и свѣтлое тѣло.

утверждаю, чтобы для меня или для тебя было возможно отдѣленіе свѣта отъ солнечнаго тѣла; но говорю только, что представляющееся намъ раздѣльнымъ въ мысляхъ можетъ быть и въ самой дѣйствительности раздѣлено Творцомъ ихъ природы. Тебѣ невозможно отдѣлить попаляющую силу огня отъ свѣтозарности; но Богъ, желая обратить вниманіе Своего служителя чуднымъ видѣніемъ, вложилъ въ купину огонь, въ которомъ дѣйствовала одна свѣтозарность, а сила жечь пребывала въ покоѣ. Такъ и Псалмопѣвецъ свидѣтельствуетъ, говоря: гласъ Господа пресѣцающаго пламень огня (Псал. 28, 7). Отсего и о воздаяніи за дѣла жизни нашей нѣкоторое ученіе втайнѣ преподаетъ намъ, что естество огня будетъ раздѣлено, и свѣтъ предоставленъ въ наслажденіе праведнымъ, а мучительность жженія назначена наказываемымъ.

А потомъ удостовѣреніе въ изслѣдуемомъ можно намъ находить и въ видоизмѣненіяхъ луны. Ибо когда она исходитъ и убываетъ; тогда не тѣло ея совершенно истребляется, но представляетъ она намъ явленія уменьшенія и возрастанія тѣмъ, что слагаетъ съ себя, и опять воспріемлетъ, облекающій ее свѣтъ. А что самое тѣло луны при ея исходѣ не уничтожается, яснымъ тому свидѣтельствомъ служитъ видимое. Ибо въ чистомъ и свободномъ отъ всякаго тумана воздухѣ, даже когда луна имѣетъ видъ самаго тонкаго серпа, можно тебѣ, всмотрѣвшись, увидѣть несвѣтлую и не освѣщенную ея часть, описанную такою же дугою, какая очертываетъ цѣлую луну во время полнолуній; такъ что ясно усматривается полный кругъ, если зрѣніе сводитъ вмѣстѣ съ освѣщенною частію и ту, которая помрачена и темна. И не представляй мнѣ, что свѣтъ луны заимствованный, потому что она ущербаетъ, приближаясь къ солнцу, и опять возрастаетъ, удаляясь отъ него. Не сіе подлежитъ нашему изслѣдованію въ настоящемъ случаѣ, но то, что иное есть тѣло луны, а иное—освѣщающее. Подобно же нѣчто представляй о солнцѣ, и кромѣ того, что оно, однажды пріявъ свѣтъ, и имѣя его растворенными въ себѣ, не отлагаетъ свѣта. Но луна, постоянно какъ бы совлекающаяся свѣта и опять въ него облекающаяся, удостовѣряетъ собою и въ сказанномъ о солнцѣ.

Симъ свѣтиломъ повелѣно разлучати между днемъ и между нощію. И выше: разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою, но тогда природу ихъ привелъ Онъ въ противоположность, чтобы они не смѣшивались между собою, и у свѣта не было никакого общенія со тмою. Ибо что днемъ есть тѣнь, то (надобно представлять себѣ) ночью составляетъ природу тмы. Если всякая тѣнь отъ тѣлъ, освѣщенныхъ какимъ-нибудь лучемъ, падаетъ со стороны противоположной свѣту, и утромъ простирается къ западу, вечеромъ склоняется къ востоку, а въ полдень бываетъ сѣверною; то и ночь отступаетъ въ сторону противоположную лучамъ, будучи по природѣ своей не что иное, какъ земная тѣнь. Какъ

днемъ тѣнь не разлучна съ преграждающимъ лучъ; такъ и ночь обыкновенно происходитъ, когда воздухъ около земли затѣненъ. И сіе значитъ сказанное: разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою; ибо тма убѣгаетъ вторженій свѣта, вслѣдствіе того естественнаго побужденія чуждаться другъ друга, какое вложено въ нихъ при первомъ сотвореніи. А теперь Богъ повелѣлъ солнцу измѣрять день; и луну, когда она бываетъ въ полномъ своемъ кругѣ, сдѣлалъ предводительницею ночи. Ибо тогда свѣтила бываютъ почти діаметрально противоположны другъ другу; потому что во время полнолуній, какъ съ восхожденіемъ солнца луна переходитъ въ невидимую часть неба, такъ опять, при захожденіи солнца, она большею частію восходитъ на востокѣ. Если же при другихъ видахъ луны свѣтъ ея не вмѣстѣ съ ночью появляется; то сіе не относится сюда. По крайней мѣрѣ луна, когда бываетъ полна, начинаетъ собою ночь, свѣтомъ своимъ превосходя звѣзды и освѣщая землю, и также наравнѣ съ солнцемъ опредѣляетъ мѣры времени.

И да будетъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и лѣта (Быт. 1, 14). Для человѣческой жизни необходимы указанія свѣтилъ. И если кто не черезъ мѣру многаго ищетъ въ ихъ знаменіяхъ, то при долговременномъ наблюденіи найдетъ полезныя примѣты. Многое можно узнавать объ изобиліи дождя, многое о засухѣ и о движеніи вѣтровъ, или мѣстныхъ или повсюдныхъ, сильныхъ или легкихъ. Одно изъ указаній солнца предалъ намъ и Господь, говоря: зима будетъ, дряселуетъ бо чермнуяся небо. (Матѳ 16, 3). Когда солнце поднимается сквозь туманъ, тогда лучи его помрачаются, и оно кажется огненнаго и кроваваго цвѣта, потому что густота воздуха производитъ въ глазахъ такое представленіе. Но сгущенный и остоявшійся воздухъ, котораго не разсѣяли и солнечные лучи, очевидно, не могъ быть ими преодолѣнъ по причинѣ избытка земныхъ паровъ, и по множеству влаги произведетъ ненастье въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ собирается. Подобнымъ образомъ, когда луна кажется увлаженною, или когда солнце окружаютъ, такъ называемые, вѣнцы, сіе служитъ признакомъ или множества воздушной воды, или движенія сильныхъ вѣтровъ. Или когда вмѣстѣ съ солнцемъ идутъ, такъ называемыя, побочныя солнца; они бываютъ знакомъ какихъ-нибудь воздушныхъ перемѣнъ. А также столпы радужнаго цвѣта, являющіеся на облакахъ въ прямомъ положеніи, показываютъ дожди, или жестокія бури, или вообще большой переворотъ въ воздухѣ. И въ лунѣ возрастающей или убывающей упражнявшіеся въ этомъ замѣтили многіе признаки, а именно, что вмѣстѣ съ ея видоизмѣненіями необходимо измѣняется и окружающій землю воздухъ. Если трехдневная луна тонка и чиста, то предвѣщаетъ постоянную ясную погоду; а если она представляется съ толстыми рогами и красноватою, то угрожаетъ или обиліемъ воды изъ обла-

ковъ, или сильнымъ южнымъ вѣтромъ. Кто же не знаетъ, сколько полезнаго доставляется такими указаніями? Пловецъ, предусматривая опасности отъ вѣтровъ, можетъ удержать ладію свою въ пристани. Путешественникъ, по мрачности воздуха ожидающій перемѣны, заранѣе можетъ уклониться отъ вреда. А земледѣльцы, занимающіеся посѣвами и хожденіемъ за растеніями, отсюда заключаютъ о благовременности всякаго дѣла. Господь же предсказалъ, что въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ явятся даже знаменія разрушенія вселенной. Солнце обратится въ кровь, и луна не дастъ свѣта своего (Матѳ. 24, 29. Ср. Іоил. 2, 31). Таковы знаменія скончанія вселенной!

Но преступающіе границы обращаютъ слова Моисеевы въ защищеніе науки о дняхъ рожденія, и говорятъ, что жизнь наша зависитъ отъ движенія небесныхъ тѣлъ; а на семъ основаніи у Халдеевъ сдѣланы по звѣздамъ указанія, чему должно съ нами случиться. И это простое выраженіе Писанія: да будутъ въ знаменія, по усмотрѣнію своему, разумѣютъ они не о состояніяхъ воздуха, и не о перемѣнахъ годовыхъ временъ, но о жребіяхъ жизни. Ибо что говорятъ? Стеченіе извѣстныхъ движущихся звѣздъ съ звѣздами, находящимися на зодіакѣ, когда онѣ сошедшись между собою, составляютъ извѣстную фигуру, производитъ опредѣленныя рожденія; а инаковое расположеніе звѣздъ доставляетъ противоположный жребій жизни.

О семъ не безполезно, можетъ быть, разсудить, начавъ, для ясности, нѣсколько выше. Но скажу не что-либо собственное свое, а воспользуюсь къ обличенію ихъ собственными ихъ словами, чтобы зараженнымъ такимъ недугомъ доставить нѣкоторое врачеваніе, и прочихъ предостеречь отъ паденія въ подобныя заблужденія.

Изобрѣтатели этой науки о дняхъ рожденія, примѣтивъ, что, въ продолжительныя части времени, ускользаютъ отъ нихъ многія фигуры, заключили мѣры времени въ возможно тѣсные предѣлы; потому что въ самое малое и краткое время, и какъ выражается Апостолъ, вскорѣ, во мгновеніе ока (1 Кор. 15, 52.), бываетъ величайшая разность между рожденіемъ и рожденіемъ. И родившійся въ сію точку времени будетъ обладателемъ городовъ, княземъ народовъ, станетъ изобиловать богатствомъ и властительствовать, родившійся въ другое мгновеніе времени будетъ попрошайкою и нищимъ, и ради насущнаго пропитанія станетъ ходить отъ дверей къ дверямъ. Посему, раздѣливъ на двѣнадцать частей, такъ называемый, зодіакальный кругъ, поелику солнце сію двѣнадцатую часть, такъ называемой, неподвижной сферы проходитъ въ тридцать дней, каждую двѣнадцатую часть раздѣлили они на тридцать частей. Потомъ, каждую таковую часть подраздѣливъ на шестьдесятъ частей, каждую изъ шестидесятыхъ разсѣкли опять на шестьдесятъ.

Итакъ, предполагая, что для родившихся есть извѣстныя положенія неба, посмотримъ, возмогутъ ли они соблюсти такую точность въ раздѣленіи времени. Какъ скоро родился младенецъ, бабка начинаетъ разсматривать, мужескаго или женскаго пола родившійся, а потомъ дожидается крика, который бы служилъ признакомъ жизни въ новорожденномъ. Сколько шестидесятыхъ доль протечетъ въ это время! Вотъ объявила она Халдею о новорожденномъ. Сколько надобно положить мельчайшихъ частей на пересказъ бабки, особливо, если случится, что замѣчающій часъ стоялъ внѣ женскаго отдѣленія въ домѣ? Ибо тому, кто хочетъ разсмотрѣть гороскопъ, надобно съ точностію описать часъ, будетъ ли это дневное, или ночное время. Какое же множество шестидесятыхъ доль протечетъ еще въ это время? Разсматривающему гороскопъ надобно найдти о звѣздахъ, не только въ какой онѣ изъ двѣнадцатыхъ частей, но и въ какой долѣ двѣнадцатой части, и въ какой шестидесятой долѣ изъ тѣхъ, на которыя, по сказанному, раздѣлена каждая изъ первыхъ доль, или, чтобы дойдти до точности, въ какой шестидесятой изъ тѣхъ, на которыя подраздѣляются первыя шестидесятыя. И такое столько дробное и неуловимое вычисленіе времени, говорятъ они, надобно сдѣлать для каждой изъ планетъ, чтобы найти, какое положеніе имѣли они въ разсужденіе неподвижныхъ звѣздъ, и какую фигуру составляли изъ себя взятыя въ совокупности звѣзды во мгновеніе рожденія младенца. Посему, если невозможно съ точностію опредѣлить время, а замѣненіе одной кратчайшей доли другою дѣлаетъ погрѣшительнымъ все; то смѣшны тѣ, которые трудятся надъ этою несостоятельною наукою и съ разверстымъ ртомъ углубляются въ себя, какъ будто могутъ узнать, что съ ними будетъ.

Каковы же и выводы? Говорятъ: этотъ будетъ кудрявъ волосомъ и съ голубыми глазами; потому что родился въ часъ Овна, и таково по виду сіе животное. Но онъ будетъ и человѣкъ великаго духа, потому что овенъ имѣетъ въ себѣ владычественное; а также щедръ и промышленъ, потому что животное сіе безъ огорченія слагаетъ съ себя волну, и удобно облекается въ новую, по дѣйствію природы. А родившійся въ Тельцѣ, говорятъ они, будетъ терпѣливъ въ трудахъ и раболѣпенъ; потому что телецъ носитъ ярмо. Родившійся въ Скорпіонѣ охотникъ до дракъ, по подобію съ симъ животнымъ. Родившійся же въ Вѣсахъ правдивъ, по причинѣ вѣрности нашихъ вѣсовъ.

Что же можетъ быть смѣшнѣе сего? Овенъ, отъ котораго берешь ты время рожденія человѣка, есть одна изъ двѣнадцатыхъ частей неба, въ которой находящееся солнце касается весеннихъ знаковъ. А также Вѣсы и Телецъ суть двѣнадцатыя части, такъ называемаго, зодіакальнаго круга. Какъ же, говоря, что тамъ находятся главныя причины человѣческой жизни, даешь человѣческимъ нравамъ отличительные признаки взятые отъ

скотовъ, родящихся у насъ? Родившійся въ Овнѣ щедръ, не потому что такой нравъ производитъ та часть неба, но потому что таково свойство овцы. Для чего же стращаешь насъ достовѣрностію звѣздъ, и стараешься увѣрить блеяньемъ овецъ? Если небо имѣетъ такія свойства нравовъ, заимствовавъ ихъ у животныхъ; то и оно само подлежитъ постороннимъ началамъ, какъ имѣющее причины, зависимыя отъ скотовъ. Но если смѣшно говорить такимъ образомъ; то гораздо смѣшнѣе усиліе придавать достовѣрность ученію отъ вещей, между которыми ничего нѣтъ общаго. Но такія ихъ мудрованія подобны паутиннымъ тканямъ, въ которыхъ если увязаетъ комаръ или муха, или что-нибудь столько же безсильное, то остается связаннымъ; но если приближается къ нимъ другое сильнѣйшее животное то удобно освобождается, и слабую паутину разрываетъ и уничтожаетъ.

Но они не останавливаются на семъ одномъ, а приписываютъ небеснымъ тѣламъ причину и того, въ чемъ властно произволеніе каждаго изъ насъ, то есть причину расположеній къ добродѣтели или къ пороку. Съ одной стороны смѣшно оспаривать ихъ, а съ другой поелику многіе заражены симъ заблужденіемъ, можетъ быть, необходимость требуетъ не оставлять сего и въ молчаніи.

Итакъ, прежде всего спросимъ у нихъ: не каждый ли день тысячекратно измѣняются фигуры изъ звѣздъ? Ибо, такъ называемыя, планеты непрестанно движутся, и однѣ скорѣе другъ съ другомъ сходятся, а другія совершаютъ медлительнѣйшія обращенія, часто бываютъ въ одинъ и тотъ же часъ и въ виду одна у другой и скрыты другъ отъ друга. А въ минуту рожденія, какъ они говорятъ, весьма великую имѣетъ силу—быть въ виду у благотворной или у злотворной звѣзды. И не рѣдко, по незнанію одной самомалѣйшей доли, не найдя времени, по которому звѣзда показывала себя благотворною, описывали ее, какъ стоящую въ числѣ неблагополучныхъ. Ибо я вынужденъ употреблять собственныя ихъ реченія.

Но въ словахъ сихъ, конечно, много неразумнаго, а гораздо больше нечестиваго. Ибо злотворныя звѣзды причину своей злотворности переносятъ на Творца своего. Если зло имъ естественно; то Создатель—творецъ зла. А если онѣ дѣлаются злыми по произволенію; то, во-первыхъ, онѣ суть живыя существа, одаренныя произволомъ, предающіяся непринужденнымъ и свободнымъ стремленіямъ. Утверждать же сіе о вещахъ неодушевленныхъ есть верхъ безумія. Потомъ, сколько несообразно съ разумомъ, чтобы зло и добро удѣлялось каждому не по достоинству, но чтобы звѣзда была благотворною, потому что находится въ такомъ-то мѣстѣ, и чтобы она же дѣлалась злотворною, потому что усматривается подъ такою-то звѣздою, и опять тотчасъ забывала свою злокачественность, если нѣсколько уклонилась отъ извѣстной фигуры! И о семъ довольно.

Если же въ каждое мгновеніе времени взаимное положеніе звѣздъ изъ

одного вида превращается въ другой, а при безчисленности таковыхъ перемѣнъ не одинъ разъ въ день составляются очертанія, показывающія рожденіе царей; то почему не каждый день родятся цари? Или почему достается имъ царство по наслѣдству отъ отцевъ? Ибо, конечно, не всякій царь тщательно соображаетъ рожденіе своего сына съ царственнымъ очертаніемъ звѣздъ? Да и какой человѣкъ властенъ въ этомъ? Какъ Озія родилъ Іоаѳама, Іоаѳамъ Ахаза, Ахазъ Езекію? И ни одному изъ нихъ не случилось родиться въ часъ рабскій?

Сверхъ того, если начала поступковъ порочныхъ и добродѣтельныхъ не отъ насъ зависятъ, но необходимы вслѣдствіе рожденія; то напрасно есть законодатели, опредѣляющіе, что намъ дѣлать, и чего убѣгать, напрасно есть и судіи, награждающіе добродѣтель и наказывающіе порокъ. Ни воръ, ни убійца не виновенъ въ преступленіи; ему, если бы и хотѣлъ, невозможно было удержать руки, потому что къ симъ поступкамъ неизбѣжно побуждала его необходимость. А всѣхъ болѣе обманываются трудящіеся надъ искусствами. Напротивъ того, земледѣлецъ соберетъ обильные плоды, и сѣменъ не бросая въ землю, и не точа косы; а купецъ обогатится, хочетъ ли того или нѣтъ, потому что судьба соберетъ ему кучи денегъ. Великія же надежды христіанъ обратятся у насъ въ ничто, потому что ни праведность не будетъ почтена, ни грѣхъ осужденъ, такъ какъ люди ничего не дѣлаютъ по собственному произволу. Ибо гдѣ господствуютъ необходимость и судьба, тамъ не имѣетъ никакого мѣста воздаяніе по достоинству, что и составляетъ преимущество правосудія

Довольно сказано держащимся сего заблужденія. Ибо вы не имѣете нужды въ большемъ числѣ доводовъ, будучи здравы сами по себѣ, а время не позволяетъ распространяться сверхъ мѣры и съ ними. Возвратимся же къ послѣдующимъ словамъ Писанія.

Сказано: да будетъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта. О знаменіяхъ у насъ говорено; а подъ временами, какъ полагаемъ, разумѣются перемѣны годовыхъ временъ: зимы, весны, лѣта и осени, которыя возвращаются у насъ въ непремѣнномъ порядкѣ, вслѣдствіе установленнаго движенія свѣтилъ. Ибо зима бываетъ, когда солнце замедляетъ въ южныхъ частяхъ, и въ нашихъ мѣстахъ производитъ длинное ночное помраченіе; отчего охлаждается окружающій землю воздухъ, и всѣ влажныя испаренія, собравшіяся около насъ, дѣлаются причиною дождей, стужи и обильнаго снѣга. Когда же солнце, возвратившись опять изъ полуденныхъ странъ, достигаетъ средины, такъ что дѣлитъ время между ночью и днемъ поровну; тогда, чѣмъ болѣе замедляетъ оно надъ какимъ-либо мѣстомъ на землѣ, тѣмъ большее въ каждомъ производитъ благорастворені. И наступаетъ весна, виновница прозябенія во всѣхъ растеніяхъ, доставляющая оживленіе большей части деревъ, и

чрезъ преемство рождающихся поддерживающая роды всѣхъ животныхъ, живущихъ на сушѣ и водѣ. Отсюда уже солнце, переходя на самый сѣверъ къ лѣтнимъ поворотамъ, производитъ у насъ самые долгіе дни, а тѣмъ, что наибольшее время дѣйствуетъ на воздухъ, какъ распаляетъ самый воздухъ, находящійся у насъ надъ головою, такъ изсушаетъ и землю, способствуя чрезъ то сѣменамъ созрѣвать, и пробуждая древесные плоды приходить въ спѣлость. Тогда и самое солнце наиболѣе опаляетъ, и тѣни въ полдень дѣлаетъ короткими, потому что осіяваетъ наши страны съ высоты. Ибо тѣ дни бываютъ должайшіе, въ которые имѣютъ мѣсто самыя короткія тѣни, и опять, тѣ дни кратчайшіе, въ которые имѣютъ самыя длинныя тѣни. И сіе бываетъ у насъ, называемыхъ однотѣнными и населяющихъ сѣверную часть земли. Ибо изъ живущихъ на полдень есть такіе, что у нихъ по два дня въ продолженіе цѣлаго года совершенно не бываетъ тѣни. Солнце, сіяя у нихъ надъ головою, равно освѣщаетъ со всѣхъ сторонъ; такъ что и въ глубинѣ колодцевъ вода освѣщается чрезъ узкія отверстія. Отсего называютъ ихъ и безтѣнными. А живущіе далѣе страны изобилуемой ароматами имѣютъ тѣни попеременно въ ту и другую сторону. Ибо они, одни въ обитаемой нами вселенной, въ полдень отбрасываютъ тѣнь къ югу; отчего нѣкоторые называютъ ихъ и кpуготѣнными. Все же сіе бываетъ, когда солнце переходитъ уже въ сѣверную часть. А изъ сего можно заключать, какое разгоряченіе въ воздухѣ бываетъ отъ солнечнаго луча, и какія производятся симъ явленія. Наступающее у насъ за симъ осеннее время года ослабляетъ излишній жаръ и, постепенно уменьшая теплоту посредственностію растворенія, безвредно вводитъ насъ за собою въ зиму, между тѣмъ какъ солнце изъ сѣверныхъ странъ переходитъ опять въ южныя. Сіи-то круговращенія годовыхъ временъ, слѣдующія за движеніями солнца, распоряжаютъ и нашею жизнію.

Но да будетъ, сказано, и во дни, не для того, чтобы производить дни, но чтобы начальствовать надъ днями. Ибо день и ночь были до сотворенія свѣтилъ. Это показываетъ намъ и Псаломъ, говоря: поставилъ солнце во область дне, луну и звѣзды во область нощи (Псал. 135, 8. 9). Какъ же солнце имѣетъ власть надъ днемъ? Оно носитъ въ себѣ свѣтъ, и какъ скоро восходитъ надъ нашимъ горизонтомъ, разсѣявъ тму, доставляетъ намъ день. Посему не погрѣшитъ, кто дастъ такое опредѣленіе дню: это воздухъ, освѣщенный солнцемъ; или: день есть мѣра времени, въ которую солнце пребываетъ въ полушаріи надъ землею.

Но солнцу и лунѣ повелѣно быть также и въ лѣта. Луна, совершивъ двѣнадцатикратное свое теченіе, исполняетъ годъ, кромѣ случаевъ, въ которыхъ, для точнаго совпаденія годовыхъ временъ, бываетъ не рѣдко нуженъ дополнительный мѣсяцъ. Такъ измѣняли годъ въ Ветхомъ За-

вѣтѣ Евреи и древнѣйшіе изъ Еллиновъ. Солнечный же годъ есть возвращеніе солнца, вслѣдствіе собственнаго его движенія, изъ извѣстнаго знака въ тотъ же самый знакъ.

И сотвори Богъ два свѣтила великая (Быт. 1, 16). Слово: великій, имѣетъ иногда отрѣшенный смыслъ; напримѣръ: великое небо, великая земля, великое море; а во многихъ случаяхъ употребляется сравнительно съ другимъ; напримѣръ: великій конь и великій волъ; ибо подобныя симъ вещи свидѣтельство о своей величинѣ заимствуютъ не отъ чрезмѣрной громадности тѣла, но отъ сравненія съ чѣмъ либо подобнымъ. Посему въ какомъ смыслѣ возмемъ здѣсь великое? Въ таковомъ ли же, въ какомъ муравья, или иное что по природѣ малое, называемъ великимъ, свидѣтельствуя о превосходствѣ по сличенію съ однороднымъ? Или возмемъ теперь великое такъ, что величина оказывается въ собственномъ устройствѣ свѣтилъ? Я полагаю послѣднее. Свѣтила сіи велики не потому, что они больше меньшихъ звѣздъ, но потому, что имѣютъ объемъ достаточный къ тому, чтобы изливаемыми изъ нихъ лучами осіявать небо и воздухъ, и вдругъ распростираться по всей землѣ и морю. Въ какой части неба не бываютъ они, восходятъ ли и заходятъ, или занимаютъ средину неба, отвсюду представляются людямъ равными; а сіе служитъ яснымъ доказательствомъ чрезмѣрной ихъ величины, предъ которою широта земли ничего не значитъ, и не можетъ сдѣлать, чтобы они показались большими, или меньшими. Ибо предметы далеко отстоящіе видимъ нѣсколько меньшими, и чѣмъ болѣе къ нимъ приближаемся, тѣмъ большею находимъ величину ихъ. Но въ разсужденіи солнца никто не ближе, ни дальше; а напротивъ того обитателямъ всѣхъ частей земли представляется оно въ ровномъ разстояніи. Доказательствомъ же сему то, что и Инды и Британцы видятъ его равнымъ. Ибо для живущихъ на востокѣ не убываетъ оно въ величинѣ по захожденіи, и живущихъ на западѣ не кажется меньшимъ при восхожденіи, и, находясь въ срединѣ неба, не перемѣняетъ своего вида для тѣхъ или другихъ.

Ты не обманывайся видимостію, и изъ того, что солнце для смотрящихъ представляется величиною въ локоть, не заключай, что такова дѣйствительная его величина. Ибо на большихъ разстояніяхъ величина видимыхъ предметовъ обыкновенно сокращается; потому что сила зрѣнія оказывается недостаточною пробѣжать раздѣляющее пространство, но какъ бы поглощается средою, и только малою своею частію прикасается къ видимымъ предметамъ. Посему зрѣніе наше, сдѣлавшись малымъ, заставляетъ почитать малыми и видимые предметы, перенося на нихъ собственный свой недостатокъ. А если зрѣніе обманывается; то и судъ его невѣренъ. Припомни о собственныхъ своихъ ошибкахъ, и самъ въ себѣ будешь имѣть подтвержденіе сказаннаго. Если ты сматривалъ когда нибудь съ

вершины высокой горы на обширную и низкую равнину; какими представлялись тебѣ пары запряженныхъ воловъ? Каковы были сами земледѣльцы? Не казались ли они тебѣ въ видѣ муравьевъ? И если съ башни, обращенной къ великому морю, простиралъ ты взоры вдоль морской поверхности; какъ великими почиталъ ты самые большіе острова? И какимъ казался тебѣ одинъ изъ грузныхъ кораблей на бѣлыхъ парусахъ, плывущій по лазоревому морю? Не представлялся ли онъ тебѣ по виду менѣе всякаго голубя? Посему, какъ сказалъ я, поглощаемое воздухомъ зрѣніе, сдѣлавшись слабымъ, недостаточно къ точному представленію видимыхъ предметовъ. Такъ и величайшія изъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими пропастями, зрѣніе признаетъ повсюду выпуклыми и гладкими, потому что приражается къ однимъ выдавшимся мѣстамъ, а въ находящіяся между ними впадины, по слабости своей, проникать не можетъ. Посему и очертанія тѣлъ не сохраняетъ зрѣніе такимъ, каково оно дѣйствительно; а напротивъ того четвероугольныя башни почитаетъ круглыми. Такимъ образомъ, изъ всего видно, что зрѣніе на весьма большихъ разстояніяхъ получаетъ представленіе о тѣлахъ не совершенное, но слитное. А слѣдственно небесное свѣтило, согласно съ свидѣтельствомъ Писанія, велико, и до безконечности больше, нежели какимъ представляется.

Но яснымъ также признакомъ величины солнечной можетъ служить для тебя и слѣдующее. Хотя звѣздъ на небѣ безчисленное множество, однако же совокупнаго ихъ свѣта недостаточно къ тому, чтобы разсѣять сумрачность ночи. Но одно солнце, явившееся на горизонтѣ, или даже только еще ожидаемое, не успѣетъ стать совершенно надъ землею, какъ уже и тма исчезла, и звѣзды имъ помрачены, и воздухъ, дотолѣ сгущенный и сжатый около земли, разжижается и дѣлается текучимъ. Отсего бываютъ утренніе вѣтры, и росы увлаживаютъ землю въ ясную погоду. Но при какой величинѣ земли, какъ могло бы солнце въ одно мгновеніе времени освѣтить всю ее, если бы не изъ великаго круга посылало лучи свои. Изъ сего познай премудрость Художника, Который солнцу далъ теплоту соразмѣрную такому разстоянію. Жаръ солнца таковъ, что не пожигаетъ земли чрезмѣрностію, и не оставляетъ ее, по причинѣ недостатка жара, охлажденною и безплодною.

И о лунѣ представляй нѣчто подобное сказанному о солнцѣ. И ея тѣло велико и послѣ солнца самое свѣтлое. Впрочемъ, величина ея не всегда пребываетъ видимою; а напротивъ того является то полною въ видѣ круга, то не достигающею до полнаго круга и уменьшенною, показывающею остатокъ той или другой своей части. Ибо луна одною своей частію помрачается, когда возрастаетъ, а другая ея часть закрывается во время ущерба. И премудрый Создатель имѣлъ какую нибудь тайную причину сего разнообразнаго измѣненія видовъ луны.

Можетъ быть, намъ хотѣлъ Онъ дать явственный образецъ нашего естества, что ничто человѣческое не постоянно, но иное изъ небытія приходитъ въ совершенство, а другое, достигнувъ своей зрѣлости и возрастши до наибольшей своей мѣры, чрезъ постепенныя убавленія истощается и утрачивается и, уменьшаясь, истребляется. Посему, взирая на луну, можемъ познать самихъ себя, и, составивъ себѣ понятіе о скорой превратности всего человѣческаго, не думать высоко о благоденствіи жизни, не восхищаться своимъ могуществомъ, не превозноситься невѣрнымъ богатствомъ, презирать плоть, которой свойственна измѣняемость, имѣть же попеченіе о душѣ, которой благо непоколебимо. Если тебя огорчаетъ луна, при постепенныхъ уменьшеніяхъ теряющая свѣтъ; то пусть еще болѣе огорчаетъ тебя душа, которая стяжала добродѣтель, и по нерадѣнію обращаетъ въ ничто свою доброту, никогда не остается въ томъ же расположеніи, но, по неосновательности мыслей, непрестанно обращается туда и сюда и измѣняется. Ибо дѣйствительно, по сказанному, безумный яко луна измѣняется (Сир. 27, 11).

Но думаю, что лунныя перемѣны имѣютъ не малое вліяніе на устройство животныхъ и на прочія земныя произведенія. Ибо инаково состояніе тѣлъ, когда луна убываетъ, и инаково, когда она возрастаетъ. Но если съ ущербомъ луны дѣлаются они тонки и тощи, то, при возрастаніи луны и приближеніи ея къ полнотѣ, и тѣла опять полнѣютъ; потому что луна непримѣтнымъ образомъ сообщаетъ имъ какую-то влажность, растворенную съ теплотою и проникающую во внутренность. Доказываютъ же сіе тѣ, которые спятъ на лунномъ свѣтѣ, и у которыхъ головныя пустоты наполняются излишнею влагой, а также мяса недавно убитыхъ животныхъ, которыя отъ паденія на нихъ лунныхъ лучей скоро портятся; и еще: мозги животныхъ, влажность животныхъ морскихъ и сердцевины деревъ. Но всего этого луна не могла бы измѣнять вмѣстѣ съ своимъ измѣненіемъ, если бы въ ней, согласно со свидѣтельствомъ Писанія, не было чего-то особеннаго и превосходнаго по силѣ.

Но и видоизмѣненія въ воздухѣ бываютъ согласны съ перемѣнами луны, какъ свидѣтельствуютъ не рѣдко послѣ тихой и ясной погоды случающіяся у насъ при новолуніи бури отъ движенія и взаимнаго столкновенія облаковъ, также обратныя теченія еврипов, приливъ и отливъ въ такъ называемомъ океанѣ, по замѣчанію прибрежныхъ жителей въ точности слѣдующій времени лунныхъ кругообращеній. Ибо еврипы при прочихъ видахъ луны текутъ въ ту и другую сторону; а во время рожденія ни на минуту не остаются въ покоѣ, но находятся въ волненіи и непрестанномъ колебаніи, пока луна, сдѣлавшись опять видимою, не введетъ нѣкоторой послѣдовательности въ обратныхъ теченіяхъ. А западное море подвержено отливамъ и приливамъ, то убывая, то опять прибывая, какъ

будто бы луна своими вдыханіями отвлекаетъ его назадъ, и опять своими же выдыханіями гонитъ до свойственной ему высоты.

Сіе сказано мною въ доказательство величины свѣтилъ и въ подтвержденіе, что въ богодухновенныхъ словахъ нѣтъ ничего напрасно сказаннаго даже и до единаго слова; хотя наше слово и не коснулось почти ничего главнаго. Ибо о величинахъ и разстояніяхъ солнца и луны можно многое найти посредствомъ умозаключеній, если кто не поверхностно разсмотритъ ихъ дѣйствія и силы. И намъ должно искренно признаться въ своей немощи, чтобы кто не сталъ нашимъ словомъ измѣрять величайшихъ созданій, а напротивъ того изъ немногаго нами сказаннаго самъ вывелъ заключеніе о томъ, сколь многое нами опущено, и какъ оно важно.

Посему измѣряй луну не глазомъ, но разсудкомъ, который при открытіи истины гораздо вѣрнѣе глазъ. Повсюду распространились смѣшныя какія-то басни—бредъ пьяныхъ старухъ, будто бы луна, сдвигнутая съ своего основанія какими-то чародѣйствами, низводится на землю. Какимъ же образомъ наговоры чародѣевъ подвигнутъ ту, которую основалъ Самъ Вышній? Да и гдѣ помѣстится она сведенная съ неба?

Хочешь ли изъ малыхъ признаковъ заимствовать доказательство объ ея величинѣ? Города, наиболѣе отстоящіе одинъ отъ другого во вселенной, всѣ равно принимаютъ лунный свѣтъ на стогны свои, обращенныя къ востоку. Но если бы луна не была всѣмъ прямо противоположна; то она, безъ сомнѣнія, освѣщала бы узкія улицы, на одной прямой съ нею лежащія, а въ улицы, выходящія изъ ея широты, бросала бы наклоненные лучи, идущіе наискось. Это можно видѣть на свѣтильникахъ, зажигаемыхъ въ домахъ. Когда около свѣтильника стоятъ многіе; тѣнь стоящаго на одной съ нимъ прямой лежитъ прямо, а прочія тѣни уклоняются въ ту или другую сторону. Посему если бы лунное тѣло не было огромно и не имѣло превосходной величины, то не находилось бы одинаково противу всѣхъ. Ибо когда луна восходитъ въ мѣстахъ равноденственныхъ, одинаково видятъ ее живущіе въ холоднюмъ поясѣ подъ кругомъ Медвѣдицы и жители жаркаго пояса, вдавшагося на полдень. Ко всѣмъ имъ обращена она прямо своею широтою, и тѣмъ даетъ самое ясное свидѣтельство о своей величинѣ. Кто же будетъ еще спорить, что тѣло ея весьма велико, какъ равняющееся вдругъ столь многимъ предметамъ и на такихъ большихъ разстояніяхъ? И сего довольно о величинѣ солнца и луны.

Но Даровавшій намъ разумѣніе, чтобы и изъ малѣйшихъ твореній познавать великую мудрость Художника, да подастъ силы изъ великихъ тварей пріобрѣсть еще большія понятія о Творцѣ; хотя въ сравненіи съ Создателемъ и солнце и луна не болѣе муравья и мошки. Ибо изъ нихъ нельзя заимствовать такого умозрѣнія, которое было бы достойно величія Бога всяческихъ, но могутъ они возводить насъ только къ малымъ нѣко-

торымъ и неяснымъ представленіямъ, равно какъ и каждое изъ самыхъ малыхъ животныхъ или былій. Удовольствуемся сказаннымъ, и возблагодаримъ — я Даровавшаго мнѣ сіе малое служеніе слова, а вы Питающаго духовными брашнами. Онъ и нынѣ напиталъ васъ малоцѣнностію моей рѣчи, какъ бы ячменнымъ какимъ хлѣбомъ, и да питаетъ всегда, по мѣрѣ вѣры подавая вамъ явленіе Духа (1 Кор. 12, 7), о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 7. О пресмыкающихся.

И рече Богъ: да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по тверди небеснѣй, по роду (Быт. 1, 20). По сотвореніи свѣтилъ наполняются и воды животными, чтобы и эта область была украшена. Земля получила уже украшеніе въ свойственныхъ ей произрастеніяхъ; и небо имѣло также цвѣты свои — звѣзды, и, какъ бы два ока, украшала его чета великихъ свѣтилъ: оставалось и водамъ дать приличное украшеніе. Вышло повелѣніе; и тотчасъ рѣки производятъ, и озера рождаютъ свойственныя себѣ и естественныя породы; и море чревоболѣзнуетъ всякаго вида плавающими животными. Гдѣ только ни была вода, въ болотахъ и тинистыхъ мѣстахъ, — она не остается бездѣйственною и не участвующею въ размноженіи тварей. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что изъ воды воскипѣли жабы, мошки и комары. Видимое нынѣ служитъ доказательствомъ и прошедшаго. Такъ, всякая вода спѣшила исполнить Зиждителя; дѣятельная и самодвижная жизнь тварей, которыхъ породы даже неисчислимы, немедленно явлена великою и неизреченною Божіею силою, потому что повелѣніемъ Божіимъ сообщена водамъ способность живорождать.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ. Теперь въ первый разъ созидается животное одушевленное и одаренное чувствомъ. Ибо растенія и дерева, хотя имъ приписывается жизнь, какъ имѣющимъ питательную и растительную силу, еще не животныя и не одушевленныя твари. Для сего-то да изведутъ воды гады. Все плавающее, плаваетъ ли по поверхности водъ, или разсѣкаетъ водныя глубины, принадлежитъ къ природѣ пресмыкающихся, потому что влачитъ тѣло по водѣ. Хотя нѣкоторыя изъ водяныхъ животныхъ имѣютъ ноги и могутъ ходить (особенно таковы многія изъ водоземныхъ, какъ-то: тюлени, крокодилы, бегемоты, жабы и раки); но имъ свойственнѣе плавать. Посему да изведутъ воды гады. Какая порода опущена въ сихъ немногихъ словахъ? Что не включается въ этомъ зиждительномъ повелѣніи? Не включаются ли живородящія, каковы: тюлени, делфины, гнюси и подобныя имъ, такъ называемыя хрящеватыя рыбы? Не включаются ли ме-

чущія икру, каковы почти всѣ породы рыбъ твердочешуйныхъ и мягкочешуйныхъ, снабженныхъ перьями и не снабженныхъ ими? Гласъ повелѣнія кратокъ, или лучше сказать, это не гласъ, а только мановеніе и устремленіе воли, но мысль, заключающаяся въ повелѣніи, столько же многообъемлюща, сколько есть различій и сходствъ у рыбъ, которыхъ всѣхъ описать подробно то же значитъ, что и сочесть морскія волны, или попытаться ладонью вымѣрять воду въ морѣ.

Да изведутъ воды гады. Въ числѣ ихъ находятся и морскія, и прибрежныя, и водящіяся въ глубинахъ, и живущія на камняхъ, плавающія стадами и поодиночкѣ, киты, огромныя и мелкія рыбы. Отъ той же силы, отъ одинаковаго повелѣнія получаетъ бытіе и великое и малое.

Да изведутъ воды. Симъ показано тебѣ, что плавающія животныя имѣютъ естественное сродство съ водою; почему, рыбы, не надолго разлученныя съ водою, умираютъ, ибо не имѣютъ дыханія, чтобы втягивать въ себя этотъ воздухъ. Но что для земныхъ животныхъ воздухъ, то для породы плавающихъ вода. Причина сему очевидна. Въ насъ есть легкое, наполненное пустотами и скважинами, и грудобрюшня, которая, чрезъ расширеніе груди, принимая въ себя воздухъ, провѣтриваетъ и прохлаждаетъ внутренній жаръ, а у нихъ расширеніе и сжатіе жаберъ, принимающихъ и выпускающихъ воду, заступаетъ мѣсто дыханія. У рыбъ собственное свое назначеніе, собственная своя природа, отдѣльная пища, своеобразная жизнь. Поэтому ни одно изъ плавающихъ животныхъ не можетъ сдѣлаться ручнымъ и вообще терпѣть прикосновенія руки человѣческой.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду. Теперь повелѣваетъ произойдти начаткамъ каждой породы, и какъ бы нѣкоторымъ сѣменамъ естества, а множество живыхъ тварей сокрыто въ послѣдующемъ преемствѣ, когда нужно имъ будетъ расти и множиться. Къ иному роду принадлежатъ, такъ называемыя черепокожныя, напримѣръ: раковины, гребенки, морскія улитки, веретенки, и тысячи разнообразныхъ устрицъ. Иной опять кромѣ сего родъ составляютъ, такъ именуемыя, мягкочерепныя; крабы, раки и тому подобное. Къ иному сверхъ сего роду принадлежатъ, такъ названные, слизняки, имѣющіе плоть мягкую и губчатую: полипы, каракатицы, и имъ подобные. И между сими опять есть безчисленныя различія; ибо драконы, мурены, угри, которые водятся въ илистыхъ рѣкахъ и озерахъ, по сходству природы своей, приближаются болѣе къ ядовитымъ пресмыкающимся, нежели къ рыбамъ. Иной родъ мечущихъ икру, и иной — живородящихъ. Живыхъ дѣтей рождаютъ вьюны и мокрицы, и вообще животныя, такъ называемыя, хрящеватыя. Живородящіе суть: большая часть китовъ, делфины и тюлени, о которыхъ разсказываютъ, что они новорожденныхъ дѣтей своихъ, чѣмъ нибудь испуганныхъ, принявъ опять въ чрево, прячутъ тамъ.

Да изведутъ воды по роду. Иной родъ составляютъ киты, и иной—мелкія рыбы. И опять, между рыбами есть безчисленныя разности, различаемыя по родамъ; у нихъ и имена свои, и пища несходная, и наружность, и величина, и качество плоти — все раздѣлено между собою, имѣетъ весьма великія разности и относится къ различнымъ видамъ. Кто изъ наблюдавшихъ свойства рыбъ въ состояніи перечислить намъ разности породъ? Хотя они говорятъ о себѣ, что въ великихъ стадахъ рыбъ могутъ опредѣлять даже число; однако же кто изъ состарѣвшихся на взморьяхъ и берегахъ можетъ разсказать намъ подробную исторію всѣхъ рыбъ? Иныя породы извѣстны рыболовамъ Индійскаго моря, иныя рыбнымъ промышленникамъ Египетскаго залива, иныя — островитянамъ, иныя Маврузіямъ [1]). Но все, и малое и великое, одинаково произведено онымъ первымъ повелѣніемъ оною неизреченною силою. Много несходствъ въ образѣ жизни, много разностей и въ расположеніи каждой породы. Большая часть рыбъ не насиживаютъ яицъ, какъ птицы, не вьютъ гнѣздъ, не вскармливаютъ съ трудомъ дѣтей своихъ, но вода, принявъ выметанную икру, производитъ изъ нея животное. И у каждой породы способъ распложенія неизмѣненъ и бываетъ безъ смѣшенія съ другою природою. Невозможно такое же распложеніе рыбъ, какъ распложаются лошаки на сушѣ, или невозможны такія же совокупленія, какія бываютъ у нѣкоторыхъ птицъ, производящихъ отъ себя смѣшанныя породы. Между рыбами нѣтъ вооруженныхъ зубами въ половину, какъ у насъ волъ и овца. Ибо ни одна изъ нихъ не имѣетъ жванія, исключая развѣ скара, о которомъ сіе разсказываютъ. Но всѣ рыбы снабжены весьма частыми и острыми зубами, чтобы пища при продолжительномъ жеваніи не растекалась; ибо, если бы не скоро была раздробляема и передаваема чреву, то во время самаго измельченія могла бы уносима быть водою.

Пища же различнымъ рыбамъ опредѣлена различная, по роду каждой. Однѣ питаются иломъ, другія поростами, иныя довольствуются травами, растущими въ водѣ, большая же часть пожираютъ другъ друга, и меньшая изъ нихъ служитъ пищею большей. Иногда случается, что овладѣвшая меньшею себя дѣлается добычею другой, и обѣ переходятъ въ одно чрево послѣдней. Что же иное дѣлаемъ и мы люди, угнетая низшихъ? Чѣмъ различается отъ сей послѣдней рыбы, кто по ненасытимому богатолюбію во всепоглощающія нѣдра своего лихоимства сокрываетъ безсильныхъ? Онъ овладѣлъ достояніемъ нищаго, а ты, уловивъ его самого, сдѣлалъ частію своего стяжанія. Ты оказался несправедливѣе несправедливыхъ и любостяжательнѣе любостяжательнаго. Смотри, чтобы и тебя не постигъ одинаковой конецъ съ рыбами — уда, верша, или сѣть. Безъ со-

---

[1]) Жителямъ Мавританіи.

мнѣнія же, и мы, совершивъ много неправдъ, не избѣгнемъ послѣдняго наказанія.

Примѣчая уже и въ слабомъ животномъ много хитрости и лукавства, желаю, чтобы ты избѣгалъ подражанія дѣлающимъ зло. Ракъ жаденъ до мяса устрицы; но ему трудно поймать эту добычу, у которой оболочкою черепъ. Ибо сама природа несокрушимымъ оплотомъ обезопасила нѣжную плоть устрицы, почему и называется она черепокожною. И поелику двѣ вогнутыя раковины, плотно прилаженныя одна къ другой, совершенно закрываютъ устрицу; то клещи рака по необходимости остаются недѣйствительными. Что же онъ дѣлаетъ? Какъ скоро видитъ, что устрица въ безвѣтренномъ мѣстѣ съ наслажденіемъ грѣется и открываетъ половинки своего черепа солнечнымъ лучамъ, непримѣтно вбросивъ въ нихъ камень, препятствуетъ закрыться и овладѣваетъ добычею, недостатокъ силы замѣнивъ выдумкою. Такая злоумышленность животныхъ не одаренныхъ ни разумомъ, ни словомъ! А я хочу, чтобы ты, подражающій умѣнью и ловкости раковъ снискивать пищу, удерживался отъ вреда ближнимъ. Таковъ тотъ, кто съ коварствомъ приходитъ къ брату, содѣйствуетъ невзгодамъ ближняго, увеселяется чужими бѣдами. Бѣгай того, чтобы подражать людямъ предосудительнымъ; довольствуйся собственнымъ. Нищета, при истинномъ самодовольствѣ, для цѣломудренныхъ предпочтительнѣе всякаго наслажденія.

Не могу умолчать о лукавствѣ и вороватости полипа, который всякій разъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому легко пристаетъ; почему многія рыбы, безъ опасенія плавая, приближаются къ полипу, точно какъ къ камню, и дѣлаются готовою добычею хитреца. Таковы нравомъ тѣ, которые угождаютъ всякой преобладающей власти, каждый разъ сообразуются съ обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намѣренія, удобно дѣлаются то тѣмъ, то другимъ, съ цѣломудренными уважаютъ цѣломудріе, съ невоздержными невоздержны, въ угодность всякому перемѣняютъ расположенія. Отъ такихъ людей не легко уклониться, и спастись отъ наносимаго ими вреда; потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называетъ волками хищными, которые являются во одеждахъ овчихъ (Матѳ. 7, 15). Бѣгай на все изворотливаго и многоличнаго нрава, домогайся истины, искренности и простоты. Змѣя пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведникъ не лукавъ, какъ Іаковъ (Быт. 25, 27). Посему вселяетъ Господь единомысленныя въ домъ (Псал. 67, 7).

Сіе море великое и пространное: тамо гади, ихже нѣсть числа, животная малая съ великими (Псал. 103, 25). Однако же у нихъ есть мудрый и благоустроенный порядокъ. Мы не осуждать только должны рыбъ; у нихъ есть нѣчто и достойное подражанія.

Какимъ образомъ каждая порода рыбъ, получивъ въ удѣлъ удобную для себя страну, не дѣлаетъ нашествій на другія породы, но живетъ въ собственныхъ своихъ предѣлахъ? Ни одинъ землемѣръ не отводилъ имъ жилищъ, онѣ не ограждены стѣнами, не отдѣлены рубежами, но безспорно каждой породѣ уступлено полезное. Одинъ заливъ прокармливаетъ такія породы рыбъ, а другой—другія; во множествѣ водящіяся здѣсь рыбы рѣдки въ другихъ мѣстахъ. Не раздѣляетъ гора, возносящая острыя вершины, не пересѣкаетъ перехода рѣка; но есть какой-то законъ природы, который равно и правдиво, сообразно съ потребностями каждой породы, распредѣляетъ имъ мѣста жительства. Но мы не таковы. Изъ чего сіе видно? Изъ того, что прелагаемъ предѣлы вѣчныя, яже положища отцы наши (Притч. 26, 28). Перерѣзываемъ землю, совокупляемъ домъ къ дому и село къ селу, да ближнему отъимемъ что (Иса. 5, 8). Киты знаютъ опредѣленное имъ природою мѣстопребываніе; они заняли море, лежащее внѣ обитаемыхъ странъ, не имѣющее острововъ, за которымъ нѣтъ уже никакой твердой земли; почему оно не кораблеходно; ни любопытство, ни какая-либо нужда не побуждаетъ пловцовъ пускаться въ него. Сіе-то море занявъ, киты, величиною, какъ сказываютъ самовидцы, уподобляющіеся величайшимъ горамъ, пребываютъ въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, не дѣлая вреда ни островамъ, ни приморскимъ городамъ. Такъ, каждая порода поселяется въ назначенныхъ ей частяхъ моря, какъ бы въ городахъ, или селахъ, или древнихъ родовыхъ отчинахъ.

А есть и перехожія рыбы, Онѣ, какъ бы по общему совѣщанію собравшись на переселеніе, всѣ отправляются подъ однимъ знаменемъ. Ибо, какъ скоро наступитъ опредѣленное для нихъ время чадородія, поднявшись изъ разныхъ заливовъ, и побуждаемыя общимъ закономъ природы поспѣшаютъ въ сѣверное море. Во время сего восхожденія увидишь рыбъ, соединенныхъ какъ бы въ одинъ потокъ, и текущихъ чрезъ Пропонтиду въ Евксинскій Понтъ. Кто же ихъ движетъ? Какое царское повелѣніе, какіе указы, прибитые на площади, извѣщаютъ о наступившемъ срокѣ? Кто у нихъ проводники? Видишь, какъ Божіе распоряженіе все замѣняетъ собою и доходитъ до самыхъ малыхъ тварей!

Рыба не прекословитъ Божію закону; а мы человѣки не соблюдаемъ спасительныхъ наставленій. Не презирай рыбъ потому, что онѣ совершенно безгласны и неразумны; но бойся, чтобы не сдѣлаться тебѣ неразумнѣе и рыбъ, чрезъ противленіе постановленію Творца. Выслушай, что едва не говорятъ тебѣ рыбы своими дѣйствіями: „мы для продолженія рода собираемся въ это дальнее странствованіе“. У нихъ нѣтъ своего разума, но есть естественный законъ, крѣпко въ нихъ основанный, и показывающій, что имъ дѣлать. „Пойдемъ, — говорятъ онѣ,—въ сѣверное

море“. Въ немъ вода слаще, нежели въ прочихъ моряхъ, потому что солнце стоитъ надъ нимъ не долго, и не извлекаетъ изъ него лучами всего годнаго къ питію. А сладости любятъ и обитатели морей, почему часто уплываютъ въ рѣки и стремятся вдаль отъ моря. Поэтому Понтъ предпочитается ими прочимъ заливамъ, какъ благопріятный къ рожденію и воспитанію дѣтей. Но какъ скоро достаточно выполнено желаемое, опять всею толпою возвращаются онѣ домой. И какая тому причина? Выслушаемъ у безмолвныхъ. „Сѣверное море,—говорятъ онѣ,—не глубоко и, будучи открыто для сильныхъ вѣтровъ, мало имѣетъ береговъ и убѣжищъ, почему вѣтры удобно взволновываютъ его до самаго дна, такъ что и глубокій песокъ мѣшаютъ съ волнами. Къ тому же оно зимней порою холодно, какъ наполняемое многими и большими рѣками“. Посему рыбы, въ извѣстной мѣрѣ насладившись имъ во время лѣта, къ зимѣ опять поспѣшаютъ въ теплоту глубинъ и въ страны, лежащія подъ солнцемъ, и, избѣгая бушеванія сѣверныхъ вѣтровъ, укрываются въ заливахъ менѣе обуреваемыхъ.

Видѣлъ я это, и дивился во всемъ Божіей премудрости. Если неразумныя твари догадливы и искусны въ попеченіи о собственномъ своемъ спасеніи, и если рыба знаетъ, что ей избрать, и чего ей бѣгать; что скажемъ мы, отличенные разумомъ, наставленные закономъ, побужденные обѣтованіями, умудренные Духомъ, и при всемъ томъ распоряжающіе своими дѣлами неразумнѣе рыбъ? Ибо онѣ умѣютъ промышлять нѣсколько о будущемъ, а мы, отринувъ надежду на будущее, губимъ жизнь въ скотскомъ сластолюбіи.

Рыба мѣняетъ столько морей, чтобы найти какое-нибудь удобство; что же скажешь ты, провождающій жизнь въ праздности? Праздность—начало злыхъ дѣлъ. Никто да не извиняется невѣдѣніемъ. Въ насъ вложенъ природный разумъ, который учитъ присвоять себѣ доброе, а удалять отъ себя вредное.

Но перестану представлять въ примѣръ морскихъ обитателей; потому что они подлежатъ нашему разсмотрѣнію. Слышалъ я отъ одного приморскаго жителя, что морской ежъ, животное, конечно, малое и презрѣнное, часто даетъ знать пловцамъ о тишинѣ и бурѣ. Когда предчувствуетъ онъ волненіе отъ вѣтровъ, взойдя на какой-нибудь значительный камень, на немъ, какъ на якорѣ, съ твердостію выноситъ бурю, потому что тяжесть камня препятствуетъ увлечь его волнамъ. И какъ скоро мореходцы усматриваютъ этотъ признакъ; знаютъ, что надобно ожидать сильнаго движенія вѣтровъ. Никакой звѣздочетъ, никакой Халдей, предугадывающій по восхожденію звѣздъ волненія въ воздухѣ, не училъ сему ужа, но Господь моря и вѣтровъ и въ маломъ животномъ положилъ ясные слѣды великой Своей премудрости. У Бога ничто не оставлено безъ промышленія и попеченія; все назираетъ сіе недремленное Око, всему Оно присуще, пред-

устрояя спасеніе каждой твари. Ежели и ежа не исключилъ Богъ изъ Своего надзора; то какъ не надзирать Ему за твоею жизнію?

Мужіе, любите жены (Ефес. 5, 25), хотя вы чужды были другъ другу, когда вступали въ брачное общеніе! Сей узелъ естества, сіе иго, возложенное съ благословеніемъ, да будутъ единеніемъ для васъ, бывшихъ далекими! Ехидна, самая лютая изъ пресмыкающихся, для брака сходится съ морскою муреною и, свистомъ извѣщая о своемъ приближеніи, вызываетъ ее изъ глубинъ для супружескаго объятія. И она слушается и вступаетъ въ соединеніе съ ядовитою ехидной. Къ чему клонится сія рѣчь? Къ тому, что если и суровъ, если и дикъ нравомъ сожитель, супруга должна переносить это и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашаться на расторженіе союза. Онъ буенъ? Но мужъ. Онъ пьяница? Но соединенъ по естеству. Онъ грубъ и своенравенъ? Но твой уже членъ и даже драгоцѣннѣйшій изъ членовъ.

Да выслушаетъ и мужъ приличное ему наставленіе! Ехидна, уважая бракъ, предварительно извергаетъ свой ядъ; ужели же ты изъ уваженія къ союзу не отложишь жестокосердія и безчеловѣчія? Но примѣръ ехидны, можетъ быть, и иначе послужитъ намъ въ пользу, потому что соединеніе ехидны съ муреною есть нѣкоторое прелюбодѣяніе въ природѣ. Да вразумятся же тѣ, которые посягаютъ на чужое брачное ложе; какому пресмыкающемуся уподобляются они? У меня одна цѣль—все обращать въ назиданіе Церкви. Да укротятся страсти невоздержныхъ—обуздываемыя примѣрами, взятыми съ суши и моря!

Здѣсь принуждаютъ меня положить конецъ слову и тѣлесная немощь и вечернее время, хотя для любителей слушанія и могъ бы я присовокупить еще много достоудивительнаго о морскихъ произведеніяхъ, самомъ морѣ: какъ вода отвердѣваетъ въ соль; какъ многоцѣнный камень кораллъ въ морѣ бываетъ травой, а когда вынесенъ на воздухъ, получаетъ твердость камня; откуда природа въ самое малоцѣнное животное—устрицу вложила драгоцѣнный бисеръ. Чего домогаются царскія сокровищницы, то разсыпано на взморьяхъ при берегахъ, около дикихъ камней, и лежитъ въ оболочкахъ устрицъ. Изъ чего морскія перья [1]) возращаютъ златую волну, цвѣту который доселѣ не умѣлъ подражать ни одинъ красильщикъ? Изъ чего улитки дарятъ царямъ порфиры, которыя доброцвѣтностію превзошли и полевые цвѣты?

Да изведутъ воды. И что жъ изъ необходимаго не произведено ими? Что изъ многоцѣннаго не даровано жизни? Одно сотворено на службу человѣкамъ, а другое для того, чтобы онъ созерцалъ чудеса творенія; иное же для насъ страшно, чтобы вразумлять нашу нерадивость.

---

[1]) Такъ называются раковины, въ которыхъ заключающіяся животныя выпускаютъ изъ себя шелкъ.

Сотвори Богъ киты великiи (Быт. 1, 21). Великими названы они не потому, что больше нежели сквилла и мена [1]), но потому, что огромностiю тѣлъ равняются съ самыми великими горами, а иногда кажутся островами, если всплываютъ на поверхность воды. И они при такой величинѣ не у береговъ водятся и не на взморьяхъ, но живутъ въ такъ называемомъ Атлантическомъ морѣ. Таковы животныя, созданныя намъ въ страхъ и въ ужасъ. Но если слышишь, что малѣйшая рыбка прилипуша останавливаетъ величайшiе корабли, при благополучномъ вѣтрѣ несущiеся на полныхъ парусахъ, и что она долгое время держитъ корабль неподвижнымъ, какъ будто бы имъ середи самаго моря пущены корни; то и въ этой малой рыбкѣ не имѣешь ли такого же доказательства о могуществѣ Творца? Ибо не только мечи, пилы, аккулы, балены и молотки рыбы страшны, но не менѣе страшны—жала рыбы пилохвоста, даже мертвой, и рыба пинагоръ, потому что онѣ приносятъ скорую и неизбѣжную гибель. Такимъ образомъ Творецъ всѣмъ хочетъ прiучить тебя къ бдительности, чтобы ты, въ надеждѣ на Бога, избѣгалъ причиняемаго ими вреда.

Но, спасшись изъ глубинъ, прибѣгнемъ на твердую землю. Ибо чудеса мiрозданiя, одно за другимъ подавляя насъ собою, какъ бы подобно волнамъ, частыми и непрерывными притоками, держали слово ваше погруженнымъ въ водахъ; хотя для меня и то будетъ удивительно, если мысль наша не встрѣтитъ на твердой землѣ еще большихъ чудесъ и, по примѣру Iоны, не побѣжитъ опять къ морю. Но мнѣ кажется, что слово мое, увлекшись тысячами чудесъ, забыло соразмѣрность, и подверглось одной участи съ плавающими по морю, которые, не имѣя непремѣнныхъ знаковъ къ измѣренiю своего движенiя, часто не знаютъ, далеко ли уплыли. То же, кажется мнѣ, случилось и съ нами; пока слово обтекало творенiе, мы и не почувствовали множества нами сказаннаго. Но хотя честное сiе собранiе и имѣетъ охоту къ слушанiю, и для слуха рабовъ прiятно повѣствованiе о чудесахъ Владычнихъ; однако же, здѣсь введя слово въ пристань, подождемъ дня, чтобы пересказать остальное. Востанемъ же всѣ, возблагодаримъ за сказанное, и помолимся объ исполненiи оставшагося. Да будетъ у васъ и во время принятiя пищи предметомъ застольныхъ бесѣдъ какъ то, чего коснулось слово утромъ, такъ и то, что излагало оно вечеромъ; въ мысляхъ о семъ застигнутые сномъ, и почивая, да насладитесь дневнымъ веселiемъ, чтобы можно было сказать вамъ о себѣ: азъ сплю, а сердце мое бдитъ (Пѣсн. Пѣсн. 5, 2), день и ночь поучаясь въ законѣ Господа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Породы морскихъ раковъ.

Бесѣда 8. О птицахъ.

И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая и гады, и звѣри земли по роду: и бысть тако (Быт. 1, 24). Вышло повелѣніе, слѣдовавшее по порядку, и земля получила свойственное ей украшеніе. Тамъ сказано: да изведутъ воды гады душъ живыхъ; здѣсь: изведетъ земля душу живу. Ужели земля одушевлена? И правы суемудрые Манихеи, которые и въ землю влагаютъ душу? Когда сказалъ: да изведетъ; не значитъ, что земля износитъ уже находившееся въ ней; но Давшій повелѣніе даровалъ землѣ и силу извести. Ибо когда земля услышала: да прораститъ быліе травное и древо плодовитое; не сокрытую какую-нибудь въ ней траву извела изъ себя, не таившіеся гдѣ нибудь внизу въ нѣдрахъ ея пальмы, или дубъ, или кипарисъ, пустила на свою поверхность; но Божіе слово созидаетъ естество тварей. Да прораститъ земля; да изринетъ не то, что имѣетъ, но да пріобрѣтаетъ то, чего не имѣетъ, поколику Богъ даруетъ силу дѣйствовать. Такъ и теперь: да изведетъ земля душу, не ту, которая уже въ ней, но ту, которая дана ей Богомъ чрезъ самое сіе повелѣніе. Притомъ, ученіе Манихеевъ само собою обращается противъ нихъ. Ибо если земля извела душу, то себя оставила она уже лишенною души. Но мерзость ихъ ученія сама собою очевидна.

Почему, однако же, водамъ повелѣно извести гады душъ живыхъ, а землѣ—душу живу? Потому, какъ разсуждаемъ, что естество плавающихъ причастно, повидимому, жизни менѣе совершенной, по самому обитанію своему въ грубой водѣ. И слухъ у нихъ тяжелъ, и видятъ они тупо, потому что смотрятъ сквозь воду; у нихъ нѣтъ ни памяти, ни представленія, ни понятія о свычкѣ. Посему слово какъ бы показываетъ, что въ водныхъ животныхъ плотская жизнь управляетъ душевными движеніями; а въ животныхъ, живущихъ на сушѣ, такъ какъ жизнь въ нихъ совершеннѣе, все владычество вручено душѣ. У большей части четвероногихъ чувства больше уяснены, представленія настоящаго изощрены, памятованіе прошедшаго подробно. Посему, какъ кажется, въ водныхъ сотворены одушевленныя тѣла (ибо гады душъ живыхъ изведены изъ воды), въ живущихъ же на сушѣ повелѣно произойти душѣ, управляющей тѣломъ, чтобы обитающія на землѣ нѣсколько болѣе причастны были жизненной силы. Ибо хотя и живущія на сушѣ животныя безсловесны, однако же, каждое изъ нихъ естественнымъ своимъ голосомъ выражаетъ многія ихъ душевныя состоянія, ибо и радость, и скорбь, и знаніе привычнаго, и недостатокъ пищи, и разлуку съ пасущимися вмѣстѣ, и другія многія состоя-

нія оно обнаруживаетъ звукомъ. Водныя же животныя не только безгласны, но не могутъ быть ни укрощаемы, ни обучаемы, и ко всякому общенію въ жизни съ людьми неподручны. Позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли господина своего (Иса. 1, 31); но рыба не можетъ знать того, что ее кормитъ. Оселъ знаетъ привычный голосъ, знаетъ дорогу, по которой много разъ ходилъ, а иногда бываетъ путеуказателемъ и человѣку, сбившемуся съ дороги; такой же остроты слуха, какая у сего животнаго, говорятъ, не имѣетъ ни одно изъ живущихъ на сушѣ животныхъ. Какое изъ морскихъ животныхъ могло бы подражать памятозлобію верблюда, его гнѣвливости и продолжительности гнѣва? Верблюдъ, если давно когда нибудь ударенъ, долгое время таивъ гнѣвъ, какъ скоро улучаетъ удобный случай, отмщаетъ за обиду. Слышите жестокосердые, старающіеся укоренить въ себѣ, какъ добродѣтель, памятозлобіе: кому вы подобны, когда огорченіе на ближняго, какъ искру, сокрытую въ пеплѣ, храните въ себѣ до тѣхъ поръ, какъ, получивъ предлогъ, подобно пламени, распаляете гнѣвъ?

Да изведетъ земля душу живу. Для чего земля изводитъ душу живу? Чтобы ты зналъ различіе между душею скота и душею человѣка. Вскорѣ узнаешь, какъ сотворена душа человѣческая, а теперь слушай о душѣ безсловесныхъ. Поелику, по Писанію, душа всякаго животнаго кровь его есть (Лев. 17, 11), а сгустившаяся кровь обыкновенно обращается въ плоть, и истлѣвшая плоть разлагается въ землю; то, по всей справедливости, душа скотовъ есть нѣчто земное. Итакъ, да изведетъ земля душу живу. Разсмотри связь души съ кровію, крови съ плотію, плоти съ землею; и опять въ обратномъ порядкѣ переходи отъ земли къ плоти, отъ плоти къ крови, отъ крови къ душѣ; и ты найдешь, что душа скотовъ есть земля. Не думай, что она старше тѣлеснаго ихъ состава, и что она пребываетъ по разрушеніи тѣла. Убѣгай бредней угрюмыхъ философовъ, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою, и говорятъ о себѣ, что они были нѣкогда и женами, и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, однако же со всѣмъ усиліемъ готовъ утверждать, что когда писали сіе, были безсмысленнѣе рыбъ.

Да изведетъ земля душу живу. Для чего, при обильномъ теченіи слова, молчалъ я не малое время, удивляются, можетъ быть, многіе. Но внимательнѣйшимъ изъ слушателей, конечно, не безызвѣстна причина, по которой прервана рѣчь. Изъ чего же сіе видно? Изъ того, что они, взглядывая другъ на друга и подавая другъ другу знаки, обратили на себя мое вниманіе и привели мнѣ на мысль опущенное мною. Ибо цѣлый рядъ тварей, и притомъ немаловажный, укрылся отъ насъ, и слово наше едва не простерлось далѣе, оставивъ его вовсе неизслѣдованнымъ.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй (Быт. 1, 20). Говорили мы о плавающихъ, сколько позволило вечернее время; а сегодня перешли къ изслѣдовнаію живущихъ на сушѣ: но забыты нами птицы, занимающія средину между тѣми и другими. Посему, по примѣру забывчивыхъ путешественниковъ, которые, не захвативъ чего либо важнаго, хотя и много уже прошли пути, опять возвращаются тою же дорогой, и въ этомъ путешественномъ трудѣ несутъ достойное наказаніе за свою нерадивость, по сему, говорю, примѣру и намъ, кажется, необходимо идти назадъ прежнимъ путемъ. Ибо опущенное нами не должно быть презрѣно, но составляетъ, какъ кажется, третью часть живыхъ тварей, такъ какъ три рода животныхъ: живущее на сушѣ, летающее и водное.

Сказано: да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй по роду. Почему и птицъ произвелъ изъ водъ? Потому что у летающихъ съ плавающими есть какъ бы нѣкоторое сродство. Какъ рыбы разсѣкаютъ воду, посредствомъ движенія перьевъ поступая впередъ, а чрезъ обращеніе хвоста давая себѣ то поворотныя, то прямыя направленія; такъ и въ птицахъ можно видѣть, что онѣ подобнымъ образомъ плаваютъ по воздуху на крыльяхъ. Посему, такъ какъ у тѣхъ и другихъ одно свойство—плавать, то происхожденіемъ изъ водъ сообщено имъ одно нѣкоторое сродство, за исключеніемъ, что нѣтъ ни одной птицы безъ ногъ, потому что всѣмъ доставляетъ пропитаніе земля, и всѣ онѣ по необходимости имѣютъ нужду въ содѣйствіи ногъ. И хотя хищнымъ птицамъ для лова даны острія когтей, однако же прочимъ и въ добываніи пищи и другихъ потребахъ жизни необходимую услугу доставляютъ ноги. У не многихъ птицъ слабыя ноги, и онѣ не способны ни ходить, ни ловить ногами добычу; таковы ласточки, которыя не могутъ ни ходить, ни ловить ногами, и такъ называемыя щурки [1]), которымъ опредѣлено въ пищу носящееся въ воздухѣ. Впрочемъ, для ласточки летаніе близкое къ землѣ служитъ вмѣсто ногъ.

И у птицъ есть безчисленныя разности породъ; если кто станетъ ихъ описывать такимъ же образомъ, какъ отчасти коснулись мы разсмотрѣнія рыбъ, то найдетъ, что, хотя всѣ имѣютъ одно имя — птица, однако же въ нихъ много разностей по величинѣ, по виду, и цвѣту, и также въ родѣ жизни, въ занятіяхъ и нравахъ столько разнообразія между ними, что нельзя и описать. Нѣкоторые пытались уже составить свое именословіе, чтобы по неупотребительному дотолѣ и новому наименованію, какъ по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы. И однѣхъ птицъ на-

---

[1]) Въ подлинникѣ дрепаны, которыхъ Плиній причисляетъ къ безногимъ птицамъ, а по переводу Евстасія—меропсы.

звали разрѣзистоперыми, каковы орлы, другихъ кожеперыми, каковы нетопыри; иныхъ плевоперыми, каковы осы; другихъ жесткоперыми, каковы жуки и всѣ родящіяся въ какихъ-то мѣшечкахъ и оболочкахъ, и по разорваніи своихъ надкрылій начинающія летать свободно. Но для насъ достаточный признакъ къ различенію свойства породы—общая польза и употребительное въ Писаніи раздѣленіе на чистыхъ и нечистыхъ. Итакъ, инакова порода птицъ плотоядныхъ и инаково устройство ихъ, приличное способу ихъ пропитанія—острія когтей, загнутость клюва, полетъ быстрый, чтобы удобно уловлялась добыча, и растерзанная служила пищею ловцу. Инаково устройство птицъ, питающихся сѣменами, и инаково тѣхъ, которыя ѣдятъ все, что ни попалось. И между сими опять весьма много различій. Однѣ водятся стадами, исключая хищныхъ птицъ; у сихъ нѣтъ никакой общительности, кромѣ общенія между супругами. Но тысячи другихъ любятъ жизнь общественную, напримѣръ, голуби, журавли, скворцы и галки. Опять и между сими у однѣхъ безначаліе и какъ бы вольность, а другія не отказываются подчиняться вождю, какъ журавли. А еще есть у нихъ и другое различіе, по которому однѣ осѣдлы и туземны, другія же обыкли улетать далеко и по большей части переселяться съ приближеніемъ зимы. Многія изъ птицъ, будучи воскормлены человѣкомъ, дѣлаются ручными и смирными, исключая слабосильныхъ, которыя, по причинѣ чрезмѣрнаго страха и робости, не терпятъ, чтобы ихъ часто безпокоили, прикасаясь рукою. А нѣкоторыя изъ птицъ любятъ жить съ людьми и въ однихъ съ нами жилищахъ: иныя живутъ на горахъ и любятъ пустыни. Весьма большое различіе составляетъ и свойство голоса въ каждой птицѣ. Однѣ изъ птицъ говорливы и болтливы, а другія молчаливы; однѣ пріятно поютъ и на разные голоса, другія совсѣмъ не имѣютъ музыкальности въ голосѣ и не умѣютъ пѣть. Однѣ переимчивы, или отъ природы имѣя даръ подражать, или пріобрѣтая оный чрезъ упражненіе, а другія издаютъ однообразные и неизмѣнные звуки. Пѣтухъ гордъ, павлинъ любитель красоты; голуби и домашнія куры похотливы, и во всякое время предаются похоти; куропатка лукава и ревнива, хитро содѣйствуетъ ловцамъ къ уловленію добычи.

Тысячи также, какъ сказали мы, различій въ занятіяхъ и родѣ жизни. Нѣкоторыя изъ безсловесныхъ ведутъ жизнь гражданственную, поелику гражданственности свойственно, чтобы дѣйствія всѣхъ клонились къ одному общему концу, какъ это можно видѣть у пчелъ. Ибо у нихъ и жилище общее, и вылетъ общій, и занятіе у всѣхъ одно; а что всего важнѣе, за всякое дѣло принимаются подъ распоряженіемъ царя и чиноначальника, не прежде осмѣливаются вылетать на поля, какъ увидѣвъ царя предначавшимъ полетъ. И царь у нихъ не по большинству голосовъ избирается (ибо безразсудство народа часто поставляло начальникомъ худшаго), не по жребію получаетъ власть (ибо неразумная случайность жребія не рѣдко вручаетъ

могущество самому послѣднему), не по родовому преемству возводится на царство (ибо таковые отъ роскоши и ласкательства всего чаще бываютъ малосвѣдущи и не пріучены ни къ какой добродѣтели); но отъ природы имѣетъ первенство надъ всѣми, и превосходитъ ихъ величиною, видомъ и кротостію нрава. У царя сего есть и жало, но онъ не употребляетъ его на мщеніе. Таковы какъ бы неписанные законы природы, чтобы достигшіе высочайшаго могущества были медлительны въ наказаніи. Впрочемъ, если которыя изъ пчелъ не послѣдуютъ примѣру царя, онѣ вскорѣ раскаяваются въ своей безразсудности, потому что умираютъ поражаемыя жаломъ. Да слышатъ сіе христіане, которые имѣютъ заповѣдь, ни единому же зла за зло воздавать, но побѣждать благимъ злое (Рим. 12, 17. 21.).

Подражай особенному свойству пчелы, которая, никому не дѣлая вреда и не портя чужого плода, составляетъ соты. Ибо воскъ, очевидно, собираетъ она съ цвѣтовъ, и медъ—эту въ видѣ росы разсѣянную въ цвѣтахъ влажность, высасывая ртомъ, впускаетъ въ полости сотовыхъ чашечекъ. Почему медъ сначала бываетъ жидокъ, потомъ, сгустившись отъ времени, достигаетъ свойственной ему вязкости и сладости. Прекрасныя и приличныя похвалы восписаны пчелѣ въ Притчахъ, гдѣ она названа мудрою и дѣятельною; ибо съ такимъ трудолюбіемъ собираетъ пищу (еяже трудовъ, говоритъ Притча (6, 8.), царіе и простіи во здравіе употребляютъ); съ такою мудростію устрояетъ влагалища для меда! Растянувъ воскъ въ тонкую кожицу, пчела строитъ изъ него частыя и непрерывно сплоченныя между собою углубленія, такъ что непрерывность взаимной связи между самыми малѣйшими частями служитъ опорою всему. Каждый колодчикъ примыкаетъ къ другому, отдѣляясь отъ него, а вмѣстѣ и соединяясь съ нимъ, тонкою перегородкою. Потомъ пещерки сіи надстроиваются однѣ надъ другими въ два или три ряда; потому что пчела опасается сдѣлать одну совершенно впадину, чтобы жидкость своею тяжестію не проторглась вонъ. Смотри же, какъ изобрѣтенія геометріи приложены къ дѣлу у премудрой пчелы. Всѣ сотовыя пещерки шестиугольны и равносторонни, и не въ прямой линіи лежатъ одна надъ другою, чтобы дны, приходясь надъ пустотами, не могли проломиться, но углы нижнихъ шестиугольниковъ служатъ основаніемъ и опорою для верхнихъ, чтобы безопасно поднимали на себѣ тяжесть, и влажность заключалась въ каждой пустотѣ отдѣльно.

Какъ же опишу тебѣ въ подробности всѣ свойства птицъ касательно рода жизни? Какъ, напр., журавли по очереди содержатъ ночную стражу, и одни спятъ, а другіе, ходя вокругъ, доставляютъ имъ во время сна совершенную безопасность. Потомъ, когда исполнится срокъ стражи, стерегущій, вскрикнувъ, обращается ко сну, а другой смѣняетъ его, и отчасти

вознаграждаетъ за ту безопасность, какою самъ пользовался. Такой же порядокъ усмотришь и въ летаніи ихъ. То одинъ, то другой служитъ путеводителемъ, и опредѣленное нѣкоторое время летѣвъ впереди, перелетаетъ назадъ, и право предводитльства въ пути предаетъ другому, за нимъ слѣдующему.

А дѣла буселей не далеки отъ разумнаго совѣдѣнія. Всѣ они въ одно время прилетаютъ въ наши страны, и всѣ какъ бы подъ однимъ знаменемъ улетаютъ. Ихъ окружаютъ и сопровождаютъ наши вороны, которыя, какъ мнѣ кажется, подаютъ имъ нѣкоторую помощь противъ непріязненныхъ птицъ. Доказательствомъ же сему служитъ, во-первыхъ, то, что около сего времени вовсе не видно ни одной вороны, а, во-вторыхъ, и то, что вороны, возвращающіяся съ ранами, носятъ на себѣ ясные знаки своего сподвижничества и ратоборства. Кто постановилъ у нихъ законы страннопріимства? Кто грозилъ имъ обвиненіемъ за оставленіе воинскаго строя, такъ что ни одна ворона не остается дома во время сопровожденія? Да слышатъ сіе негостепріимные, которые запираютъ двери, и даже зимой и ночью не хотятъ принять подъ кровъ свой пришельцевъ.

А заботливость буселей о состарѣвшихся достаточна къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей, если только захотятъ внимать сему, сдѣлать отцелюбивыми. Ибо, конечно, нѣтъ человѣка столь скуднаго благоразуміемъ, чтобы не почелъ онъ себѣ за стыдъ быть въ добродѣтели ниже безсловесныхъ птицъ. Бусели, обступивъ вокругъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, согрѣваютъ его своими крыльями, и обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ сильную помощь, слегка поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями. И это такъ извѣстно всякому, что нѣкоторые вмѣсто: воздать за благодѣянія, говорятъ: отбуселить.

Никто да не сѣтуетъ на свою нищету, и хотя бы и ничего не оставалось въ домѣ у него, да не отчаявается въ своей жизни, смотря на замысловатость ласточки. Когда вьетъ она гнѣздо, сучья носитъ во рту, но грязи не можетъ захватить ногами; посему, омочивъ края перьевъ въ водѣ и обмазавъ ихъ тонкою пылью, чрезъ этотъ способъ отвращаетъ недостатокъ въ грязи, и мало-по-малу, какъ клеемъ, слѣпивъ грязью сучья, въ гнѣздѣ своемъ выкармливаетъ птенцовъ. А если кто имъ выколетъ глаза, ласточка отъ природы имѣетъ какое-то врачебное искусство, и посредствомъ онаго возвращаетъ здоровье глазамъ дѣтей. Научись изъ сего, по причинѣ нищеты, не приниматься за худыя дѣла, и въ самыхъ тяжкихъ злостраданіяхъ не терять надежды и не сидѣть въ праздности и бездѣйствіи, но прибѣгать къ Богу, Который, даруя столько ласточкѣ, тѣмъ больше подастъ тому, кто возопіетъ къ Нему отъ всего сердца.

Есть морская птица—зимородокъ. Она имѣетъ обычай вить гнѣздо у самыхъ береговъ, кладетъ яйца на пескѣ и сидитъ въ гнѣздѣ середи зимы,

когда отъ частыхъ и сильныхъ вѣтровъ море выплескивается на сушу. Но вдругъ умолкаютъ вѣтры, и морская волна не движется, пока, въ теченіе седми дней, зимородокъ сидитъ на яйцахъ; ибо во столько дней выводитъ онъ своихъ птенцовъ. Поелику же имъ нужна и пища, то великодаровитый Богъ далъ сему малѣйшему животному и другіе седмь дней на возращеніе птенцовъ. Это знаютъ всѣ мореплаватели, почему и называютъ дни сіи зимородковыми[1]). Все сіе узаконено промышленіемъ Божіимъ о безсловесныхъ въ наученіе тебѣ, чтобы ты просилъ у него нужнаго ко спасенію. Какія чудеса не совершатся для тебя, созданнаго по образу Божію, когда Богъ для такой малой птицы удерживаетъ великое и страшное море, повелѣвъ ему быть тихимъ среди самой зимы?

Разсказываютъ о горлицѣ, что она, будучи разлучена съ супругомъ, не терпитъ уже общенія съ другимъ, но проводитъ безбрачную жизнь, въ память прежняго супруга отказываясь отъ новаго союза. Слышите жены, какъ честно вдовство, и у безсловесныхъ предпочитается неприличію многобрачія.

Въ воспитаніи дѣтей всѣхъ несправедливѣе поступаетъ орелъ. Выведя двухъ птенцовъ, одного изъ нихъ, отталкивая ударами крыльевъ, сбрасываетъ онъ на землю, принимаетъ же и усвояетъ себѣ только другаго, по трудности пропитанія отринувъ того, котораго родилъ. Впрочемъ, отринутому, какъ сказываютъ, не даетъ погибнуть орелъ костоломъ, но беретъ его и воспитываетъ вмѣстѣ съ своими птенцами. Таковы тѣ изъ родителей, которые подъ предлогомъ нищеты подкидываютъ младенцевъ, или не наблюдаютъ равенства въ раздѣлѣ наслѣдства дѣтямъ. Ибо справедливость требуетъ, чтобы они, какъ равно дали каждому бытіе, такъ равно одинаковые доставили имъ способы къ жизни.

Не подражай жестокости птицъ, одаренныхъ кривыми когтями, которыя, какъ скоро видятъ, что птенцы ихъ уже отваживаются летать, начинаютъ бить и толкать ихъ крыльями, выкидываютъ изъ гнѣзда и не имѣютъ уже болѣе никакого о нихъ попеченія. Похвально чадолюбіе вороны, которая слѣдуетъ и за летающими уже дѣтьми, доставляетъ имъ пищу и кормитъ ихъ весьма долгое время.

Многія породы птицъ для зачатія не имѣютъ нужды въ сообщеніи съ самцами; но у другихъ неосѣмененныя яйца бываютъ безплодны. О коршунахъ[2]) сказываютъ, что они большею частію рождаютъ дѣтей безъ

---

[1]) Или алціоническими. Это 7 дней предъ зимнимъ солнце-стояніемъ, и столько же дней послѣ онаго.

[2]) Св. Василій, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь Египетскаго ворона, который въ Египтѣ былъ символомъ богини-Матери и вообще женскаго начала Природы. О сей породѣ вороновъ Египтяне думали, что въ ней нѣтъ мужескаго пола. См. Hora Apoll. Lib. 1. cap. II. Amm. Marc. XVII. 4, 11.

взаимнаго сообщенія, и при всемъ томъ бываютъ весьма долговѣчны; ибо жизнь ихъ часто продолжается даже до ста лѣтъ. И сей случай изъ исторіи птицъ возьми себѣ на замѣчаніе, чтобы, когда увидишь посмѣявающихся нашему таинству, будто бы невозможно и несовмѣстно съ природою родить Дѣвѣ, сохранивъ неоскверненнымъ свое дѣвство, могъ ты привести себѣ на мысль, что Благоизволивый буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ (1 Кор. 1, 21), къ удостовѣренію насъ въ чудесахъ, предварительно указалъ намъ множество случаевъ въ самой природѣ.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй. Птицамъ повелѣвается летать по землѣ, потому что земля доставляетъ всѣмъ пищу; но и по тверди небеснѣй, потому что, какъ предварительно нами замѣчено, небомъ (οὐρανός), отъ слова ὁρᾶσθαι (быть видиму), наименованъ здѣсь воздухъ; но сей воздухъ, находящійся надъ нашею головою, названъ также твердію, потому что онъ, въ сравненіи съ эѳирнымъ тѣломъ, нѣсколько плотнѣе и болѣе сгущенъ отъ поднимающихся паровъ.

Итакъ вотъ передъ тобою небо украшенное, облеченная въ убранство земля, море изобилующее свойственными ему порожденіями, воздухъ наполненый летающими въ немъ птицами! Все, что Божіимъ повелѣніемъ приведено изъ небытія въ бытіе, даже и то, чего не коснулось нынѣ слово, уклоняясь отъ должайшаго замедленія на семъ предметѣ, и не желая показаться преступившимъ мѣру, все сіе, трудолюбецъ, сообразивъ въ умѣ своемъ, и во всемъ изучивъ премудрость Божію, не преставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!

И во тмѣ ночной имѣешь породы птицъ, снискивающихъ пищу ночью, и во свѣтѣ дневномъ другія породы летающихъ днемъ. Ибо нетопыри, совы и филины принадлежатъ къ числу птицъ, питающихся ночью. Почему, если иногда нѣтъ у тебя сна, достаточно тебѣ остановиться на сихъ пернатыхъ и изслѣдовать находящіяся въ нихъ свойства, чтобы возбудить себя къ славословію Творца. Какъ неусыпенъ соловей, когда сидитъ на яицахъ, во всю ночь не прекращающій пѣнія! Какъ нетопырь есть вмѣстѣ и четвероногое животное, и птица; какъ онъ одинъ изъ птицъ имѣетъ зубы и рождаетъ живыхъ дѣтей подобно четвероногимъ, но плаваетъ по воздуху, поддерживаемый не крыльями, а какою-то кожаною перепонкою! Какая взаимная любовь въ сихъ тваряхъ отъ природы! Нетопыри, на подобіе цѣпи, сплетаются между собою и держатся одинъ на другомъ, что не легко произвести и между нами человѣками; потому что отдѣльное и частное для многихъ изъ насъ предпочтительнѣе общаго и совокупнаго. Сколько уподобляются глазамъ совы упражняющіеся въ суетной мудрости! И у совы зрѣніе ночью остро, но помрачается, какъ скоро

возсіяетъ солнце; и у нихъ весьма изощрено разумѣніе для пустыхъ умозрѣній, но омрачено къ познанію истиннаго свѣта.

А днемъ для тебя гораздо удобнѣе собирать отовсюду возбуждающее удивленіе къ Создателю. Какъ домашняя птица будитъ тебя на работу, восклицая пронзительнымъ голосомъ, еще издали возвѣщаетъ о приближающемся солнцѣ, рано встаетъ съ путешественниками, а земледѣльцевъ выводитъ на жатву! Какъ неусыпна порода гусей, какъ чутко слышатъ они непримѣтное другимъ! Гуси спасли нѣкогда царственный городъ, давъ знать о непріятеляхъ, которые съ помощію тайныхъ подземныхъ подкоповъ, готовы уже были взять Римскую крѣпость. Въ какой породѣ птицъ природа не открываетъ какого-либо особеннаго, ей свойственнаго чуда? Кто предвѣщаетъ коршунамъ смерть людей, когда они ополчаются другъ противъ друга? Ибо увидишь, что безчисленныя стада коршуновъ слѣдуютъ за войсками и по приготовленію оружій заключаютъ о слѣдствіяхъ. А сіе не далеко уже отъ человѣческихъ умозаключеній.

Какъ опишу тебѣ страшныя полчища саранчи, которая, вдругъ поднявшись подъ однимъ знаменемъ, и расположившись станомъ на широтѣ страны, не прежде касается до плодовъ, но когда дано ей будетъ повелѣніе Божіе. Какъ саранчу преслѣдуетъ селевкидъ [1]), — это врачевство отъ язвы, птица, одаренная не имѣющею предѣловъ способностію пожирать, потому что человѣколюбивый Богъ въ благодѣяніе людямъ далъ ей ненасытную природу?

Какой способъ пѣнія у кузнечиковъ? Какъ они въ полдень поютъ громче обыкновеннаго, чрезъ производимое расширеніемъ груди привлеченіе воздуха, который издаетъ звукъ? Но кажется, что слово мое, изображая все чудесное у птицъ, отстаетъ болѣе, нежели сколько отсталъ бы я, покусившись на ногахъ своихъ слѣдовать за ихъ быстротою.

Когда видишь между птицами, такъ называемыхъ, насѣкомыхъ, напр. пчелъ и осъ (а насѣкомыми названы по причинѣ какихъ-то на нихъ повсюду видимыхъ насѣчекъ); замѣть, что у нихъ нѣтъ дыханія и легкаго, но всѣмъ тѣломъ принимаютъ онѣ въ себя воздухъ. Почему, обмочившись въ маслѣ, онѣ умираютъ отъ закрытія тѣлесныхъ скважинъ; но, облитыя вскорѣ уксусомъ, опять оживаютъ, потому что проходы для воздуха открываются. Богъ нашъ ничего не создалъ какъ избыточествующаго сверхъ потребности, такъ и недостаточествующаго въ чемъ либо нужномъ.

Разсматривая опять животныхъ, любящихъ воду, найдешь въ нихъ другое устройство, ступни нераздѣленныя, какъ у вороны, и не искривленныя, какъ у плотоядныхъ птицъ, но широкія и перепончатыя, чтобы

---

[1]) О томъ, какъ селевкиды преслѣдуютъ и истребляютъ саранчу, свидѣтельствуетъ Галенъ, de locis affectis lib. 6. cap. 3. Евстаѳій переводитъ margas (ѵырокъ).

удобно было плавать по водѣ и перепонками на ступняхъ, какъ веслами, раздвигать влагу. Когда замѣтишь, какъ лебедь, опуская шею въ глубину, достаетъ себѣ со дна пищу; и здѣсь откроешь премудрость Создателя, Который лебедю далъ шею длиннѣе ногъ, чтобы онъ, запуская ее, какъ уду, добывалъ себѣ пищу, сокрытую въ глубинѣ.

Слова Писанія, читаемыя просто, состоятъ изъ нѣсколькихъ краткихъ слоговъ: да изведутъ воды птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй. Но изслѣдуемъ смыслъ, заключающійся въ словахъ, и тогда откроется великое чудо премудрости Создателя. Сколько различій предусмотрѣлъ Онъ въ птицахъ! Какъ отличилъ между собою одинакихъ породою! Какъ снабдилъ каждую птицу отличительными свойствами! Недостанетъ мнѣ дня, чтобы пересказать вамъ воздушныя чудеса. Насъ призываетъ суша и хочетъ показать намъ звѣрей, гадовъ и скотовъ, имѣя у себя въ готовности столько же стоющее вниманія, какъ и растенія, и родъ плавающихъ, и всѣ птицы. Да изведетъ земля душу живу скотовъ и звѣрей и гадовъ по роду.

Что скажете вы, которые не вѣрите Павлу объ измѣненіи при воскресеніи, когда видите, что многія изъ воздушныхъ животныхъ перемѣняютъ свой видъ? Такъ разсказываютъ и объ Индійскомъ червѣ рогоносцѣ, который сначала превращается въ куколку, потомъ со временемъ дѣлается шелковичною бабочкой, но и въ этомъ видѣ не остается, но окрыляется мягкими и широкими лепестками. Посему, когда сидите вы, женщины, и прядете произведеніе этихъ червей, то есть нити, какія доставляютъ вамъ сиры [1]), для приготовленія роскошныхъ одеждъ, приводя себѣ на память превращеніе сего животнаго, составляйте ясное представленіе о воскресеніи, и не сомнѣвайтесь объ измѣненіи, которое всѣмъ возвѣщаетъ Павелъ.

Но чувствую, что слово превосходитъ мѣру; когда посмотрю на множество мною сказаннаго, вижу, что симъ я преступилъ мѣру: но опять, когда обращу вниманіе на разнообразіе премудрости, явленной въ тваряхъ, мнѣ кажется, что я еще и не начиналъ своей бесѣды. Къ тому-же и держать васъ долѣе не безполезно. Ибо что сталъ бы иной изъ васъ дѣлать до вечерняго времени? Васъ не торопятъ учредители пиршествъ, васъ не ожидаютъ угощенія: а посему, если угодно, употребимъ тѣлесный постъ къ увеселенію душъ. Часто служилъ ты плоти, доставляя ей наслажденія: теперь побудь въ служеніи душѣ. Насладися Господеви, и дастъ ти прошенія сердца твоего (Псал. 36, 4). Если

---

[1]) Салмазій замѣчаетъ, что названіе сиры (σῆρες) можетъ принадлежать, какъ шелковичнымъ червямъ, такъ и народу, отъ котораго сталъ извѣстенъ первоначально шелкъ, а именно: Китайцамъ.

ты богатолюбивъ, вотъ тебѣ богатство духовное: судьбы Господни истинны, оправданы вкупѣ: вожделѣнны паче злата и камене честна многа (Псал. 18, 10. 11). Если ты любитель наслажденій и удовольствій; вотъ тебѣ словеса Божіи, для человѣка здраваго духовнымъ чувствомъ, слаждша паче меда и сота (Псал. 18, 11). Если позволю вамъ идти и распущу собраніе; иные пойдутъ играть въ зернь. Тамъ клятвы, упорные споры и мученія корыстолюбія. Тамъ стоитъ демонъ, посредствомъ костей съ точками воспламеняетъ бѣшенства; однѣ и тѣ же деньги переводитъ и на ту, и на другую сторону, то одного возноситъ побѣдой, а другаго погружаетъ въ уныніе, то наоборотъ, послѣдняго дѣлаетъ гордымъ, а перваго покрываетъ стыдомъ. Что пользы поститься тѣломъ, когда душа наполнена тысячами золъ? А кто, хотя не играетъ въ зернь, однако же время проводитъ въ праздности, тотъ чего не скажетъ пустаго? какихъ не услышитъ нелѣпостей? Праздность, безъ страха Божія, учитъ пороку не умѣющихъ пользоваться временемъ. Итакъ въ сказанномъ мною найдется, можетъ быть, нѣчто и полезное; а если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ та выгода, что, проводя время здѣсь, вы не грѣшите; а потому удерживать васъ долѣе значитъ на большее время отводить васъ отъ грѣховъ.

Для признательнаго судіи достаточно и сказаннаго, если обратитъ онъ вниманіе не на богатство творенія, но на немощь нашихъ силъ и на то, что и сего довольно къ увеселенію собравшихся. Земля угощала насъ своими произрастаніями, море — рыбами, воздухъ — птицами. И суша готова предложить намъ равноцѣнное сему. Но здѣсь положимъ конецъ утреннему угощенію, чтобы чрезмѣрное пресыщеніе не претупило въ насъ вкуса къ вечернему наслажденію. Исполнившій же все Своею тварію и во всемъ оставившій намъ явственные памятники чудесъ Своихъ да исполнитъ сердца ваши всякимъ веселіемъ духовнымъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 9. О животныхъ земныхъ.

Какою вамъ показалась утренняя словесная трапеза? А мнѣ пришло на мысль уподобить свою бесѣду усердію какого нибудь бѣднаго гостепріимца, который желаетъ прослыть богатымъ угостителемъ, но не имѣетъ дорогихъ явствъ и досаждаемъ гостямъ, щедро нося на столъ свой бѣдный запасъ, такъ что его радушіе обращается для него въ укоризну незнанія приличій. Подобно нѣсколько и мое слово, если только вы не скажете о немъ иначе. Впрочемъ, каково бы оно ни было, вы не должны презирать его. Ибо Елиссея не обвиняли за худое угощеніе современники его, ве-

смотря даже на то, что онъ предложилъ друзьямъ зелія дивія[1] (4 Цар. 4, 39).

Извѣстны мнѣ правила иносказаній, хотя не самъ я изобрѣлъ ихъ, но нашелъ въ сочиненіяхъ другихъ. По симъ правиламъ, иные, принимая написанное не въ общеупотребительномъ смыслѣ, воду называютъ не водою, но какимъ нибудь другимъ веществомъ, и растенію и рыбѣ даютъ значеніе по своему усмотрѣнію, даже бытіе гадовъ и звѣрей объясняютъ сообразно съ своими понятіями, подобно какъ и снотолкователи видѣнному въ сонныхъ мечтаніяхъ даютъ толкованія согласныя съ собственнымъ ихъ намѣреніемъ. А я, слыша о травѣ, траву и разумѣю; также растеніе, рыбу, звѣря и скотъ, все, чѣмъ оно названо, за то и принимаю. Не стыжуся бо благовѣствованіемъ (Рим. 1, 16.). И поелику писавшіе о мірѣ много разсуждали о фигурѣ земли, что она такое, шаръ ли, или цилиндръ, или походитъ на кружокъ, со всѣхъ сторонъ одинаково обточенный, или на лотокъ, имѣющій въ срединѣ впадину (ибо ко всѣмъ симъ предположеніямъ прибѣгали писавшіе о мірѣ, и каждый изъ нихъ опровергалъ предположеніе другаго): то не соглашусь еще признать наше повѣствованіе о міротвореніи стоющимъ меньшаго уваженія потому единственно, что рабъ Божій Моисей не разсуждалъ о фигурахъ, не сказалъ, что окружность земли имѣетъ сто восемьдесятъ тысячъ стадій, не вымѣрилъ, на сколько простирается въ воздухѣ земная тѣнь, когда солнце идетъ подъ землею, и какъ тѣнь сія, падая на луну, производитъ затмѣнія. Если умолчалъ онъ о касающемся до насъ, какъ о безполезномъ, то ужели за сіе словеса Духа почту маловажнѣе объюродѣвшей мудрости? Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднилъ ума нашего предметами пустыми, но устроилъ такъ, чтобы все было написано въ назиданіе и усовершеніе душъ нашихъ? Сего, кажется мнѣ, не уразумѣли тѣ, которые, по собственному своему уразумѣнію, вознамѣрились придать нѣкоторую важность Писанію какими-то наведеніями и принаровленіями. Но это значитъ ставить себя премудрѣе словесъ Духа и подъ видомъ толкованія вводитъ собственныя свои мысли. Посему, такъ и будемъ разумѣть, какъ написано.

Да изведетъ земля душу живу, и скотовъ, и звѣрей, и гадовъ. Представь глаголъ Божій протекающій всю тварь, нѣкогда начавшійся, до нынѣ дѣйственный и готовый дѣйствовать до конца, пока не скончается міръ. Какъ шаръ, приведенный кѣмъ нибудь въ движеніе и встрѣтившій покатость, и по своему устройству и по удобству мѣста стремится къ низу, и не прежде останавливается, развѣ когда приметъ его

[1]) Λάχανα ἄγρια. Сими словами переводитъ Св. Василій оставленное безъ перевода у Седмидесяти Еврейское слово 'Αριώθ.

на себя и плоскость; такъ и природа существъ, подвигнутая однимъ повелѣніемъ, равномѣрно проходитъ и раждающуюся и разрушающуюся тварь, сохраняя послѣдовательность родовъ посредствомъ уподобленія, пока не достигнетъ самого конца; ибо коня дѣлаетъ она преемникомъ коню, льва — льву, орла — орлу, и каждое животное, сохраняемое въ слѣдующихъ одно за другимъ преемствахъ, продолжаетъ до скончанія вселенной. Никакое время не повреждаетъ и не истребляетъ свойствъ въ животныхъ. Напротивъ того, природа ихъ, какъ недавно созданная, протекаетъ вмѣстѣ со временемъ.

Да изведетъ земля душу живу. Повелѣніе сіе соблюлось въ землѣ, и она не престаетъ служить Создателю. Одно производится чрезъ преемство существовавшаго прежде, другое даже и нынѣ является живородящимся изъ самой земли. Ибо не только она производитъ кузнечиковъ въ дождливое время и тысячи другихъ породъ пернатыхъ, носящихся по воздуху, изъ которыхъ большая часть, по малости своей, не имѣютъ имени, но изъ себя же даетъ мышей и жабъ. Около Египетскихъ Ѳивъ, когда въ жары идетъ много дождя, вся страна наполняется вдругъ полевыми мышами. Видимъ, что угри не иначе образуются, какъ изъ тины. Они размножаются не изъ яйца, и не другимъ какимъ-либо способомъ, но изъ земли получаютъ свое происхожденіе.

Да изведетъ земля душу. Скоты суть животныя земныя и поникли къ землѣ: но человѣкъ — насажденіе небесное, отличенъ сколько видомъ тѣлеснаго состава, столько и достоинствомъ души. Какой видъ у четвероногихъ? Голова ихъ наклонена къ землѣ, смотритъ на чрево и всѣми мѣрами ищетъ пріятнаго чреву. Твоя голова поднята къ небу; очи твои взираютъ горѣ. Потому, хотя ты иногда безчестишь себя плотскими страстями, работая чреву и низшему чрева, приложившись скотомъ несмысленнымъ и уподобившись имъ (Псал. 48, 13); однако же тебѣ прилично иное попеченіе — вышнихъ искати, идѣже есть Христосъ (Кол. 3, 1), мыслію своею быть выше земнаго. А какой данъ тебѣ видъ, такъ располагай и своею жизнію. Житіе свое имѣй на небесѣхъ (Филип. 3, 20). Истинное отечество твое— горній Іерусалимъ; граждане и соотечественники твои — перворордные написанные на небесѣхъ (Евр. 12, 22).

Да изведетъ земля душу живу. Итакъ не изъ земли явилась сокрытая въ ней душа безсловесныхъ, но произошла вмѣстѣ съ повелѣніемъ. А душа безсловесныхъ одна, потому что одинъ отличительный признакъ—безсловесіе. Но каждое животное отличается различными свойствами. Волъ стоекъ; оселъ лѣнивъ; конь горячъ въ вождѣленіи другаго пола, волкъ не дѣлается ручнымъ, лисица лукава, олень боязливъ, муравей трудолюбивъ, собака благодарна и памятлива въ дружбѣ. Ибо въ од-

но время и создано каждое животное, и придано ему особенное естественное свойство. Льву прирождены ярость, склонность къ одинокой жизни и необщительность съ звѣрьми подобнаго рода. Онъ, какъ царь безсловесныхъ, по природному своему презорству, не терпитъ себѣ равныхъ. Онъ не допускаетъ до себя съ вечера приготовленной пищи, не возвращается къ остаткамъ своей добычи. Природа дала ему такіе органы голоса, что многія животныя, превосходя его быстротою, не рѣдко бываютъ уловлены однимъ его рыканіемъ. Барсъ стремителенъ и быстръ въ своихъ нападеніяхъ. Ему дано способное къ тому тѣло, при гибкости и легкости успѣвающее слѣдовать за душевными движеніями. У медвѣдя природа неповоротлива, и нравъ своеобразенъ, коваренъ, глубоко скрытенъ. Онъ облеченъ въ такое же и тѣло, тяжелое, плотное, не имѣющее составовъ, дѣйствительно приличное звѣрю холодному, живущему въ берлогѣ.

Если коснемся словомъ той заботливости, какую сіи безсловесныя имѣютъ о своей жизни, не учившись и по природѣ; то или сами подвигнемся къ храненію себя самихъ и къ промышленію о спасеніи душъ, или еще болѣе осудимъ себя, когда найдемъ, что даже въ подражаніи и безсловесномъ остаемся мы назади. Медвѣдица, когда ей нанесны самыя глубокія раны, часто лечитъ сама себя, всѣми способами затыкаетъ язвины травою — коровьякъ [1]), которая имѣетъ свойство сушить. Можешь увидѣть, что и лисица лечитъ себя сосновою смолою. Черепаха, наѣвшись ехидниной плоти, избѣгаетъ вреда отъ яда, употребивъ вмѣсто противуядія душицу. И змѣя вылечиваетъ больные глаза, наѣвшись волошскаго укропа.

А предузнаваніе воздушныхъ перемѣнъ не помрачаетъ ли собою даже разумнаго вѣдѣнія? Овца предъ наступленіемъ зимы съ жадностію нападаетъ на кормъ, какъ бы наѣдаясь на время будущей скудости. Волы, долго запертые въ продолженіи зимы, съ приближеніемъ весны, по естественному уже чувству узнавъ перемѣну, начинаютъ смотрѣть туда, гдѣ выходъ изъ хлѣвовъ, и всѣ, какъ бы по данному знаку, перемѣняютъ положеніе. Нѣкоторые изъ трудолюбивыхъ наблюдателей замѣтили, что живущій на сушѣ ежъ въ норѣ своей дѣлаетъ двѣ отдушины, и если будетъ дуть сѣверный вѣтеръ, закладываетъ отдушину съ сѣвера, и опять, когда начинаетъ дуть южный вѣтеръ, переходитъ къ сѣверной отдушинѣ.

Что же показывается чрезъ сіе намъ человѣкамъ? Не одно то, что попечительность Создавшаго насъ простерлась на все, но также, что и у безсловесныхъ есть нѣкоторое чувство будущаго: почему и мы должны не къ настоящей жизни прилѣпляться, но имѣть всякое попеченіе о буду-

---

[1]) Такъ называется однолѣтняя трава, извѣстная также подъ именемъ: **царскій скипетръ**.

щемъ вѣкѣ. Не потрудишься ли самъ о себѣ, человѣкъ? Еще въ настоящемъ вѣкѣ не заготовишь ли нужнаго къ успокоенію въ будущемъ, взирая на примѣръ муравья? Онъ лѣтомъ собираетъ себѣ пищу на зиму, и не проводитъ времени въ праздности, потому что еще не наступили зимнія скорби, а напротивъ того, съ какимъ-то неумолимымъ тщаніемъ напрягаетъ себя къ работѣ, пока не вложитъ въ свои сокровищницы достаточнаго количества пищи. И дѣлаетъ сіе не съ небреженіемъ, но прилагаетъ мудрую заботливость, чтобы пищи достало, сколько можно, на большее время. Онъ разсѣкаетъ своими клещами каждое зерно пополамъ, чтобы оно не проросло и не сдѣлалось негоднымъ для употребленія ему въ пищу. Также просушиваетъ зерна, когда примѣтитъ, что они отсырѣли, и не во всякое время разсыпаетъ ихъ, но когда предчувствуетъ, что воздухъ будетъ долго находиться въ ведрянномъ состояніи. Вѣрно не увидишь льющагося изъ облаковъ дождя во все то время, когда разсыпанъ запасъ у муравьевъ.

Какого слова достаточно будетъ на сіе? Какой слухъ вмѣститъ это? Достанетъ ли времени описать и повѣдать всѣ чудеса Художника? Скажемъ и мы съ Пророкомъ: яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси (Псал. 103, 24). Посему не довольно къ нашему извиненію того, что не учены мы полезному по книгамъ, когда и не по незаученному закону природы можемъ избирать, что служитъ къ нашей пользѣ. Знаешь, какое добро долженъ ты сдѣлать ближнему? То же, какого самъ себѣ желаешь отъ другаго. Знаешь что такое зло? То, чего бы самъ ты не согласился потерпѣть отъ другаго. Не какое либо искусство рѣзать корни, не опытное извѣданіе травъ открыло безсловеснымъ познаніе полезнаго; напротивъ того, каждое животное естественнымъ образомъ отыскиваетъ спасительное для него, и имѣетъ какое-то непостижимое сродство съ тѣмъ, что сообразно его природѣ.

И въ насъ есть естественныя добродѣтели, съ которыми душа имѣетъ сродство не по человѣческому наученію, но по самой природѣ. Никакая наука не учитъ насъ ненавидѣть болѣзнь, но сами собою имѣемъ отвращеніе ко всему, что причиняетъ намъ скорбь: такъ и въ душѣ есть какое-то не ученіемъ пріобрѣтенное уклоненіе отъ зла. Всякое же зло есть душевный недугъ, а добродѣтель соотвѣтствуетъ здравію. Хорошо нѣкоторые опредѣляли здоровье, что оно есть благоустройство естественныхъ дѣйствованій. Кто скажетъ тоже и о благосостояніи души, тотъ не погрѣшитъ противъ приличія. Посему душа, и не учась, желаетъ свойственнаго ей и сообразнаго съ ея природою. По сей-то причинѣ для всякаго похвально цѣломудріе, достойна одобренія справедливость, удивительно мужество, вожделѣнно благоразуміе. Сіи добродѣтели душѣ болѣе свойственны, нежели тѣлу здоровье.

Чада, любите отцовъ; родители, не раздражайте чадъ (Еф. 6, 4.). Не то же ли говоритъ и природа? Не новое что совѣтуетъ Павелъ, но скрѣпляетъ узы естества. Если львица любитъ рожденныхъ ею, и волкъ вступаетъ въ бой за своихъ волчатъ; что скажетъ человѣкъ, и заповѣдь преступающій, и природу искажающій, когда или сынъ не уважаетъ старости отца, или отецъ, вступивъ во второй бракъ, забываетъ прежнихъ дѣтей? У безсловесныхъ неодолима взаимная любовь между дѣтьми и родителями, потому что создавшій ихъ Богъ вознаградилъ въ нихъ недостатокъ разума избыткомъ чувствъ. Почему ягненокъ, выскочивъ изъ хлѣва, среди тысячи овецъ, знаетъ самый цвѣтъ и голосъ матери, спѣшитъ къ ней, ищетъ своихъ собственныхъ источниковъ молока? И хотя онъ встрѣтитъ тощіе матерніе сосцы, довольствуется ими, пройдя мимо многихъ сосцевъ обремененныхъ молокомъ. И мать въ тысячѣ ягнятъ узнаетъ своего. Одинъ у всѣхъ голосъ, и цвѣтъ тоже, и запахъ подобенъ, сколько представляется нашему обонянію; но у нихъ есть какое-то чувство, которое гораздо острѣе нашего представленія, и по которому для каждаго легко распознать собственное свое.

У щенка нѣтъ еще зубовъ, однако же ртомъ защищается уже онъ отъ раздражившаго. У тельца нѣтъ еще роговъ, но онъ уже знаетъ, гдѣ у него выростаетъ оружіе. Все сіе служитъ доказательствомъ, что всякимъ животнымъ природное ему не изучается, и что въ существахъ ничего нѣтъ безпорядочнаго и неопредѣленнаго; а напротивъ того, всѣ носятъ на себѣ слѣды Творческой премудрости, и каждое показываетъ въ себѣ, что оно снабжено нужнымъ къ охраненію собственнаго благосостоянія.

Песъ не одаренъ разумомъ, но имѣетъ чувство почти равносильное разуму. Что едва изобрѣли мірскіе мудрецы, просидѣвъ надъ симъ большую часть жизни, — разумѣю хитросплетеніе умозаключеній, — тому песъ оказывается наученнымъ отъ природы. Ибо, отыскивая звѣриный слѣдъ, когда найдетъ, что онъ раздѣлился на многія вѣтви, обѣгаетъ уклоненія ведущія туда и сюда, и тѣмъ, что дѣлаетъ, почти выговариваетъ слѣдующее умозаключеніе: или сюда поворотилъ звѣрь, или сюда, или въ эту сторону. Но какъ не пошелъ онъ ни туда, ни сюда, то остается бѣжать ему въ эту сторону. И такимъ образомъ, чрезъ отрицаніе ложнаго, находитъ истинное. Болѣе ли сего дѣлаютъ тѣ, которые, чинно сидя надъ доскою и пиша на пыли, изъ трехъ предложеній отрицаютъ два и въ остальномъ находятъ истину?

А памятованіе милости въ этомъ животномъ не пристыдитъ ли всякаго неблагодарнаго къ благодѣяніямъ? Разсказываютъ, что многіе псы, когда господа ихъ были убиты въ пустомъ мѣстѣ, умирали надъ ними. А нѣкоторые, вскорѣ по совершеніи убійства, служили путеводителями сысчикамъ убійцъ и достигли того, что злодѣевъ предавали казни. Что

же скажутъ тѣ, которые не только не любятъ сотворившаго и питающаго ихъ Господа, но и въ числѣ друзей имѣютъ глаголющихъ неправду на Бога, одной пріобщаются съ ними трапезы и при самомъ вкушеніи пищи терпятъ хулы на Питающаго?

Но возвратимся къ разсмотрѣнію тварей. Животныя, удобно уловляемыя, бываютъ многоплоднѣе. Поэтому зайцы и дикія козы рождаютъ дѣтей по многу, а дикія овцы по двойни, чтобы не оскудѣлъ родъ, истребляемый плотоядными звѣрями. Напротивъ того животныя, пожирающія другихъ, рождаютъ дѣтей по немногу. Посему львица едва бываетъ матерью и одного льва. Ибо львенокъ, какъ сказываютъ, сперва остріями когтей растерзываетъ матернюю утробу, а потомъ выходитъ на свѣтъ. И ехидны рождаются, прогрызая утробу рождающей, и тѣмъ воздавая ей приличную награду. Такимъ образомъ, ни одно существо не оставлено безъ Промысла, и ни одно не лишено надлежащаго попеченія.

Если станешь разсматривать и самые члены животныхъ, найдешь, что Творецъ не прибавилъ ни одного лишняго и не отнялъ необходимаго. Плотояднымъ животнымъ придалъ острые зубы; ибо въ такихъ имѣли они нужду, по роду пищи. А которыхъ въ половину вооружилъ зубами, тѣхъ снабдилъ многими и различными влагалищами для пищи. Поелику они съ перваго раза не могутъ достаточно разжевать пищу; далъ имъ возможность отрыгать поглощенное, чтобы измелченное посредствомъ жвачки усвоилось питаемому. Желудокъ, предутробіе, сѣточка и утроба не напрасно даны животнымъ, у которыхъ они есть, но каждое изъ сихъ орудій служитъ для необходимой потребности. У верблюда шея долга, чтобы она равнялась ногамъ, и доставала до травы, которою кормится верблюдъ. Шея коротка и вдалась въ плечи у медвѣдя, у льва, у тигра, и у прочихъ того же рода животныхъ, потому что они питаются не травою, и имъ, какъ плотояднымъ и довольствующимся ловлею животныхъ, нѣтъ нужды наклоняться къ землѣ.

Къ чему хоботъ у слона? Великому этому животному и даже величайшему изъ всѣхъ живущихъ на сушѣ, какъ созданному на ужасъ всякому встрѣчающемуся, надлежало быть рослымъ и имѣть громадное тѣло. Если бы ему дана была большая и соразмѣрная съ ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она, отъ чрезмѣрной тяжести, клонилась бы всегда къ землѣ. А теперь голова соединена у слона съ хребтомъ не многими шейными позвонками, но есть у него хоботъ, вознаграждающій недостатокъ шеи; имъ слонъ достаетъ пищу и черпаетъ питье. Да и ноги у него безъ составовъ и какъ соединенные столбы подпираютъ тяжесть тѣла. А если бы замѣнить ихъ нѣжными и слабыми мышцами, то у слона часто случались бы вывихи въ составахъ, которые были бы недостаточны къ поддержанію тяжести, когда слонъ становится на колѣна или встаетъ.

Но теперь короткая надпяточная кость представлена подъ ногу слону, а ни въ подоколѣньѣ, ни въ колѣнѣ нѣтъ у него составовъ; потому что шаткость составовъ не выдержала бы чрезмѣрно громаднаго и зыблющагося тѣла, какимъ слонъ обложенъ. Посему нуженъ былъ этотъ носъ, опускающійся до ногъ. Не видишь ли на сраженіяхъ, какъ слоны, подобно какимъ-то одушевленнымъ башнямъ, идутъ передъ рядами, или, подобно плотянымъ холмамъ, въ неудержимомъ стремленіи прорываютъ сплоченные щиты непріятелей? А если бы нижнія части у слоновъ не были соразмѣрны; не долго бы держалось это животное. Теперь же, какъ нѣкоторые повѣствуютъ, слонъ живетъ триста и болѣе лѣтъ. Посему-то ноги у него цѣльныя и безъ составовъ. А пищу, какъ сказали мы, съ земли вверхъ поднимаетъ хоботъ, который по природѣ гибокъ, сжимается и разжимается, на подобіе змѣи. Такъ вѣрно слово, что въ сотворенномъ нельзя найдти ничего ни излишняго, ни недостаточнаго. Однако, и сіе, столь огромное по величинѣ. животное Богъ сотворилъ покорнымъ человѣку; когда учимъ его, оно понимаетъ и когда бьемъ, терпитъ. А симъ Богъ ясно научаетъ насъ, что Онъ все подчинилъ намъ, потому что мы сотворены по образу Создателя.

Но не въ однихъ только великихъ животныхъ можно усматривать неизслѣдимую премудрость; напротивъ того, и въ самыхъ малыхъ легкю соберешь не меньшее число чудесъ. Какъ высокимъ вершинамъ горъ, которыя по близости къ облакамъ, чрезъ непрестанное дуновеніе вѣтровъ, сохраняютъ постоянную стужу, удивляюсь не болѣе, сколько и низменнымъ долинамъ, которыя не только спасаются отъ жестокости горныхъ вѣтровъ, но и всегда удерживаютъ въ себѣ теплый воздухъ: такъ и въ устройствѣ животныхъ не болѣе дивлюсь слону за его величину, чѣмъ мыши, потому что она страшна и для слона, или самому тонкому жалу скорпіона, которое Художникъ сдѣлалъ пустымъ, какъ свирѣль, чтобы черезъ него вливался ядъ въ уязвленныхъ.

И никто не ставь въ вину Творцу, что Онъ произвелъ животныхъ ядовитыхъ, разрушительныхъ и враждебныхъ нашей жизни. Иначе станетъ кто нибудь винить и пѣстуна, что онъ удобоподвижность юности приводитъ въ порядокъ ударами, и бичами уцѣломудриваетъ продерзость. Звѣри дѣлаются и доказательствомъ вѣры. Вѣришь ли Господу сказавшему: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змія (Псал. 90, 13)? И по вѣрѣ имѣешь ты власть попирать змѣй и скорпіоновъ. Развѣ не знаешь, что ехидна прикоснувшаяся къ Павлу, когда онъ собиралъ хворостъ, не сдѣлала ему никакого вреда, потому что Святый нашелся исполненнымъ вѣры (Дѣян. 28, 3—6)? А если не имѣешь вѣры; то бойся не звѣря, а своего паче невѣрія, чрезъ которое сдѣлалъ ты себя отъ всего удоборазрушаемымъ.

Но давно чувствую, что спрашиваете меня о сотвореніи человѣка. и

кажется, почти слышу вопіющихъ слушателей: мы трудимся надъ изученіемъ природы принадлежащаго намъ, а не знаемъ самихъ себя. Итакъ необходимо сказать о семъ, отразивъ отъ себя удерживавшую насъ доселѣ медленность. Ибо въ самомъ дѣлѣ, всего кажется труднѣе познать самого себя. Не только глазъ, разсматривающій внѣшнее, не можетъ быть употребленъ къ разсмотрѣнію самого себя, но и самый умъ нашъ, проницательно усматривающій чужую погрѣшность, медлителенъ въ познаніи собственныхъ своихъ недостатковъ. Посему и теперь слово наше, съ такою проницательностію описывавшее чуждое, слабо и медлительно къ изслѣдованію собственнаго, хотя къ познанію Бога не столько ведетъ небо и земля, сколько собственное наше устройство, если кто благоразумно испытаетъ самъ себя, какъ говоритъ Пророкъ: удивися разумъ Твой отъ мене (Псал. 138, 6), то есть, разсмотрѣвъ самого себя, позналъ я превосходство Твоей премудрости.

И рече Богъ: сотворимъ человѣка (Быт. 1, 26). Гдѣ Іудей, который, когда и выше, какъ бы чрезъ нѣкоторыя окна, просіявалъ свѣтъ Богословія, и второе Лице, хотя показывалось таинственно, но не являлось ясно, возставалъ противъ истины и утверждалъ, что Богъ Самъ съ Собою бесѣдуетъ? Онъ говоритъ: Богъ Самъ сказалъ, Самъ и сотворилъ. Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ. И тогда въ словахъ Іудея легко было открыть несообразность. Ибо какой кузнецъ, или плотникъ, или сапожникъ, сидя одинъ съ орудіями своего ремесла, когда никто не раздѣляетъ съ нимъ труда, скажетъ самъ себѣ: сдѣлаемъ ножъ, или сколотимъ плугъ, или сошьемъ башмакъ? Напротивъ того, не молча ли онъ окончитъ требуемую отъ него работу? Подлинно странное пустословіе — утверждать, что кто нибудь сидитъ и самъ себѣ приказываетъ, самъ надъ собою надзираетъ, самъ себя понуждаетъ властительски и настоятельно. Но не убоявшіеся клеветать на самого Господа, чего не могутъ сказать, имѣя языкъ обученный во лжи? Однако же настоящее реченіе совершенно заграждаетъ имъ уста. И рече Богъ: сотворимъ человѣка. Скажи мнѣ: ужели и теперь одно Лице? Не написано: да будетъ человѣкъ, но — сотворимъ человѣка. Пока не являлся еще ученикъ, проповѣдь Богословія скрыта была въ глубинѣ. Но когда уже ожидаемо стало сотвореніе человѣка, обнажается вѣра и очевиднѣе открывается догматъ истины. Сотворимъ человѣка. Слышишь, христоборецъ, рѣчь обращена къ Участвующему въ мірозданіи, къ Тому, Имже и вѣки сотвори, Иже носитъ всяческая глаголомъ силы Своея (Евр. 1, 23)!

Но Іудей не въ безмолвіи принимаетъ слово благочестія. А, какъ самые человѣконенавистные звѣри, когда заключены въ клѣтки, грызутъ колки, и хотя вызываютъ тѣмъ лютость и неукротимость своей природы,

однако же не могутъ привести въ исполненіе своей ярости: такъ и враждующій противъ истины родъ — Іудеи, будучи стѣснены, говорятъ: много лицъ, къ которымъ было Божіе слово. Ибо Ангеламъ, предстоящимъ Ему, говоритъ: сотворимъ человѣка. Іудейскій вымыслъ, Іудейскому только легкомыслію свойственное баснотворство! Чтобы не принять оного, вводятъ тысячи, и отвергая Сына, достоинство совѣтодательства приписываютъ служителямъ; подобныхъ намъ рабовъ дѣлаютъ властелинами нашего сотворенія. Усовершившійся человѣкъ возводится въ достоинство Ангельское. Но какое созданіе можетъ быть равно Создателю?

Разсмотри и послѣдующія слова: по образу Нашему. Что скажешь на сіе? Не одинъ ли образъ у Бога и Ангеловъ? У Сына и у Отца, по всей необходимости, тотъ же образъ, если только разумѣть образъ боголѣпно, то есть состоящимъ не въ тѣлесномъ очертаніи, но въ Божественномъ свойствѣ. Слушай и ты, который принадлежишь къ новому обрѣзанію, и въ христіанствѣ берешься защищать іудейство. Кому говоритъ: по образу Нашему? Кому иному, какъ не Сіянію славы и Образу ѵпостаси Его (Евр. 1, 3), Иже есть образъ Бога невидимаго (Кол. 1, 15)? Итакъ говоритъ собственному Своему Образу, Образу живому, вѣщающему: Азъ и Отецъ едино есма (Іоан. 10, 30); и: видѣвый Мене, видѣ Отца (14, 9). Ему говоритъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему. А гдѣ образъ одинъ, тамъ можетъ ли быть неподобіе?

И сотвори Богъ человѣка (Быт. 1, 27). Не — сотворили. Здѣсь Моисей избѣжалъ множественности лицъ. Первымъ вразумляя Іудея, а послѣднимъ исключая язычество, онъ безопасно возвратился къ единству, чтобы ты вмѣстѣ съ Отцемъ разумѣлъ и Сына и избѣгъ опасности многобожія.

Во образѣ Божіи сотвори его. Опять вводитъ лице Содѣйственника. Ибо не сказалъ: во образѣ Своемъ, но во образѣ Божіемъ. Въ чемъ же человѣкъ имѣетъ образъ Божій, и какъ участвуетъ въ подобіи, о семъ, если дастъ Богъ, будетъ сказано въ слѣдующихъ бесѣдахъ. Теперь же скажемъ только: если образъ одинъ, откуда пришла тебѣ мысль такъ нестерпимо нечествовать и говорить, что Сынъ не подобенъ Отцу? Какая неблагодарность! Самъ ты сдѣлался причастникомъ подобія, и сего-то подобія не приписываешь Благодѣтелю! Данное тебѣ по милости почитаешь собственно себѣ и навсегда принадлежащимъ, а Сыну не позволяешь имѣть естественно Ему принадлежащаго подобія съ Родившимъ!

Однако вечеръ, давно уже приведшій солнце на западъ, предписываетъ намъ молчаніе! Посему и мы упокоимъ здѣсь слово, удовольствовавшись сказаннымъ. Ибо нынѣ коснулись мы слова, сколько сіе нужно было къ возбужденію вашей ревности, и совершеннѣйшее изслѣдованіе

сего предмета, при содѣйствіи Духа, предложимъ въ слѣдующихъ бесѣдахъ.

Идите же съ радостію вы, христолюбивая церковь, и вмѣсто дорогихъ припасовъ, вмѣсто разнообразныхъ приправъ, украсьте честныя свои трапезы припоминаніемъ сказаннаго! Да постыдится Аномей, да посрамится Іудей, да увеселяется догматами истины благочестивый; да славится Господь! Ему слава держава во вѣки вѣковъ. Аминь!

БЕСѢДЫ НА ПСАЛМЫ.

Бесѣда на первую часть перваго псалма.

Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть (2 Тим. 3, 16.), для того написано Духомъ Святымъ, чтобы въ немъ, какъ въ общей врачебницѣ душъ, всѣ мы человѣки находили врачевство — каждый отъ собственнаго своего недуга. Ибо сказано: исцѣленіе утолитъ грѣхи велики (Еккл. 10, 4.). Но иному учатъ Пророки, иному бытописатели; въ одномъ наставляетъ законъ, а въ другомъ— предложенное въ видѣ приточнаго увѣщанія: книга же Псалмовъ объемлетъ въ себѣ полезное изъ всѣхъ книгъ. Она пророчествуетъ о будущемъ, приводитъ на память событія, даетъ законы для жизни, предлагаетъ правила для дѣятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрыхъ ученій, и тщательно отыскиваетъ, что каждому на пользу. Она врачуетъ и застарѣлыя раны души, и недавно уязвленному подаетъ скорое исцѣленіе, и болѣзненное возставляетъ, и неповрежденное поддерживаетъ; вообще же, сколько можно, истребляетъ страсти, какія въ жизни человѣческой подъ разными видами господствуютъ надъ душами. И при семъ производитъ она въ человѣкѣ какое-то тихое услажденіе и удовольствіе, которое дѣлаетъ разсудокъ цѣломудреннымъ.

Духъ Святый зналъ, что трудно вести родъ человѣческій къ добродѣтели, и что, по склонности къ удовольствію, мы нерадимъ о правомъ пути. Итакъ что же дѣлаетъ? Къ ученіямъ примѣшиваетъ пріятность сладкопѣнія, чтобы, вмѣстѣ съ усладительнымъ и благозвучнымъ для слуха, принимали мы непримѣтнымъ образомъ и то, что есть полезнаго въ словѣ. Такъ и мудрые врачи; давая пить горькое врачевство имѣющимъ отъ него отвращеніе, не рѣдко обмазываютъ чашу медомъ. На сей-то конецъ изобрѣтены для насъ сіи стройныя пѣснопѣнія псалмовъ, чтобы и дѣти возрастомъ, или вообще не возмужавшіе нравами, повидимому, толь-

ко пѣли ихъ, а въ дѣйствительности обучали свои души. Едва ли кто изъ простолюдиновъ, особливо нерадивыхъ, пойдетъ отсюда, удобно удержавъ въ памяти апостольскую и пророческую заповѣдь; а стихи изъ псалмовъ и въ домахъ поютъ, и на торжищахъ возглашаютъ. И если бы кто, какъ звѣрь, разсвирѣпѣлъ отъ гнѣва; какъ скоро усладится слухъ его псалмомъ, пойдетъ прочь, немедленно укротивъ въ себѣ свирѣпость души сладкопѣніемъ.

Псаломъ — тишина душъ, раздаятель мира; онъ утишаетъ мятежные и волнущіеся помыслы; онъ смягчаетъ раздражительность души и уцѣломудриваетъ невоздержность. Псаломъ — посредникъ дружбы, единеніе между далекими, примиреніе враждующихъ. Ибо кто можетъ почитать еще врагомъ того, съ кѣмъ возносилъ единый гласъ къ Богу? Посему псалмопѣніе доставляетъ намъ одно изъ величайшихъ благъ — любовь, изобрѣтя совокупное пѣніе вмѣсто узла къ единенію, и сводя людей въ одинъ согласный ликъ.

Псаломъ — убѣжище отъ демоновъ, вступленіе подъ защиту Ангеловъ, оружіе въ ночныхъ страхованіяхъ, упокоеніе отъ дневныхъ трудовъ, безопасность для младенцевъ, украшеніе въ цвѣтущемъ возрастѣ, утѣшеніе старцамъ, самое приличное убранство для женъ. Псаломъ населяетъ пустыни, уцѣломудриваетъ трожища. Для нововступающихъ — это начатки ученія, для преспѣвающихъ—приращеніе вѣдѣнія, для совершенныхъ—утвержденіе; это гласъ Церкви. Онъ дѣлаетъ празднества свѣтлыми; онъ производитъ п е ч а л ь, я ж е п о Б о з ѣ. Ибо псаломъ и изъ каменнаго сердца вынуждаетъ слезы. Псаломъ — занятіе Ангеловъ, небесное сожительство, духовный ѳиміамъ. Это — мудрое изобрѣтеніе Учителя, устроившаго, чтобы мы пѣли, и вмѣстѣ учились полезному. Отъ сего и уроки лучше напечатлѣваются въ душахъ. Ибо съ принужденіемъ выучиваемое не остается въ насъ на-долго; а что съ удовольствіемъ и пріятностію принято, то въ душахъ укореняется тверже.

Чему же не научишься изъ псалмовъ? Не познаешь ли отсюда величіе мужества, строгость справедливости, честность цѣломудрія, совершенство благоразумія, образъ покаянія, мѣру терпѣнія, и всякое изъ благъ, какое не наименуешь? Здѣсь есть совершенное богословіе, предреченіе о пришествіи Христовомъ во плоти, угроза судомъ, надежда воскресенія, страхъ наказанія, обѣтованія славы, откровенія таинствъ. Все, какъ бы въ великой и общей сокровищницѣ, собрано въ книгѣ Псалмовъ, которые изъ многихъ музыкальныхъ орудій Пророкъ приспособилъ къ такъ называемому псалтирю, давая тѣмъ, какъ кажется мнѣ, разумѣть, что въ немъ издаетъ гласы благодать, подаваемая свыше — отъ Духа; потому что въ этомъ одномъ изъ музыкальныхъ орудій причина звуковъ находится вверху. Въ цитрѣ и въ литаврѣ внизу звучитъ мѣдь подъ смычкомъ; а псал-

тирь причины гармоническихъ ладовъ имѣетъ вверху, чтобы и мы заботились искать горняго, пріятностію пѣнія не увлекались въ плотскія страсти. Притомъ пророческое слово, какъ думаю, глубокомысленно и премудро, самымъ устройствомъ сего орудія, показало намъ, что люди съ прекрасною и благонастроенною душею удобно могутъ восходить къ горнему.

Послѣ сего разсмотримъ и начало Псалмовъ.

1. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Строители домовъ, возводя въ высоту огромныя зданія, и основанія полагаютъ соразмѣрно высотѣ. И кораблестроители, приготовляя корабль къ поднятію большихъ грузовъ, укрѣпляютъ подводную часть, соображаясь съ тяжестію нагружаемыхъ товаровъ. И при рожденіи животныхъ сердце, которое естественно образуется прежде всего, получаетъ отъ природы устройство, приличное будущему животному. Почему тѣлесная ткань образуется вкругъ сердца соразмѣрно собственнымъ началамъ; и отсюда происходятъ различія въ величинѣ животныхъ. Но что значатъ основаніе въ домѣ, подводная часть въ кораблѣ и сердце въ тѣлѣ животнаго, такую же силу, кажется мнѣ, имѣетъ и это краткое предисловіе въ отношеніи къ цѣлому составу псалмовъ. Поелику Псалмопѣвецъ, съ продолженіемъ слова, намѣренъ увѣщавать ко многому такому, что трудно и исполнено безчисленныхъ подвиговъ и усилій; то онъ подвижникамъ благочестія предварительно указываетъ на блаженный конецъ, чтобы мы, въ чаяніи уготованныхъ намъ благъ, безпечально переносили скорби настоящей жизни. Такъ и для путешественниковъ, идущихъ по негладкому и неудобопроходимому пути, облегчается трудъ ожидаемымъ ими удобнымъ пристанищемъ; и купцевъ отважно пускаться въ море заставляетъ желаніе пріобрѣсть товары; и для земледѣльцевъ дѣлаетъ непримѣтными труды надежда плодородія. Посему и общій Наставникъ въ жизни, великій Учитель, Духъ истины, премудро и благоискусно предложилъ напередъ награды, чтобы мы, простирая взоръ далѣе тѣхъ трудовъ, которые подъ руками, поспѣшили мыслію насладиться вѣчными благами.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. — Итакъ есть истинное благо, которое въ собственномъ и первоначальномъ смыслѣ должно назвать блаженнымъ; и это есть Богъ. Почему и Павелъ, намѣреваясь упомянуть о Христѣ, говоритъ: по явленію блаженнаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (1 Тим. 1, 11. Тит. 2, 13.). Ибо подлинно блаженно сіе источное добро, къ Которому все обращено, Котораго все желаетъ, сіе неизмѣняемое Естество, сіе владычественное Достоинство, сія безмятежная Жизнь, сіе безпечальное Состояніе, въ Которомъ нѣтъ перемѣнъ, Котораго не касаются превратности, сей присното̀кущій Источникъ, сія неоскудѣвающая Благодать, сіе неистощимое Сокровище. Но невѣжественные люди и міролюбцы,

не зная природы самаго добра, часто называютъ блаженнымъ то, что не имѣетъ никакой цѣны: богатство, здравіе, блистательную жизнь, — что все по природѣ своей не есть добро; потому что не только удобно измѣняется въ противоположное, но и обладателей своихъ не можетъ сдѣлать добрыми. Ибо кого сдѣлало справедливымъ богатство, или цѣломудреннымъ здоровье! Напротивъ того, каждый изъ сихъ даровъ злоупотребляющему имъ часто способствуетъ ко грѣху. Посему блаженъ, кто пріобрѣлъ достойное большей цѣны, кто сталъ причастникомъ благъ неотъемлемыхъ. Но почему узнаемъ сіе? Этотъ тотъ, *иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*.

И прежде нежели скажу, что значитъ не идти на совѣтъ нечестивыхъ, намѣренъ я рѣшить для васъ вопросъ здѣсь представляющійся. Спросите: для чего Пророкъ беретъ одного мужа, и его называетъ блаженнымъ? Ужели изъ числа блаженныхъ исключилъ онъ женъ? Нѣтъ; одна добродѣтель для мужа и жены, какъ и твореніе обоихъ равночестно; а потому и награда обоимъ одинакова. Слушай, что сказано въ книгѣ Бытія: *Сотвори Богъ человѣка: по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 27). Но въ комъ природа одна, у тѣхъ и дѣйствованія тѣ же; а чьи дѣла равны, для тѣхъ и награда та же. Итакъ почему же Псалмопѣвецъ, упомянувъ о мужѣ, умолчалъ о женѣ? Потому что, при единствѣ естества, почиталъ достаточнымъ для обозначенія цѣлаго указать на преимуществующее въ родѣ.

Посему *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*. Смотри, какая точность въ словахъ, и сколько каждое реченіе исполнено мыслей. Не сказалъ: *иже не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ*; но: *иже не иде*. Кто еще въ живыхъ, того нельзя назвать блаженнымъ, по неизвѣстности окончанія жизни; но кто исполнилъ возложенныя на него обязанности и заключилъ жизнь неукоризненнымъ концемъ, того безопасно уже можно назвать блаженнымъ. Почему же *блажени ходящіи въ законѣ Господни* (Пс. 118, 1)? Здѣсь Писаніе называетъ блаженными не ходившихъ, но еще ходящихъ въ законѣ. Это потому, что дѣлающіе добро за самое дѣло достойны одобренія; а избѣгающіе зла заслуживаютъ похвалу не тогда, какъ они разъ или два уклонятся отъ грѣха, но тогда, какъ возмогутъ навсегда избѣжать искушенія во злѣ.

Но по связи понятій открывается намъ и другое затрудненіе. Почему Псалмопѣвецъ называетъ блаженнымъ не преуспѣвающаго въ добродѣтели, но не содѣлавшаго грѣха? Въ такомъ случаѣ и конь, и волъ, и камень могли бы назваться блаженными. Ибо какое неодушевленное существо стояло *на пути грѣшныхъ*? или какое безсловесное сидѣло *на сѣдалищи губителей*? Но потерпи не много, и найдешь врачество.

Пророкъ присовокупляетъ (2): но въ законѣ Господни воля его. Поученіе же въ законѣ Божіемъ принадлежитъ только разумному существу. А мы скажемъ и то, что начало къ усвоенію добраго есть удаленіе отъ злаго. Ибо сказано: уклонися отъ зла, и сотвори благо (Псал. 36, 27).

Итакъ, премудро и благоискусно, приводя насъ къ добродѣтели, Псалмопѣвецъ удаленіе отъ грѣха положилъ началомъ добрыхъ дѣлъ. А если бы онъ вдругъ потребовалъ отъ себя совершенства, то, можетъ быть, ты и замедлилъ бы приступить къ дѣлу. Теперь же пріучаетъ тебя къ болѣе удобоприступному, чтобы ты смѣлѣе взялся за прочее. И я сказалъ бы, что упражненіе въ добродѣтели уподобляется лѣствицѣ, той именно лѣствицѣ, которую видѣлъ нѣкогда блаженный Іаковъ, которой одна часть была близка къ землѣ и касалась ея, а другая простиралась даже выше самаго неба. Посему вступающіе въ добродѣтельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первыхъ ступеняхъ, и съ нихъ непрестанно восходить выше и выше, пока, наконецъ, чрезъ постепенное преспѣяніе, не взойдутъ на возможную для человѣческаго естества высоту. Посему какъ первоначальное восхожденіе по лѣствицѣ есть удаленіе отъ земли, такъ и въ жизни по Богу удаленіе отъ зла есть начало преспѣянія. Вообще же, всякое бездѣйствіе гораздо легче какого бы то ни было дѣла. Напр. не убій, не прелюбы сотвори, не укради (Исх. 20, 13—15); каждая изъ сихъ заповѣдей требуетъ только бездѣйствія и неподвижности. Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе (Матѳ. 19, 19); и: продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ (21); и: аще кто тя пойметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два (Матѳ. 5, 41); — вотъ уже дѣйствія приличныя подвижникамъ; и къ совершенію ихъ потребна уже душа мужественная. Посему подивись мудрости того, кто чрезъ болѣе легкое и удобоприступное ведетъ насъ къ совершенству.

Псалмопѣвецъ предложилъ намъ три условія, требующія соблюденія: не ходить на совѣтъ нечистивыхъ, не стоять на пути грѣшныхъ, не сидѣть на сѣдалищи губителей. Слѣдуя естественному ходу дѣлъ, онъ внесъ этотъ порядокъ и въ сказанное имъ. Ибо сперва начинаемъ обдумывать намѣреніе, потомъ подкрѣпляемъ его, а послѣ того утверждаемся въ обдуманномъ. Посему первоначально должно назвать блаженною чистоту нашихъ помышленій, потому что корень тѣлесныхъ дѣйствій составляютъ сердечныя совѣщанія. Такъ любодѣяніе воспламеняется сперва въ душѣ сластолюбца, а потомъ производитъ тѣлесное растлѣніе. Посему и Господь говоритъ, что внутри человѣка оскверняющее его (Матѳ. 15, 18). Поелику же грѣхъ противъ Бога называется въ собственномъ смыслѣ нечестіемъ; то никогда не допустимъ въ себѣ

сомнѣній о Богѣ, по невѣрію. Ибо значитъ уже пойдти на совѣтъ нечестивыхъ, ежели скажешь въ сердцѣ своемъ: есть ли Богъ всѣмъ управляющій? Есть ли Богъ на небѣ распоряжающій всѣмъ порознь? Есть ли судъ? Есть ли воздаяніе каждому по дѣламъ его? Для чего праведные живутъ въ нищетѣ, а грѣшные богатѣютъ? Одни немощны, а другіе наслаждаются здравіемъ? Одни безчестны, а другіе славны? Не самослучайно ли движется міръ? и не случай ли неразумный безъ всякаго порядка распредѣляетъ каждому жребій жизни? Если такъ помыслилъ ты, то пошелъ на совѣтъ нечестивыхъ. Посему блаженъ, кто не далъ въ себѣ мѣста сомнѣнію о Богѣ, кто не впалъ въ малодушіе при видѣ настоящаго, но ожидаетъ чаемаго; кто о Создавшемъ насъ не возъимѣлъ недовѣрчивой мысли?

Блаженъ и тотъ, кто не сталъ на пути грѣшныхъ. Путемъ называется жизнь; потому что каждый изъ рожденныхъ поспѣшаетъ къ концу.

Какъ сидящіе на кораблѣ безъ всякаго усилія несутся вѣтромъ къ пристани, и хотя сами того не чувствуютъ, однако же бѣгъ корабля приближаетъ ихъ къ цѣли: такъ и мы, съ протекающимъ временемъ жизни нашей, какъ бы нѣкоторымъ непрерывнымъ и непрестаннымъ движеніемъ въ незамѣтномъ теченіи жизни, увлекаемся каждый къ своему предѣлу. Напримѣръ: ты спишь? а время утекаетъ отъ тебя. Ты бодрствуешь, и мысль твоя занята? но вмѣстѣ и жизнь тратится, хотя и убѣгаетъ это отъ нашего чувства. Всѣ мы человѣки бѣжимъ по какому-то поприщу, и каждый изъ насъ спѣшитъ къ своей цѣли; поэтому всѣ мы въ пути. И какимъ образомъ можешь составить себѣ понятіе о семъ пути. Ты путникъ въ этой жизни; все проходишь мимо; все остается позади тебя: видишь на пути растеніе, или траву, или воду, или другое что достойное твоего зрѣнія; полюбовался недолго, и пошелъ дальше. Опять встрѣчаешь камни, пропасти, утесы, скалы, пни, а иногда звѣрей, пресмыкающихся гадовъ, терніе, или иное что непріятное; поскорбѣлъ недолго, и потомъ оставилъ. Такова жизнь; она не имѣетъ ни удовольствій постоянныхъ, ни скорбей продолжительныхъ. Не твоя собственность этотъ путь, но и настоящее также не твое. У путниковъ такой обычай: какъ скоро первый сдѣлалъ шагъ, тотчасъ за нимъ заноситъ ногу другой, а за этимъ и слѣдующій. Смотри же, не подобна ли сему и жизнь! Нынѣ ты воздѣлывалъ землю, а завтра будетъ ее воздѣлывать другой, послѣ же него еще другой. Видишь ли эти поля и великолѣпныя зданія? Сколько разъ каждое изъ нихъ, со времени своего существованія, перемѣняло имя! Называлось собственностію такого-то, потомъ переименовано по имени другаго, перешло къ новому владѣльцу, а теперь стало именоваться собственностію еще новаго. Итакъ жизнь наша не путь ли, на который вступаютъ то тѣ,

то другіе, и по которому всѣ одинъ за другимъ слѣдуютъ? Посему блаженъ, иже на пути грѣшныхъ не ста.

Что же значитъ не ста? Человѣкъ, находясь въ первомъ возрастѣ, еще ни порочень, ни добродѣтеленъ, потому что сей возрастъ не способенъ ни къ тому, ни къ другому состоянію. Но когда разумъ въ насъ созрѣлъ, тогда сбывается написанное: пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ (Рим. 7, 9. 10). Ибо возникаютъ лукавые помыслы, рождающіеся въ душахъ нашихъ отъ плотскихъ страстей. Дѣйствительно, заповѣдь пришла, то есть пріобрѣтено познаніе добра, и если она не преодолѣетъ худаго помысла, но попуститъ разсудку поработиться страстямъ; то грѣхъ ожилъ, умеръ же умъ, сдѣлавшись мертвъ чрезъ грѣхопаденія. Посему блаженъ, кто не закоснѣлъ на пути грѣшныхъ, но благимъ разумомъ востекъ въ жизнь благочестную.

Два есть пути, одинъ другому противоположные,—путь широкій и пространный, и путь тѣсный и скорбный. Два также путеводителя, и каждый изъ нихъ старается обратить къ себѣ. На пути гладкомъ и покатомъ путеводитель обманчивъ; это лукавый демонъ, и онъ посредствомъ удовольствій увлекаетъ слѣдующихъ за нимъ въ погибель: а на пути негладкомъ и крутомъ путеводителемъ добрый Ангелъ, и онъ чрезъ многотрудность добродѣтели ведетъ слѣдующихъ за нимъ къ блаженному концу. Пока каждый изъ насъ младенецъ, и гоняется за тѣмъ, что услаждаетъ въ настоящемъ, до тѣхъ поръ ни мало не заботится онъ о будущемъ. Но ставъ уже мужемъ, когда понятія усовершились, онъ какъ бы видитъ, что жизнь передъ нимъ дѣлится, и ведетъ то къ добродѣтели, то къ пороку; и часто обращая на нихъ душевное око, различаетъ, что свойственно добродѣтели и пороку. Жизнь грѣшниковъ показываетъ въ себѣ всѣ наслажденія настоящаго вѣка. Жизнь праведныхъ являетъ одни блага будущаго вѣка. Путь спасаемыхъ столько обѣщаетъ благъ будущихъ, столько представляетъ трудовъ въ настоящемъ. А жизнь сластолюбивая и невоздержная предлагаетъ не ожидаемое въ послѣдствіи, но настоящее уже наслажденіе. Посему всякая душа приходитъ въ круженіе и не можетъ устоять среди помысловъ. Когда приведетъ себѣ на мысль вѣчное, избираетъ добродѣтель; когда же обратитъ взоръ на настоящее, предпочитаетъ удовольствіе. Здѣсь видитъ прохладу для плоти, а тамъ ея порабощеніе; здѣсь піянство, а тамъ постъ; здѣсь необузданный смѣхъ, а тамъ обильныя слезы; здѣсь пляски, а тамъ молитву; здѣсь свирѣли, а тамъ воздыханія; здѣсь блудъ, а тамъ дѣвство. Поелику же истинное благо удобопостижимо разумомъ только чрезъ вѣру (ибо оно отдалено отъ насъ, и око не видало его, и ухо о немъ не слыхало); а сладость грѣха у насъ подъ руками, и наслажденіе вливается посредствомъ каждаго чувства: тотъ блаженъ, кто не увлекся

въ погибель приманками удовольствія, но съ терпѣніемъ ожидаетъ надежды спасенія, и при выборѣ того или другаго пути, не вступилъ на путь ведущій къ злу.

И на сѣдалищи губителей не сѣде. О тѣхъ ли говоритъ сѣдалищахъ, на которыхъ покоимъ тѣла свои? И какое отношеніе дерева ко грѣху, такъ что сѣдалища, которое было прежде занято грѣшникомъ, мнѣ должно бѣгать, какъ чего-то вреднаго? Или надобно думать, что подъ сѣдалищемъ разумѣется неподвижное и постоянное коснѣніе въ одобреніи грѣха? Сего должно остерегаться намъ, потому что ревностное коснѣніе во грѣхѣ производитъ въ душахъ нѣкоторый неисправимый навыкъ. Ибо застарѣвшаяся душевная страсть, или временемъ утвержденное помышленіе о грѣхѣ, съ трудомъ врачуются, или дѣлаются и совершенно неисцѣлимыми, когда навыки, какъ всего чаще случается, переходятъ въ природу. Посему должно желать, чтобы намъ даже и не прикасаться къ злу. А другой путь—тотчасъ по искушеніи бѣжать его, какъ удара наносимаго стрѣлкомъ, по написанному у Соломона о злой женѣ: ниже настави ока своего къ ней, но отскочи, не замедли (Притч. 9, 18). И теперь знаю такихъ, которые въ юности поползнулись въ плотскія страсти, и до самой сѣдины, по привычкѣ къ злу, пребываютъ во грѣхахъ. Какъ свиньи валяясь въ тинѣ, непрестанно болѣе и болѣе облипаютъ грязью; такъ и эти люди, чрезъ сластолюбіе, съ каждымъ днемъ, покрываютъ себя новымъ позоромъ. Итакъ, блаженное дѣло—и не помышлять о злѣ. Если же, уловленный врагомъ, принялъ ты въ душу совѣты нечестія; не стой во грѣхѣ. А если и тому подвергся; не утверждайся во злѣ. Посему не сиди на сѣдалищи губителей.

Если ты понялъ, какое сѣдалище разумѣетъ Писаніе, а именно, называетъ такъ продолжительное пребываніе во злѣ; то изслѣдуй, кого именуетъ оно губителями. О моровой язвѣ люди свѣдущіе въ этомъ говорятъ, что она, если прикоснется къ одному человѣку или скоту, чрезъ сообщеніе распространяется на всѣхъ приближающихся. Таково свойство этой болѣзни, что всѣ другъ отъ друга наполняются тою же немощію. Таковыя и дѣлатели беззаконія. Ибо, передавая другъ другу болѣзнь, всѣ вмѣстѣ страждутъ недугомъ, и вмѣстѣ погибаютъ. Не случалось ли тебѣ видѣть, какъ блудники сидятъ на торжищахъ, осмѣиваютъ цѣломудренныхъ, разсказываютъ свои срамныя дѣла, свои занятія достойныя тмы, и перечисляютъ случаи своего безчестія, какъ подвиги, или другія какія доблести? Это губители, которые стараются собственный свой порокъ передать всѣмъ, и усиливаются сдѣлать многихъ себѣ подобными, чтобы избѣжать поношенія, когда пороки будутъ общими. Огонь, коснувшись удобосгараемаго вещества, не можетъ не обхватить всего этого вещества, особенно если подуетъ сильный вѣтеръ, который переноситъ пламень съ одного мѣ-

ста на другое. Такъ и грѣхъ, прикоснувшись къ одному человѣку, не можетъ не перейдти ко всѣмъ приближающимся, когда раздуваютъ его лукавые духи. Такъ духъ блуда не ограничивается тѣмъ, чтобы подвергнуть безчестію одного, но тотчасъ присоединяются товарищи: пиры, піянство, срамныя повѣсти и непотребная женщина, которая вмѣстѣ пьетъ, одному улыбается, другаго соблазняетъ, и всѣхъ распаляетъ къ тому же грѣху. Ужели мала эта зараза, маловажно такое распространеніе зла? А подражающій лихоимцу, или человѣку, который другимъ какимъ нибудь порокомъ достигъ значительной власти въ обществѣ, сталъ правителемъ народовъ, или военачальникомъ, и потомъ предался самымъ постыднымъ страстямъ, — ужели подражающій ему не пріемлетъ въ душу свою пагубы, обративъ въ свою собственность порокъ того, кому подражаетъ? Блистательное положеніе въ свѣтѣ показываетъ вмѣстѣ съ собою и жизнь людей поставленныхъ на виду. Воины всего чаще подражаютъ военачальникамъ, живущіе въ городахъ берутъ для себя примѣры съ начальствующихъ; и вобще, когда многіе почтутъ достойнымъ подражанія порокъ одного человѣка, тогда справедливо и прилично будетъ сказать, что отъ него распространяется въ жизни какая-то пагуба душъ. Ибо грѣхъ въ лицѣ именитомъ многихъ поползновенныхъ привлекаетъ подражать тому же. И поелику одинъ отъ другаго заимствуютъ поврежденіе, то о таковыхъ людяхъ говорится, что они губятъ души. И такъ не сиди на сѣдалищи губителей, не участвуй въ собраніи людей, повреждающихъ нравственность и пагубныхъ, не оставайся въ общцетвѣ совѣтниковъ на зло!

Но слово мое доселѣ медлитъ на одномъ предисловіи, между тѣмъ примѣчаю, что обиліе его превзошло должную мѣру, такъ что и вамъ не легко соблюсти въ памяти, если бы сказано было больше, и мнѣ трудно продолжать служеніе слову, потому что, по врожденной немощи, недостаетъ у меня голоса. Но хотя и не досказано то, о чемъ мы говорили; хотя, показавъ, что должно бѣгать зла, умолчалъ я о томъ, какъ усовершаться посредствомъ добрыхъ дѣлъ: впрочемъ, предложивъ настоящее благосконному вниманію, обѣщаюсь, при Божіей помощи, восполнить и недостающее, если только не наложено будетъ на меня совершеннаго молчанія. Да даруетъ же Господь и намъ награду за сказанное, и вамъ плодъ отъ того, что слышали, по благодати Христа Своего; такъ какъ Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на псаломъ седмый.

(1) Псаломъ Давиду, егоже воспѣтъ Господеви о словесѣхъ Хусіевыхъ, сына Іеменіина. Надписаніе седмаго Псалма, повидимому, противорѣчитъ нѣсколько повѣствуемому въ кни-

гахъ Царствъ, гдѣ писано о Давидѣ: ибо тамъ повѣствуется о Хусіи, первомъ другѣ Давидовомъ (2 Цар. 15, 32), и о сынѣ Арахіиномъ; а здѣсь Хусій, сынъ Іеменіина. Но какъ этотъ Хусій не Іеменіинъ сынъ, такъ изъ упоминаемыхъ тамъ нѣтъ и другаго Хусія, сына Іеменіина. Не за то ли развѣ названъ сыномъ Іеменіинымъ, что оказалъ великое мужество и доблестный подвигъ, когда, подъ личиной дружбы, приходилъ къ Авессалому и разорилъ совѣтъ Ахитофела, предлагавшаго мнѣніе, приличное человѣку весьма оборотливому и знающему военное дѣло? Ибо сынъ Іеменіинъ въ переводѣ значитъ сынъ десницы. Когда же Ахитофелъ совѣтовалъ ни мало не отлагать дѣла, но немедленно напасть на отца, еще не готоваго къ сраженію; Хусій не допустилъ, чтобы принятъ былъ совѣтъ Ахитофеловъ, яко да наведетъ, такъ сказано, Господь на Авессалома вся злая (2 Цар. 17, 14). Но напротивъ того, чтобы Давиду дать время собрать свои силы, разсудилъ онъ увѣрить ихъ въ пользѣ отсрочки и замедленія, чѣмъ и угодилъ Авессалому, который сказалъ: благъ совѣтъ Хусія Арахина, паче совѣта Ахитофелева. Между тѣмъ чрезъ священниковъ Садока и Авіаѳара далъ онъ знать Давиду о распоряженіяхъ Авессалома, и требовалъ, чтобы Давидъ не оставался на ночь въ Аравоѳѣ пустынѣ, но спѣшилъ переходомъ. Поелику же чрезъ этотъ добрый совѣтъ сталъ онъ правою рукою Давида, то получилъ наименованіе отъ доблестнаго своего дѣла, и потому названъ сыномъ Іеменіинымъ, то есть сыномъ десницы. А въ Писаніи есть обыкновеніе порочнымъ давать имя чаще по грѣху, нежели по отцѣ, и добрыхъ сыновъ именовать по отличающей ихъ добродѣтели. Такъ Апостолъ Павелъ именуетъ діавола сыномъ погибели: аще не откроется беззаконникъ, сынъ погибели (2 Сол. 2, 3). И въ Евангеліи Господь Іуду назвалъ сыномъ погибельнымъ; сказано: никтоже погибе, токмо сынъ погибельный (Іоан. 17, 12). Образованныхъ же въ боговѣдѣніи наименовалъ чадами премудрости; сказано: и оправдися премудрость отъ чадъ своихъ (Матѳ. 11, 19). И еще говоритъ: аще будетъ ту сынъ мира (Лук. 10, 6). Посему не удивительно, если и теперь умолчено о плотскомъ родителѣ перваго друга Давидова; наименованъ же онъ сыномъ десницы, получивъ это приличное ему имя по своему дѣянію.

(2) Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя. Подумаешь, что слова просты, что кому бы то ни было можно въ прямомъ смыслѣ сказать: Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя. А на дѣлѣ, можетъ быть, и не такъ. Кто надѣется на человѣка, или насыщается чѣмъ нибудь другимъ житейскимъ, напримѣръ: могуществомъ, или деньгами, или чѣмъ инымъ изъ почитаемаго у людей блистательнымъ, тотъ не можетъ сказать: Господи Боже

мой, на Тя уповахъ. Ибо есть заповѣдь не надѣяться на князей; и сказано: проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка (Іер. 17, 5.). Не должно воздавать какъ Божескую честь чему либо кромѣ Бога, такъ и надѣяться на другаго кромѣ Бога, Господа всяческихъ. Сказано: упованіе мое, и пѣніе мое Господь (Псал. 10, 5. и 117, 14).

Почему же Пророкъ молится, чтобы его сперва спасти отъ гонящихъ, а потомъ — избавить? Знакъ препинанія сдѣлаетъ рѣчь ясною: спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя, и избави мя, (3) да не когда похититъ яко левъ душу мою. Что же за различіе между спасеніемъ и избавленіемъ? То, что въ спасеніи собственно имѣютъ нужду немощные, а въ избавленіи содержимое въ плѣну. Посему, кто имѣетъ въ себѣ немощь, но въ себѣ же находитъ и вѣру, тотъ собственною вѣрою направляется къ спасенію; ибо сказано: вѣра твоя спасе тя (Лук. 7, 50); и еще: буди тебѣ, якоже вѣровалъ еси (Матѳ. 8, 13). А кто требуетъ избавленія, тотъ ожидаетъ, чтобы другіе за него представили должную цѣну. Посему тотъ, кому угрожаетъ смерть, зная, что одинъ Спаситель и одинъ Искупитель, говоритъ: на Тя уповахъ, спаси мя отъ немощи, и избави мя отъ плѣна. Думаю же, что о мужественныхъ Божіихъ подвижникахъ, которые чрезъ всю свою жизнь довольно боролись съ невидимыми врагами, когда избѣжатъ всѣхъ ихъ гоненій, находясь при концѣ жизни, князь вѣка сего извѣдываетъ, чтобы удержать ихъ у себя, если найдутся на нихъ раны, полученныя во время борьбы, или какія нибудь пятна и отпечатки грѣха. А если будутъ найдены не уязвленными и не запятнанными, то какъ непобѣдимые, какъ свободные, будутъ упокоены Христомъ. Посему Пророкъ молится о будущей и настоящей жизни. Здѣсь говоритъ: спаси мя отъ гонящихъ, а тамъ, во время испытанія: избави мя, да не когда похититъ яко левъ душу мою. И сіе можешь узнать отъ самого Господа, Который предъ страданіемъ говоритъ: нынѣ князь міра сего грядетъ, и во Мнѣ не имать ничесоже (Іоан. 14, 30). Но Онъ, не сотворившій грѣха, сказалъ: не имать ничесоже; для человѣка же довольно, если осмѣлится сказать: грядетъ князь міра сего, и во мнѣ имать не многое и маловажное. Опасно же, чтобы сіе не случилось съ нами, когда нѣтъ у насъ ни избавляющаго, ни спасающаго. Къ двумъ понятіямъ приданы также два понятія: спаси мя отъ множества гонящихъ мя, и избави мя, да не когда буду похищенъ, не сущу избавляющу.

(4) Господи Боже мой, аще сотворихъ сіе, аще есть неправда въ руку моею, (5) аще воздахъ воз-

дающимъ ми зла: да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ: (6) да поженетъ убо врагъ душу мою, и да постигнетъ. Писанію обычно употреблять слово: воздаяніе, не только въ общепринятомъ смыслѣ, когда добро или зло уже совершено, но и о чемъ нибудь предначинаемомъ, какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: воздаждь рабу твоему (Псал. 118, 17), вмѣсто того, чтобы сказать: даждь, сказано: воздаждь. Дать, значитъ положить начало благотворенію, отдать, значитъ возмѣрить равнымъ за сдѣланное себѣ добро; а воздаяніе есть какое-то второе начало и возвращеніе оказаннаго кому нибудь добра или зла. А я думаю, что когда въ Писаніи вмѣсто прошенія выражается какъ бы нѣкоторое взысканіе и требуется воздаяніе, тогда оно представляетъ смыслъ, подобный слѣдующему: какой долгъ попеченія о дѣтяхъ по природѣ необходимо лежитъ на родителяхъ, — это самое выполни и въ разсужденіи меня. Отецъ же естественною любовію къ дѣтямъ обязывается имѣть промышленіе о жизни ихъ. Ибо сказано: родители должны снискати имѣнія чадамъ (2 Кор. 12, 14), чтобы сверхъ жизни доставить имъ и средства къ поддержанію жизни. Подобнымъ сему образомъ даяніе, или воздаяніе, не рѣдко употребляется въ Писаніи о дѣйствіяхъ первоначальныхъ. А теперь, кажется, Пророкъ съ увѣренностію говоритъ: не воздахъ воздающимъ ми зла, не воздалъ подобнымъ за подобное. Аще сотворихъ сіе, аще воздахъ воздающимъ ми зла: да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ. Отпалъ отъ враговъ тощъ, кто лишился благодати, подаваемой отъ полноты Христовой.

Да поженетъ убо врагъ душу мою, и да постигнетъ, и поперетъ въ землю животъ мой. Душа праведника, отрѣшившись отъ соучастія въ тѣлѣ, имѣетъ животъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ (Кол. 3, 3); такъ что можетъ сказать съ Апостоломъ: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ. И еще: а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу (Гал. 2, 20). Душа же грѣшника, живущаго по плоти, погрязшаго въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ, валяется въ плотскихъ страстяхъ, какъ въ тинѣ. Врагъ, попирая ее, старается еще болѣе осквернить и, такъ сказать, погребсти, наступивъ на падшаго и ногами своими втаптывая его въ землю, то есть жизнь поползнувшагося—въ тѣло.

И славу мою въ персть вселитъ. Святыхъ, которые имѣютъ жительство на небесахъ и сокровиществуютъ себѣ блага въ вѣчныхъ сокровищницахъ, и слава на небесахъ; а о людяхъ перстныхъ и по плоти живущихъ говорится, что и слава ихъ вселяется въ персть. Кто славится земнымъ богатствомъ, кто домогается кратковременной чести отъ людей, кто возлагаетъ надежду на тѣлесныя преимущества, тотъ

имѣетъ у себя славу, но она не возникаетъ къ небу, а пребываетъ въ персти.

(7) Воскресни Господи гнѣвомъ Твоимъ, вознесися въ концахъ врагъ Твоихъ. Пророкъ молится уже о совершеніи тайны воскресенія въ потребленіи грѣха ихъ, или о томъ вознесеніи на крестъ, которое должно было совершиться, когда злоба враговъ возвысится до крайняго предѣла. Или слова: вознесися въ концахъ врагъ твоихъ, заключаютъ въ себѣ смыслъ подобный слѣдующему: до какой бы высоты ни дошла злоба, разливаясь безмѣрно и безпредѣльно, Ты по множеству силы Своей можешь, какъ добрый врачъ, предварительно оградить предѣлы, остановить болѣзнь, всюду разливающуюся и проникающую, и пресѣчь ея непрерывное распространеніе Твоими вразумляющими ударами.

И востани Господи Боже мой повелѣніемъ имже повѣдалъ еси. Слова сіи можно относить и къ тайнѣ Воскресенія, разумѣя такъ, что Пророкъ молитъ Судію востать и отомстить за всякій грѣхъ и привести въ дѣйствіе предписанныя намъ заповѣди; а можно понимать ихъ и о тогдашнемъ состояніи Пророка, который молитъ Бога востать и отмстить за ту заповѣдь, какую Онъ далъ. Богомъ же дана была заповѣдь: чти отца твоего и матерь (Исх. 20, 12); и ее преступилъ сынъ Давидовъ. Почему, для исправленія его и для вразумленія многихъ, молитъ Бога не долготерпѣть, но востать гнѣвомъ, воставъ, отмстить за Свою заповѣдь. Онъ говоритъ: отмсти не за меня, но за пренебреженіе заповѣди, которую Самъ Ты далъ.

(8) И сонмъ людей обыдетъ Тя. Извѣстно, что, по вразумленіи одного неправеднаго, обращаются многіе. Посему накажи его преступленіе, да великій сонмъ людей обыдетъ Тя.

И о томъ на высоту обратися. За окружающій Тебя сонмъ, который пріобрѣлъ Ты благодатнымъ снисхожденіемъ и домостроительствомъ, возвратись на высоту той славы, юже имѣлъ еси, прежде міръ не бысть (Іоан. 17, 5).

(9) Господь судитъ людемъ. На многихъ мѣстахъ Писанія всѣяно слово о судѣ, какъ весьма необходимое и многовнушающее при обученіи благочестію увѣровавшихъ въ Бога чрезъ Іисуса Христа. Поелику же слово предлагается различно, то оно представляется нѣсколько слитнымъ для тѣхъ, которые не дѣлаютъ точнаго различенія въ значеніяхъ. Ибо сказано: вѣруяй въ Мя нѣсть осужденъ: а не вѣруяй уже осужденъ есть (Іоан. 3, 18). Но если слово: невѣрующій, равнозначительно слову: нечестивый, то какъ же сказано, что не воскреснутъ нечестивіи на судъ (Псал. 1, 5)? И еще: если вѣрующіе чрезъ вѣру стали сынами Божіими, а потому и са-

ми удостоены именоваться богами: то какъ же Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ (Псал. 81, 1)? Но кажется, что слово: судить, берется въ Писаніи иногда въ значеніи: испытывать; а иногда въ значеніи: осуждать. Такъ въ значеніи: испытывать, въ словахъ: суди ми, Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ; ибо здѣсь Пророкъ присовокупляетъ: искуси мя, Господи, и испытай мя (Псал. 25, 1. 2). И въ значеніи: осуждать, въ словахъ: аще бо быхомъ себе судили, не быхомъ осуждени были (1 Кор. 11, 31). Это значитъ: если бы мы испытывали самихъ себя, то не подверглись бы осужденію. Опять сказано, что Господь судитися имать со всякою плотію (Іер. 25, 31), то есть при изслѣдованіи жизни Господь Самъ Себя подвергаетъ суду всякаго, и Свои заповѣди противопоставляетъ дѣламъ грѣшниковъ, въ оправданіе Свое приводя доказательства, что Онъ сдѣлалъ все отъ Него требовавшееся ко спасенію судимыхъ, чтобы грѣшники, убѣдившись, сколько они виновны, во грѣхахъ, и принявъ Божій судъ, не безъ согласія терпѣли положенное на нихъ наказаніе.

Но слово: судить, имѣетъ и иное значеніе, въ которомъ Господь говоритъ: Царица Южская востанетъ на судъ, и осудитъ родъ сей (Матѳ. 12, 42). О тѣхъ, которые отвращаются Божественнаго ученія, нерадятъ о чистотѣ нравовъ и совершенно отвергли вразумляющія ученія мудрости, Господь говоритъ, что они, по сравненію и сличенію съ ихъ современниками, показавшими отличную ревность къ добру, понесутъ тягчайшее осужденіе за неисполненное ими. А я думаю, что не всѣ, облеченные въ сіе земное тѣло, одинаково будутъ судимы праведнымъ Судіею, потому что весьма различныя внѣшнія обстоятельства, встрѣчающіяся съ каждымъ изъ насъ, сдѣлаютъ, что и судъ надъ каждымъ будетъ различенъ. Или дѣлаетъ болѣе тяжкими или облегчаетъ наши грѣхи то, что отъ насъ не зависитъ, или стекается вокругъ насъ не по нашей волѣ. Представь, что подвергнется суду блудъ. Но одинъ впалъ въ сей грѣхъ, изъ дѣтства будучи воспитываемъ въ порочныхъ нравахъ; ибо и на свѣтъ произведенъ распутными родителями, и возрасталъ въ привычкахъ къ дурному, къ пьянству, играмъ и срамнымъ бесѣдамъ; а другой, много имѣлъ побужденій къ жизни совершенной — воспитаніе, учителей, слышаніе слова Божія, душеспасительное чтеніе, наставленія родительскія, бесѣды, образующія въ честности и цѣломудріи, умѣренность въ пищѣ; и потомъ вовлеченъ въ подобный съ первымъ грѣхъ, и долженъ дать отчетъ въ своей жизни: не по справедливости ли сей послѣдній, въ сравненіи съ первымъ, заслужитъ тягчайшее наказаніе? Первый виновенъ будетъ въ томъ одномъ, что не возмогъ воспользоваться спасительными влеченіями, насажденными въ мысли; послѣдній сверхъ сего будетъ еще об-

винёнъ и въ томъ, что, при многихъ содѣйствіяхъ ко спасенію, по невоздержности и кратковременному нерадѣнію, самъ себя предалъ. Подобнымъ образомъ, кто съ самаго начала воспитывался въ благочестіи, избѣгъ всякой превратности въ ученіяхъ о Богѣ, былъ наставленъ въ законѣ Божіемъ, осуждающемъ грѣхъ и внушающемъ тому противное, тотъ, если впадетъ въ идолослуженіе, не будетъ имѣть такого же извиненія, какъ получившій воспитаніе отъ родителей, не знавшихъ закона, отъ язычниковъ изъ дѣтства наученныхъ идолослуженію. Господь судитъ людемъ: иначе судитъ Іудея, и иначе Скиѳа. Ибо Іудей почиваетъ на законѣ, хвалится о Бозѣ, разсуждаетъ лучшая (Рим. 2, 17. 18). Онъ оглашенъ въ законѣ, и сверхъ общихъ всѣмъ понятій былъ убѣждаемъ и вразумляемъ писаніями Пророковъ и Закона; и если окажется впадшимъ въ беззаконіе, то сіе вмѣнается ему гораздо въ тягчайшій грѣхъ. Скиѳы—народъ кочующій; они воспитаны въ звѣрскихъ и безчеловѣчныхъ обычаяхъ, привыкли къ грабежамъ и взаимнымъ насиліямъ, неукротимо предаются гнѣву, легко раздражаются взаимными оскорбленіями, привыкли всякій споръ рѣшать оружіемъ, пріучены оканчивать ссоры кровопролитіемъ; и ежели они окажутъ другъ другу сколько-нибудь человѣколюбія и снисходительности, то своими услугами уготовятъ намъ жесточайшее наказаніе.

Суди ми, Господи, по правдѣ моей, и по незлобѣ моей на мя. Слова сіи, повидимому, заключаютъ въ себѣ нѣкоторую похвальбу, и близки къ молитвѣ возвышавшаго себя фарисея. Но благовременно разсмотрѣвшій ихъ найдетъ, что Пророкъ далекъ отъ подобнаго расположенія. Суди ми, Господи, говоритъ онъ, по правдѣ моей. Это значитъ: обширно понятіе праведности, и предѣловъ совершеной праведности трудно достигнуть. Ибо есть праведность Ангельская, которая превосходитъ человѣческую; и ежели есть какая-либо сила выше Ангеловъ, то она имѣетъ и превосходство праведности, соотвѣтственное ея величію; а праведность самого Бога превыше всякаго разума; она неизреченна и непостижима для всякой сотворенной природы. Суди ми, Господи, по правдѣ моей, то есть по правдѣ, какая удободостижима для людей и возможна для живущихъ во плоти; и по незлобѣ моей на мя: симъ особенно подтверждается, что расположеніе сказавшаго весьма далеко отъ фарисейскаго высокомѣрія. Ибо незлобою своею называетъ какъ бы простоту и неопытность въ томъ, что полезно знать, по сказанному въ Притчахъ: незлобивый емлетъ вѣру всякому словеси (Притч. 14, 15). Поелику мы человѣки во многихъ случаяхъ неосторожно погрѣшаемъ по неопытности, то Пророкъ молитъ и проситъ Бога даровать ему прощеніе по незлобѣ. А изъ сего видно, что сказанное показываетъ болѣе смиренномудріе, нежели

высокомѣріе сказавшаго. Суди ми, Господи, говоритъ онъ, по правдѣ моей; и суди меня по незлобѣ, какая во мнѣ. Праведныя дѣла мои сравни съ немощію человѣческою; и тогда суди меня. Вникни въ простоту моихъ нравовъ; вникни въ то, что я необоротливъ и непроницателенъ въ дѣлахъ мірскихъ; и тогда осуждай меня за прегрѣшенія.

(10). Да скончается злоба грѣшныхъ. Приносящій сію молитву явно есть ученикъ Евангельскихъ заповѣдей; онъ молится за творящихъ напасть (Матѳ. 5, 44), прося положить предѣлъ и конецъ злобѣ грѣшныхъ, подобно тому, какъ, если бы кто, молясь о страждующихъ тѣлесно, сказалъ: да скончается болѣзнь страждущихъ. Чтобы грѣхъ, какъ пожирающій огонь въ членахъ, распространяясь дальше и дальше, не занялъ большаго мѣста, Пророкъ молитъ Бога остановить дальнѣйшее разліяніе грѣха и положить ему предѣлъ,—молитъ, ибо любитъ враговъ своихъ, желаетъ добро творить ненавидящимъ его, и потому молится за творящихъ напасть.

Исправиши праведнаго. Праведникъ называется правымъ, и право сердце, успѣвающее въ добрѣ. Что же значитъ здѣсь у Пророка сія молитва? Онъ молится объ исправленіи имѣющаго уже правоту; ибо никто не скажетъ, чтобы въ праведникѣ было что-нибудь строптивое, непрямое, превратное. Но можетъ быть и о праведникѣ необходимо прошеніе, чтобы его преднамѣренная правота и непревратность воли была исправляема подъ руководствомъ Божіимъ, чтобы онъ даже и по немощи не уклонялся никогда отъ правила истины, и чтобы врагъ истины не могъ растлить его превратными ученіями.

Испытаяй сердца и утробы Боже праведно. Поелику Писаніе во многихъ мѣстахъ слово: сердце, употребляетъ въ значеніи владычественнаго въ душѣ; а слово: утроба, въ значеніи вожделѣвательной ея силы, то и здѣсь значеніе словъ то же самое, именно: суди меня, Боже, въ ученіяхъ, какія имѣю о благочестіи, и въ движеніяхъ страстныхъ; ибо Ты испытаяй сердца и утробы. Пытаніе, въ собственномъ смыслѣ, есть допросъ судіей испытуемаго, сопровождаемый всякаго рода истязаніями, чтобы утаевающіе выпытываемое у нихъ, отъ боли, по необходимости, вывели наружу утаенное. А на непогрѣшительныхъ испытаніяхъ Судіи какъ испытываются наши помышленія, такъ испытываются и дѣла. Посему никто не упреждай праведнаго Судію, и не суди прежде времени, дондеже пріидетъ Господь, Иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя (Кор. 4, 5). Въ испытаніи сердецъ и утробъ Богъ показываетъ Свое правосудіе. Испытано было сердце Авраама, отъ всей ли души и отъ всего ли сердца любитъ онъ Бога, когда ему было по-

велѣно принести Исаака во всесожженіе, дабы открылось, что онъ не любитъ сына паче Бога. Испытанъ былъ и Іаковъ, когда терпѣлъ козни отъ брата, дабы, при такихъ согрѣшеніяхъ Исава, просіяло его неослабное братолюбіе. Итакъ, въ нихъ были испытаны сердца; а въ Іосифѣ испытаны утробы, когда, при безумномъ воспламененіи къ нему похотливой госпожи, честность цѣломудрія предпочелъ онъ гнусному сладострастію. Испытанъ же былъ для того, чтобы зрители суда Божія признали, сколько праведно воздана ему честь, когда среди великихъ искушеній просіяла его чистота.

(11) Помощь моя отъ Бога. Собственно на войнѣ, при нашествіи непріятелей, ищутъ помощи тѣ, на кого враги нападаютъ. Посему и здѣсь ощутившій невидимыхъ враговъ своихъ и усматривающій предстоящую ему опасность отъ ополчившихся на него враговъ, говоритъ: помощь моя не въ богатствѣ, не въ тѣлесныхъ пособіяхъ, не въ силѣ, не въ крѣпости моей, не въ человѣческомъ родствѣ, но помощь моя отъ Бога. А какую помощь посылаетъ Господь боящимся Его, сіе видимъ изъ другаго псалма, въ которомъ сказано: ополчится Ангелъ Господенъ окрестъ боящихся его, и избавитъ ихъ (Псал. 33, 8), и изъ другаго мѣста: Ангелъ, иже мя избавляетъ (Быт. 48, 16).

Спасающаго правыя сердцемъ. Правъ сердцемъ тотъ, чей разсудокъ не допускаетъ ни излишества, ни недостатка въ добродѣтели, но держится средины. Кто отъ мужества уклонился въ недостатокъ, тотъ совращается въ робость, а кто простерся въ излишество, тотъ переходитъ въ дерзость. Посему Писаніе называетъ строптивыми (Притч. 16, 28) людей, которые излишествами или недостатками выступаютъ изъ средины. Какъ черта дѣлается кривою, когда прямое направленіе преломляется то въ выпуклое, то въ вогнутое; такъ и сердце дѣлается строптивымъ, когда его то возвышаетъ высокомѣріе, то унижаютъ скорби и тѣсноты. Посему Екклезіастъ говоритъ, что развращенное не исправится (1, 15).

(12) Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день. Кажется, что Пророкъ говоритъ сіе, имѣя въ виду тѣхъ, которые смущаются иногда приключившимся, какъ бы для успокоенія сихъ людей отъ смущенія, чтобы они не теряли вѣры въ Промыслъ, о всемъ пекущійся, видя не отмщеннымъ возстаніе сына на отца и благоуспѣшный лукавый замыслъ Авессаломовъ. Почему, исправляя, что въ ихъ умозаключеніяхъ не разумно, засвидѣтельствовалъ имъ: Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день. Не безъ причины бываетъ все то, что

ни случается. Напротивъ того, Богъ возмѣриваетъ по мѣрамъ каждаго, какими онъ предварительно измѣривалъ свои поступки въ жизни. Поелику сдѣлалъ я какой нибудь грѣхъ, то и получаю, что заслужилъ. Итакъ не глаголите на Бога неправду (Пс. 74, 6.); ибо Богъ судитель праведенъ. Не думайте такъ низко о Богѣ, чтобы почитать Его не имѣющимъ силъ отмстить; ибо Онъ и крѣпокъ. Какая же причина тому, что не скоро налагаетъ казнь на согрѣшающихъ? Та, что Онъ долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день.

(13) Аще не обратитеся, оружие Свое очиститъ. Это рѣчь угрожающая, возбуждающая къ обращенію тѣхъ, которые медлятъ покаяніемъ. Угрожаетъ не прямо ранами, ударами и смертями, но очищеніемъ оружій, и какъ бы приготовленіемъ ко мщенію. Какъ тѣ, которые чистятъ оружіе, тѣмъ самымъ обнаруживаютъ свою готовность къ войнѣ; такъ и Писаніе, желая выразить Божіе намѣреніе наказать, говоритъ, что Онъ очищаетъ Свое оружіе.

Лукъ свой напряже и уготова и, (14) и въ немъ уготова сосуды смертныя. Не тетива напрягаетъ Божій лукъ, но карающая сила, которая иногда напряжена, а иногда ослаблена. Посему слово грозитъ грѣшнику тѣмъ, что готово ожидающее его наказаніе, если пребудетъ во грѣхѣ, потому что въ лукѣ уготованы сосуды смертные, а сосуды смертные суть силы, потребляющія враговъ Божіихъ.

Стрѣлы Своя сгараемымъ содѣла. Какъ огонь произведенъ для сгараемаго вещества, созданъ не для алмаза, который не расплавляется въ огнѣ, а для возгарающихся дровъ: такъ и стрѣлы Божіи содѣланы для душъ удобосгораемыхъ, въ которыхъ собрано много вещественнаго и годнаго къ истребленію. Посему, которые имѣютъ уже въ себѣ предварительно разжженныя стрѣлы діавола, тѣ пріемлютъ на себя и стрѣлы Божіи. Потому и сказано: стрѣлы Своя уже сгораемымъ содѣла. Сожигаютъ же душу: плотская любовь, любостяжательность, распаленный гнѣвъ, скорби попаляющія и снѣдающія душу, страхъ чуждый страха Божія. А кто не уязвленъ стрѣлами врага и облеченъ во всеоружіе Божіе, того не прикасаются и смертоносныя стрѣлы.

(15) Се болѣ неправдою, зачатъ болѣзнь, и роди беззаконіе. Въ семъ изреченіи, по видимому, перемѣшанъ порядокъ. Ибо раждающія сначала зачинаютъ, потомъ болятъ, и наконецъ, раждаютъ; а здѣсь сперва болѣзни рожденія, потомъ зачатіе, потомъ рожденіе. Но относительно къ зачатію въ сердцѣ, реченіе сіе весьма выразительно. Ибо неразумныя стремленія похотливыхъ, бѣшеныя и неистовыя вожделѣнія названы болѣзнями рожденія, потому что рождаются въ душѣ съ быстротою и трудомъ. А кто, вслѣдствіе такого стремленія, не одержалъ

побѣды надъ порочными помыслами, тотъ зачатъ болѣзнь; и кто сердечное поврежденіе распалилъ порочными дѣлами, тотъ роди беззаконіе. Повидимому же, Давидъ говоритъ сіе, стыдясь того, что онъ отецъ беззаконнаго сына. Не мой онъ сынъ, говоритъ Пророкъ, но сталъ сыномъ отца, которому усыновилъ себя чрезъ грѣхъ. Ибо по словамъ Іоанна: творяй грѣхъ отъ діавола рожденъ (1 Іоан. 3, 8). Итакъ се діаволъ болѣ имъ въ неправдѣ, и зачатъ его, то есть какъ бы ввелъ его въ самую свою внутренность, въ утробу своихъ расположеній, и чревоносилъ его, и потомъ роди его, произвелъ на свѣтъ его беззаконіе; потому что всѣмъ проповѣдано о возстаніи его противъ отца.

(16) Ровъ изры, и ископа и. Въ божественномъ Писаніи находимъ, что ровъ берется не въ очень хорошемъ смыслѣ, какъ кладязь водный не въ худомъ смыслѣ. Ибо былъ ровъ, куда брошенъ Іосифъ своими братьями. И когда Господь поражаетъ—поражаетъ отъ первенца Фараонова до первенца плѣнницы, яже въ ровѣ (Исх. 12, 29). И въ Псалмахъ сказано: привмѣненъ быхъ съ низходящими въ ровъ (Пс. 87, 5); и у Іеремiи: Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати (Іерем. 2, 13). Да и у Даніила описанъ ровъ львиный, въ который былъ вверженъ Даніилъ. А колодезь ископываетъ Авраамъ, ископываютъ также отроки Исааковы. При кладязѣ успокоился ушедшій изъ Египта Моисей (Исх. 2, 15). И отъ отъ Соломона пріемлетъ заповѣдь пить воды отъ своихъ сосудовъ, и отъ своихъ кладенцовъ источника (Притч. 5, 15). И Спаситель при кладязѣ бесѣдуетъ съ Самарянкою о Божественныхъ тайнахъ. А почему ровъ берется въ худомъ значеніи, колодезь же въ хорошемъ, тому полагаемъ слѣдующую причину: вода во рвахъ бываетъ пришлая, падающая съ неба; а въ колодцахъ водяныя жилы, засыпанныя землею, пока мѣсто не разрыто, обнаруживаются, какъ скоро сняты покрывающія ихъ глыбы земли, или лежащія сверху другія вещества, входящія въ сотавъ земли. Такъ нѣчто подобное рву бываетъ и въ тѣхъ душахъ, въ которыя западаетъ доброе, но превращенное и подмѣшанное, когда человѣкъ запавшія въ него понятія о добрѣ гонитъ отъ себя, обращая ихъ на худое и противное истинѣ употребленіе и рѣшившись не имѣть въ себѣ никакого собственнаго добра. И опять въ душахъ бываетъ нѣчто подобное кладязямъ, когда, по снятіи худыхъ покрововъ, возсіяваетъ свѣтъ и источникъ удобопіемой воды въ словѣ и ученіи. Посему каждому необходимо пріуготовить для себя кладязь, чтобы выполнить вышеупомянутую заповѣдь, которая говоритъ: пій воды отъ своихъ сосудовъ, и отъ твоихъ кладенцевъ источника (Притч. 5, 15). Въ такомъ случаѣ и мы на-

именуемся чадами ископавшихъ кладязи — Авраама, Исаака, и Іакова. А рва рыть не должно, чтобы не пасть намъ въ яму, по сказанному въ семъ псалмѣ, и не услышать написаннаго у Іереміи въ укоризну грѣшниковъ, гдѣ Самъ Богъ говоритъ о нихъ (какъ не давно приводили мы слова сіи): Меня оставиша, усточника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати (Іерем. 2, 13).

Бесѣда на окончаніе четырнадцатаго псалма и на ростовщиковъ.

Вчера бесѣдовалъ я съ вами о четырнадцатомъ псалмѣ, но время не дозволило дойти до конца рѣчи. Нынѣ являюсь, какъ признательный должникъ, чтобы отдать вамъ оставшійся долгъ. А остальное, повидимому, не продолжительно для слышанія, для многихъ же изъ васъ, можетъ быть, и не замѣтно; почему они и не представляютъ, чтобы въ псалмѣ оставалось что нибудь. Впрочемъ, зная, что краткое сіе изреченіе имѣетъ великую силу въ дѣлахъ житейскихъ, я не думалъ, чтобы должно было оставить безъ изслѣдованія полезное.

Пророкъ, изображая словомъ человѣка совершеннаго, который желаетъ перейти въ жизнь непоколебимую, къ доблестямъ его причисляетъ и то, чтобы сребра своего не давать въ лихву (Псал. 14, 5). Во многихъ мѣстахъ Писанія порицается грѣхъ сей. Іезекіиль полагаетъ въ числѣ самыхъ важныхъ беззаконій брать лихву и избытокъ (Іезек. 22, 12). Законъ ясно запрещаетъ: да не даси въ лихву брату твоему и ближнему твоему (Втораз. 23, 19). Въ другомъ мѣстѣ говорится: лесть на лесть, и лихва на лихву (Іерем. 9, 6). А что псаломъ говоритъ о городѣ, который изобиловалъ множествомъ беззаконій? Не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть (Псал. 54, 12). И теперь Пророкъ отличительною чертою человѣческаго совершенства принялъ то же самое, сказавъ: сребра своего не даде въ лихву.

Въ самомъ дѣлѣ, крайне безчеловѣчно, когда одинъ, имѣя нужду въ необходимомъ, проситъ въ заемъ, чтобы поддержать жизнь, другому не довольствоваться возвращеніемъ даннаго въ заемъ, но придумывать, какъ извлечь для себя изъ несчастій убогаго доходъ и обогащеніе. Посему Господь далъ намъ ясную заповѣдь, сказавъ: и хотящаго отъ тебе заяти не отврати (Матѳ. 5. 42). Но сребролюбецъ, видя, что человѣкъ, борющійся съ нуждою, проситъ у колѣнъ его (и какихъ не дѣлаетъ униженій, чего не говоритъ ему!), не хочетъ сжалиться надъ поступающимъ вопреки своему достоинству, не думаетъ объ единствѣ природы,

не склоняется на просьбы, но стоитъ непреклоненъ и неумолимъ, не уступаетъ мольбамъ, не трогается слезами, продолжаетъ отказывать, божится и заклинаетъ самъ себя, что у него вовсе нѣтъ денегъ, что онъ самъ ищетъ человѣка, у кого бы занять; и эту ложь утверждаетъ клятвою, своимъ безчеловѣчіемъ пріобрѣтая себѣ недобрую покупку — клятвопреступленіе. А какъ скоро просящій въ займы помянетъ о ростѣ и поименуетъ залоги; тотчасъ, понизивъ брови, улыбнется, иногда припомянетъ и о дружбѣ своей съ отцемъ его, назоветъ его своимъ знакомымъ и пріятелемъ, и скажетъ: „посмотримъ, нѣтъ ли гдѣ сбереженнаго серебра. Есть у меня, правда, залогъ одного пріятеля, положенный ко мнѣ для приращенія, но пріятель назначилъ за него обременительный ростъ; впрочемъ я непремѣнно сбавлю что нибудь, и отдамъ съ меньшимъ ростомъ". Прибѣгая къ такимъ выдумкамъ, и такими рѣчами обольщая и заманивая бѣднаго, беретъ съ него письменное обязательство, и, при обременительномъ убожествѣ, отнявъ у него даже свободу, оставляетъ его. Ибо, взявъ на свою отвѣтственность такой ростъ, котораго платить не въ состояніи, онъ на всю жизнь принимаетъ на себя самопроизвольное рабство.

Скажи мнѣ: денегъ ли и прибыли ищешь ты у бѣднаго? Если бы онъ могъ обогатить тебя; то чего бы сталъ просить у дверей твоихъ? Онъ пришелъ за помощію, а нашелъ врага; онъ искалъ врачевства, а въ руки данъ ему ядъ. Надлежало облегчить убожество человѣка; а ты увеличиваешь нужду, стараясь отнять и послѣднее у неимущаго. Какъ если бы врачъ, пришедши къ больнымъ, вмѣсто того, чтобы возвратить имъ здравіе, отнялъ у нихъ и малый остатокъ силъ: такъ и ты несчастія бѣдныхъ обращаешь въ случай къ своему обогащенію. И какъ земледѣльцы молятъ дождя для приумноженія сѣменъ: такъ и ты желаешь людямъ скудости и убожества, чтобы деньги твои приносили тебѣ прибыль. Или не знаешь, что ты болѣе приращаешь грѣхи свои, нежели умножаешь богатство придуманнымъ ростомъ?

И ищущій займа бываетъ поставленъ въ затруднительное положеніе: когда посмотритъ на свое убожество, отчаявается въ возможности заплатить долгъ: а когда посмотритъ на свою настоящую нужду, отваживается на заемъ. Потомъ одинъ остается побѣжденнымъ, покорясь нуждѣ, а другой разстается съ нимъ, обезпечивъ себя письменнымъ обязательствомъ и поруками. Взявшій же деньги сначала свѣтелъ и веселъ, восхищается чужими цвѣтами, допускаетъ перемѣну въ жизни: столъ у него открытый, одежда многоцѣнная, слуги одѣты пышнѣе прежняго; есть льстецы, застольные друзья и тысячи трутней въ домѣ. Но какъ деньги утекаютъ, а время своимъ продолженіемъ увеличиваетъ ростъ; то и ночи не приносятъ ему покоя, и день не свѣтелъ, и солнце не пріятно; а напротивъ того жизнь для него тягостна, ненавистны дни, поспѣшающіе къ сроку; боится онъ мѣсяцевъ, потому что отъ нихъ плодится ростъ. Спитъ ли онъ? и во снѣ ви-

дится заимодавецъ — это злое привидѣніе, стоящее въ головахъ. Бодрствуетъ ли? и помышленіе и забота у него о ростѣ. Сказано: заимодавцу и должнику, срѣтшимся другъ со другомъ, посѣщеніе творитъ обѣма Господь (Притч. 29, 13). Одинъ, какъ песъ, бѣжитъ на добычу, другой, какъ готовая ловитва, страшится встрѣчи, потому что нищета отнимаетъ у него смѣлость. У обоихъ счетъ на пальцахъ; одинъ радуется увеличенію роста, другой стенаетъ о приращеніи бѣдствій.

Пій воды отъ своихъ сосудовъ (Притч. 5, 15), то есть разсчитывай свои средства, не ходи къ чужимъ источникамъ, но изъ собственныхъ своихъ каплей собирай для себя утѣшенія въ жизни. Есть у тебя мѣдная посуда, одежда, пара воловъ, всякая утварь? Отдай это. Согласись отказаться отъ всего, только не отъ свободы. Но я стыжусь, говоришь ты, сдѣлать это гласнымъ. Что жъ? Въ скоромъ времени другой выставитъ же это на показъ, провозгласитъ, что оно твое, и въ твоихъ глазахъ станетъ продавать по низкой цѣнѣ. Не ходи къ чужимъ дверямъ: ибо, дѣйствительно студенецъ чуждій тѣсенъ (Притч. 23, 27). Лучше посильными трудами помогать своимъ нуждамъ, нежели вдругъ поднявшись чужимъ имуществомъ, въ послѣдствіи лишиться всего достоянія Ежели у тебя есть чѣмъ отдать; почему же не удовлетворяешь этимъ средствомъ настоящей нуждѣ? Если же не въ состояніи заплатить долгъ; то одно зло лечишь другимъ. Не вѣрь заимодавцу, который ведетъ около тебя окопы. Не дозволяй, чтобы тебя отыскивали и преслѣдовали, подобно какой нибудь добычѣ.

Брать въ заемъ — начало лжи, случай къ неблагодарности, вѣроломству, клятвопреступленію. Иное говоритъ, кто беретъ въ заемъ, а иное, съ кого требуютъ долгъ. „Лучше бы мнѣ не встрѣчаться тогда съ тобою! я бы нашелъ средства освободиться отъ нужды. Не насильно ли вложилъ ты мнѣ деньги въ руки? И золото твое было съ подмѣсью мѣди, и монеты обрѣзаны“. Ежели дающій въ заемъ тебѣ другъ; не берись за случай потерять его дружбу. Если онъ врагъ; не подчиняй себя человѣку непріязненному. Не долго будешь украшаться чужимъ, а послѣ потеряешь и отцовское наслѣдіе. Теперь ты бѣденъ, но свободенъ. А взявъ въ заемъ, и богатымъ не сдѣлаешься, и свободы лишишься. Взявшій въ заемъ сталъ рабомъ заимодавца, рабомъ, наемникомъ, который несетъ на себѣ самую тяжелую службу. Псы, получивъ кусокъ, дѣлаются кроткими, а заимодавецъ раздражается по мѣрѣ того, какъ беретъ; онъ не перестаетъ лаять, но требуетъ еще большаго. Если клянешься: не вѣритъ, высматриваетъ, что есть у тебя въ домѣ, вывѣдываетъ, что у тебя въ долгахъ. Если выходишь изъ дома; влечетъ тебя къ себѣ и грабитъ. Если сокроешься у себя; стоитъ предъ домомъ и стучитъ въ двери, позоритъ тебя при женѣ, оскорбляетъ при друзь-

яхъ; душитъ на площади. И праздникъ не весело тебѣ встрѣтить; самую жизнь дѣлаетъ онъ для тебя несносною.

Но говоришь: нужда моя велика, и нѣтъ другаго способа достать денегъ. — Какая же польза изъ того, что отдалишь нужду на нынѣшній день? Нищета опять къ тебѣ пріидетъ, яко благъ течецъ (Притч. 24, 34), и та же нужда явится съ новымъ приращеніемъ. Ибо заемъ не вовсе освобождаетъ отъ затруднительнаго положенія, но только отсрочиваетъ его не надолго. Вытерпимъ нынѣ тяготу бѣдности, и не станемъ отлагать сего на завтра. Не взявъ въ заемъ, равно ты будешь бѣденъ, и сегодня, и въ слѣдующіе дни; а взявъ, истощишь себя еще больше, потому что нищета возрастаетъ отъ роста. Теперь никто не винитъ тебя за бѣдность, потому что зло не произвольно; а когда обяжешься платить ростъ, всякій станетъ упрекать тебя за безразсчетность.

Итакъ къ невольнымъ бѣдствіямъ не будемъ, по неразумію своему, прилагать еще произвольнаго зла. Дѣтскому разуму свойственно не покрывать своихъ нуждъ тѣмъ, что имѣешь, но ввѣрившись неизвѣстнымъ надеждамъ, отваживаться на явный и непререкаемый вредъ. Разсуди напередъ: изъ чего станешь платить? Изъ тѣхъ ли денегъ, которыя берешь? Но ихъ не достанетъ и на нужду, и на уплату. А если ты вычислишь и ростъ; то откуда у тебя до того размножатся деньги, что онѣ частію удовлетворятъ твоей нуждѣ, частію восполнятъ собою, что занято, а сверхъ того принесутъ и ростъ? Но ты отдашь долгъ не изъ тѣхъ денегъ, которыя берешь въ ростъ? Развѣ изъ другаго источника возмешь деньги? Подождемъ же исполненія этихъ надеждъ, а не станемъ, какъ рыбы, кидаться на приманку. Какъ онѣ вмѣстѣ съ пищею глотаютъ уду, такъ и мы ради денегъ пригвождаемъ себя къ росту. Никакого нѣтъ стыда быть бѣднымъ; для чего же навлекаемъ на себя позоръ, входя въ долги? Никто не лечитъ раны раною, не врачуетъ зла зломъ; — и бѣдности не поправишь платою роста. Ты богатъ? не занимай. Ты бѣденъ? также не занимай. Если имѣешь у себя достатокъ; то нѣтъ тебѣ нужды въ долгахъ. А если ничего не имѣешь у себя, то нечѣмъ будетъ тебѣ заплатить долга. Не предавай жизнь свою на позднее раскаяніе, чтобы тебѣ не почитать счастливыми тѣхъ дней, въ которые ты не платилъ еще роста. Мы бѣдные отличаемся отъ богатыхъ однимъ — свободою отъ заботъ; наслаждаясь сномъ, смѣемся надъ ихъ безсонными ночами; не зная безпокойствъ и будучи свободны, смѣемся надъ тѣмъ, что они всегда связаны и озабочены. А должникъ—и бѣденъ, и обремененъ безпокойствами. Не спитъ онъ ночью, не спитъ и днемъ; во всякое время задумчивъ, оцѣнивая то свое собственное имущество, то великолѣпные домы и поля богачей, одежды мимоходящихъ, домашнюю утварь угощающихъ. „Если бы это было мое, говоритъ онъ; я продалъ бы за такую и такую-то цѣну

и тѣмъ освободился бы отъ платежа роста". Это и ночью лежитъ у него на сердцѣ, и днемъ занимаетъ его мысли. Если стукнешь въ дверь; должникъ прячется подъ кровать. Вбѣжалъ кто нибудь скоро; у него забилось сердце. Залаялъ песъ; а онъ обливается потомъ, томится предсмертною мукою, и высматриваетъ, куда бѣжать. Когда наступаетъ срокъ, заботливо придумываетъ, что солгать, какой изобрѣсти предлогъ, и чѣмъ отдѣлаться отъ заимодавца.

Представляй себѣ не то одно, что берешь, но и то, что потребуютъ съ тебя назадъ. Для чего ты вступаешь въ союзъ съ многоплоднымъ звѣремъ? О зайцахъ говорятъ, что они въ одно время и родятъ, и кормятъ, и зачинаютъ дѣтей. И у ростовщиковъ деньги въ одно время и отдаются въ заемъ, и родятся, и подрастаютъ. Еще не взялъ ты ихъ въ руки, а уже требуютъ съ тебя приращенія за настоящій мѣсяцъ. И это, опять причтенное къ долгу, воспитываетъ новое зло, отъ котораго родится еще новое, и такъ до безконечности. Потому-то и наименованіемъ такимъ почтенъ этотъ родъ любостяжанія; ибо называется ростомъ (τόχος)[1], какъ я думаю, по причинѣ многоплодности этого зла. Да и отъ чего произойдти иначе сему именованію? Или, можетъ быть, называется ростомъ, по причинѣ болѣзней и скорбей, какія обыкновенно производитъ въ душахъ задолжавшихъ. Что раждающей — болѣзни рожденія, то должнику наступающій срокъ. Ростъ на ростъ, это — злое исчадіе злыхъ родителей. Такія приплодія роста да назовутся порожденіемъ эхиднинымъ! Объ эхиднахъ говорятъ, что онѣ раждаются, прогрызая утробу матери; и ростъ отраждается, изъядая домъ должника. Сѣмена даютъ плодъ, и животныя приходятъ въ зрѣлость съ теченіемъ только времени; а ростъ сегодня раждается, и сего же дня начинаетъ раждать. Животныя, скоро начинающія раждать, скоро и перестаютъ; а деньги, получивъ начало скораго пріумноженія, до безконечности болѣе и болѣе приращаются. Все возрастающее, какъ скоро достигнетъ свойственной ему величины, перестаетъ возрастать; но серебро лихоимцевъ во всякое время, по мѣрѣ его продолженія, само возрастаетъ. Животныя, когда ихъ дѣти дѣлаются способными къ рожденію, сами перестаютъ раждать; но серебряныя монеты у заимодавцевъ, и вновь прибывающія раждаютъ, и старыя остаются въ полной силѣ. Лучше тебѣ не знать по опыту сего чудовищнаго звѣря!

Ты свободно смотришь на солнце. Для чего же завидуешь самъ себѣ въ свободѣ жизни? Ни одинъ боецъ не избѣгаетъ такъ ударовъ противника, какъ должникъ встрѣчи съ заимодавцемъ, стараясь спрятать голову за столпами и стѣнами. „Какъ же мнѣ прокормиться?" говоришь ты. — У тебя есть руки, есть ремесло. Наймись, служи; много промысловъ жизни.

---

[1]) Отъ τίχτω рождаю.

много способовъ. Но у тебя нѣтъ силъ? Проси у имѣющихъ. Но просить стыдно? А еще стыднѣе не отдать взятаго въ заемъ. Я говорю тебѣ это вовсе не какъ законодатель, но хочу показать, что все для тебя сноснѣе займа. Муравей можетъ пропитаться, хотя не проситъ и не беретъ въ заемъ; и пчела остатки своей пищи приноситъ въ даръ царямъ; но имъ природа не дала ни рукъ, ни искусства. А ты, человѣкъ, животное изобрѣтательное на промыслы, не можешь изобрѣсти одного изъ всѣхъ промысла, чѣмъ тебѣ прожить?

Впрочемъ видимъ, что доходятъ до займа не тѣ, которые нуждаются въ необходимомъ (имъ никто и не повѣритъ въ долгъ), но занимаютъ люди, которые предаются безразсчетнымъ издержкамъ и безполезной пышности, раболѣпствуютъ женскимъ прихотямъ. Жена говоритъ: „мнѣ нужно дорогое платье и золотыя вещи, и сыновьямъ необходимы приличныя имъ и нарядныя одежды, и слугамъ надобны цвѣтныя и пестрыя одѣянія, и для стола потребно изобиліе“. И мужъ, выполняя такія распоряженіи жены, идетъ къ ростовщику; прежде нежели получить въ руки занятыя деньги, мѣняетъ одного на другаго многихъ владыкъ, непрестанно входя въ обязательство съ новыми заимодавцами, и непрерывностію сего зла избѣгаетъ обличенія въ недостаточности. И какъ одержимые водяною болѣзнію остаются въ той мысли, что они тучны: такъ и этотъ человѣкъ представляеъ себя богатымъ, непрестанно то занимая, то отдавая деньги, и новыми долгами уплачивая прежніе, такъ что самою непрерывностію зла пріобрѣтаетъ себѣ довѣріе къ полученію вновь. Потомъ какъ больные холерою, непрестанно извергая вонъ принятую имъ пищу, и прежде нежели желудокъ совершенно очищенъ, наполняя его новою пищею, опять подвергаются рвотѣ съ мучительною болью и судорогами: такъ и эти люди, мѣняя одинъ ростъ на другой, и прежде нежели очищенъ прежній долгъ, дѣлая новый заемъ, на нѣсколько времени повеличавшись чужимъ имуществомъ, впослѣдствіи оплакиваютъ собственное свое достояніе. Какъ многихъ погубило чужое добро! Какъ многіе, видѣвъ себя богатыми во снѣ, понесли ущербъ!

Но говорятъ, что многіе чрезъ долги разбогатѣли: а я думаю, что больше было такихъ, которые дошли до петли. Ты видишь разбогатѣвшихъ, а не считаешь удавившихся, которые, не терпя стыда подвергнуться взысканію долговъ, позорной жизни предпочли удавку и смерть. Видалъ я жалкое зрѣлище, какъ свободно рожденныхъ за отцовскіе долги влекли на торгъ для продажи. Ты не можешь дѣтямъ оставить денегъ? по крайней мѣрѣ не отнимай у нихъ и благородства. Сбереги для нихъ это одно достояніе—свободу, этотъ залогъ, полученный тобою отъ родителей. Никого никогда не винили за убожество отца, но отцовскій долгъ доводитъ до тюрьмы. Не оставляй по себѣ рукописанія, которое бы уподоблялось отеческой клятвѣ, переходящей на дѣтей и внуковъ.

Послушайте, богатые, какіе совѣты даемъ мы бѣднымъ, по причинѣ вашего безчеловѣчія,—лучше съ терпѣніемъ переносить другія бѣдствія, нежели тѣ, которыя бываютъ слѣдствіемъ роста. Но если бы вы повиновались Господу, то какая нужда была бы въ сихъ словахъ? Какой же совѣтъ даетъ Господь? Взаимъ дадите, отъ нихже не чаете восприяти (Лук. 6, 34, 35). Скажешь: какой же это заемъ, съ которымъ не сопряжена надежда возвращенія? Вникни въ силу реченія, и подивишься человѣколюбію Законодателя. Когда будешь давать бѣдному ради Господа; это будетъ и даръ и заемъ,—даръ, по безнадежности получить обратно,—заемъ, по великодаровитости Владыки, Который Самъ за него заплатитъ, и взявъ малость чрезъ бѣднаго, воздастъ за то великимъ. Ибо милуяй нища взаимъ даетъ Богови (Притч. 19, 17). Ужели не захочешь, чтобы общій всѣхъ Владыка принялъ на Себя отвѣтственность заплатить тебѣ? А ежели какой-нибудь богачъ въ городѣ обѣщается заплатить за другихъ, не примешь ли его поручительства? Но Бога не допускаешь платить за убогихъ? Отдай серебро, которое лежитъ у тебя напрасно, не отягощая бѣднаго приращеніями, и будетъ хорошо обоимъ,—тебѣ, потому что серебро сбережется въ безопасности, и взявшему у тебя, потому что онъ чрезъ употребленіе извлечетъ изъ него пользу А если домогаешься прибытка; то удовольствуйся тѣмъ, какой получишь отъ Господа. Онъ за бѣдныхъ заплатитъ и приращеніе. Отъ Того, Который подлинно человѣколюбивъ, ожидай человѣколюбія.

Если берешь съ бѣднаго, то сіе верхъ человѣконенавистничества. Ты изъ чужихъ несчастій извлекаешь прибыль; со слезъ собираешь деньги; душишь нагаго, бьешь голоднаго. У тебя нѣтъ жалости, нѣтъ и мысли о родствѣ съ страдальцемъ; и ты называешь человѣколюбивыми получаемые такимъ образомъ прибытки? Горе глаголющимъ горькое сладкое, и сладкое горькое (Иса. 5, 20), и называющимъ безчеловѣчіе человѣколюбіемъ. Не таково было гаданіе, которое Сампсонъ предлагалъ пирующимъ: отъ ядущаго изыде ядомое, и отъ крѣпкаго изыде сладкое (Суд. 14, 14), и отъ человѣконенавистника вышло человѣколюбіе. Не объемлютъ отъ тернія грозды, и отъ рѣпія смоквы, и отъ роста — человѣколюбія; всяко бо древо злое плоды злы творитъ (Матѳ. 7, 16. 17). Есть какіе-то ростособиратели то со ста, то съ десяти (и самыя названія ихъ страшно слышать), и какіе-то помѣсячные взыскатели, которые какъ бѣсы, производящіе падучую болѣзнь, по луннымъ кругообращеніямъ нападаютъ на бѣдныхъ. Худая для обоихъ уплата, и для дающаго, и для получающаго! У одного производитъ ущербъ въ деньгахъ, у другаго вредитъ самой душѣ. Земледѣлецъ, получивъ колосъ, не ищетъ опять подъ корнемъ сѣмени; а ты и плоды берешь, и не про-

щаешь того, съ чего получаешь ростъ. Ты безъ земли сѣешь; не сѣявъ жнешь. Неизвѣстно, кому собираешь. Есть проливающій слезы отъ роста,—это извѣстно; но кто воспользуется пріобрѣтеннымъ чрезъ это богатствомъ,—это сомнительно. Ибо неизвѣстно, не другимъ ли предоставишь употребленіе богатства, собравъ для себя одно зло неправды.

Итакъ, хотящаго заяти не отврати (Мате. 5, 42), и сребра твоего въ лихву не дай, чтобы, изъ Ветхаго и Новаго Завѣта научившись полезному, съ благою надеждою отойдти тебѣ ко Господу, и тамъ получить лихву добрыхъ дѣлъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на двадцат осмый псаломъ.

Псаломъ Давиду, исхода скиніи. Двадцат осмый псаломъ имѣетъ общее надписаніе; ибо сказано: Псаломъ Давиду. Но имѣетъ также и особенное; ибо присовокуплено: исхода скиніи. Что же это значитъ? Разберемъ, что такое исходъ, и что такое скинія, чтобы можно намъ было войдти въ намѣреніе псалма. Что касается до смысла историческаго, то кажется, что священникамъ и левитамъ, по совершеніи ими своего дѣла, давалось повелѣніе помнить, что они должны приготовить къ служенію. Ибо выходящихъ въ скиніи и оставляющихъ ее псаломъ учитъ, что имъ надлежитъ приготовить, и что имѣть при себѣ, когда прійдутъ въ слѣдующій разъ, а именно: принести сыны овни, славу и честь, славу имени Его; и знать, что нигдѣ не подобаетъ служить, какъ только во дворѣ Господнемъ, и на мѣстѣ Святыни. Что же касается до нашего ума, который созерцаетъ возвышенное, и высокимъ, приличнымъ Божію Писанію, разумѣніемъ усвояетъ намъ законъ; то представляется намъ слѣдующее: здѣсь разумѣется не овенъ, то есть мужескій полъ овецъ, не скинія, то есть храмина, сооруженная изъ неодушевленнаго вещества, не исходъ изъ скиніи, или удаленіе изъ храма, но сіе тѣло, которое есть для насъ скинія, какъ научилъ насъ Апостолъ, сказавъ: ибо сущіи въ скиніи сей[1]) воздыхаемъ (2 Кор. 5, 4); и еще Псаломъ: рана не приближится селенію твоему (Пс. 90, 10). А исходъ изъ скиніи есть отшествіе изъ сея жизни, къ которому Писаніе совѣтуетъ намъ приготовляться, чтобы принести въ даръ Господу то или другое; потому что здѣшнее дѣланіе служитъ напутствіемъ къ будущей жизни. И кто здѣсь добрыми дѣлами приноситъ славу и честь Господу, тотъ самъ себѣ сокровиществуетъ славу и честь во время праведнаго воздаянія Судіи.

---

[1]) По Славянскому переводу: въ тѣлѣ семъ.

Во многихъ спискахъ находимъ присовокупленныя слова: (1) принесите Господеви сынове Божіи. Ибо не отъ всякаго даръ благопріятенъ Богу, но только отъ того, кто приноситъ отъ чистаго сердца. Сказано: не чисты обѣты отъ мзды блудницы (Притч. 19, 13). И Іеремія также говоритъ: еда обѣты и мяса свиная отымутъ отъ тебѣ лукавства, или ты чрезъ нихъ будешь чистъ (Іер. 11, 15)? Посему псаломъ требуетъ, чтобы мы прежде всего стали сынами Божіими, и тогда уже приступали приносить дары Богу, и дары, не какіе случилось, но какіе Онъ Самъ повелѣлъ. Сперва скажи: Отче! А потомъ проси, что слѣдуетъ далѣе. Испытай самъ себя: какова доселѣ была жизнь твоя: достоинъ ли ты наименовать отцемъ своимъ Святаго Бога? Только чрезъ освященіе можно намъ вступить въ общеніе со Святымъ. Если желаешь всегда быть сыномъ Святаго, то пусть усыновитъ тебя Святыня. Посему принесите Господеви, не всякій, кто бы то ни былъ, и отъ кого бы кто ни происходилъ, но сынове Божіи. Онъ потребуетъ великихъ даровъ; потому избираетъ и великихъ приносителей. Чтобы не низринуть помысловъ твоихъ долу, и не заставить тебя искать овна, сего безсловеснаго, четвероногаго и блеющаго животнаго, въ надеждѣ умилостивить Бога сею жертвою; псаломъ говоритъ: принесите Господеви сынове Божіи. Не сынъ нуженъ и не то, чтобы ты принесъ самого сына; но если сынъ есть нѣчто великое; то прилично, чтобы и приносимое было велико и достойно какъ сыновняго расположенія, такъ и отцева достоинства.

Посему говоритъ: принесите сыны овни, дабы и приносимые сами перемѣнились, и изъ сыновъ овнихъ стали сынами Божіими. Овенъ есть животное начальственное; онъ водитъ овецъ на питательныя пажити. на мѣсто отдохновенія при водахъ, и обратно въ загоны и ограды. Таковы же нѣкоторые и предстоятели стада Христова; они приводятъ его къ доброцвѣтнымъ и благоуханнымъ снѣдямъ духовнаго ученія, по дару Духа орошаютъ живою водою, возвышаютъ, воспитываютъ до плодоношенія, указываютъ путь къ мѣсту упокоенія, къ пристанищу безопасному отъ навѣтующихъ. Посему слово хочетъ, чтобы ихъ сыны были приведены ко Господу сынами Божіими. Если же овны суть предводители прочихъ; то сынами ихъ будутъ тѣ, которые, по ученію предстоятелей, чрезъ попеченіе о добрыхъ дѣлахъ, образовали себя для жизни добродѣтельной. Принесите Господеви сынове Божіи, принесите Господеви сыны овни. Понялъ ли ты, къ кому обращена рѣчь? Понялъ ли, о комъ говорится?

Сказано: принесите Господеви славу и честь. Какъ же мы, земля и пепелъ, великому Господу приносимъ славу? Какъ приносимъ Ему честь?—Мы приносимъ славу добрыми дѣлами, когда дѣла

наши бываютъ свѣтлы предъ человѣками; и люди видятъ дѣла наши, и прославляютъ Отца нашего, который на небесахъ (Матѳ. 5, 16). А также можно прославить Бога цѣломудріемъ и святостію, къ какой обязаны давшіе обѣтъ благочестивой жизни, какъ увѣщаваетъ насъ Павелъ, говоря: прославите убо Бога въ членахъ вашихъ (1 Кор. 6, 20). Сей-то славы требуетъ Господь отъ вѣрующихъ въ Него и почтенныхъ даромъ сыноположенія; ибо говоритъ: Сынъ славитъ отца: и аще отецъ Азъ есмь, то гдѣ слава Моя (Мал. 1, 6)? А честь приноситъ Богу, по слову Притчи (3, 9), кто чтитъ Бога отъ праведныхъ своихъ трудовъ, и даетъ Ему начатки отъ плодовъ своей правды. Также всякій, кто богословствуетъ по предписанному, чтобы не отпасть отъ праваго разумѣнія объ Отцѣ и о Божествѣ Единороднаго, и о славѣ Св. Духа, приноситъ Господу славу и честь. Возвеличиваетъ же славу тотъ, кто можетъ показать законы, по которымъ все создано, по которымъ все содержится, по которымъ, послѣ здѣшняго домостроительства, все приведется на судъ Кто возмогъ самъ созерцать все въ подробности, въ ясныхъ и неслитныхъ представленіяхъ, и послѣ того, какъ самъ созерцалъ, можетъ и другимъ изобразить благость Божію и праведный судъ Его, тотъ приноситъ Господу славу и честь, равно какъ и тотъ, кто проводитъ жизнь, сообразную съ таковымъ созерцаніемъ; потому что свѣтъ его свѣтится предъ человѣками и Отецъ небесный прославляется отъ него, и словомъ, и дѣломъ, и всякаго рода доблестями. Но не приноситъ Господу славы и чести, кто пристрастенъ къ славѣ человѣческой, кто уважаетъ деньги, кто дорого цѣнитъ плотскія удовольствія, кто дивится ученіямъ чуждымъ благочестія: ибо какъ добрыми дѣлами приносимъ славу Господу, такъ худыми дѣлами производимъ противное.

Что говоритъ Господь грѣшникамъ? Имя Мое васъ ради хулится во языцѣхъ (Исаіи 52, 5). А Апостолъ говоритъ еще: преступленіемъ закона Бога безчествуеши (Рим. 2, 23). Ибо оскорбленіе законодателю—презрѣніе и пренебреженіе законовъ. Если въ домѣ худое устройство, потому что въ немъ гнѣвъ и крикъ, обида и смѣхъ, роскошь и расточительность, нечистота и наглость; то безчестіе и стыдъ за все происходящее въ домѣ падаетъ на владѣющаго имъ. Изъ сего да уразумѣемъ, что какъ добрыми дѣлами прославляется Богъ, такъ дѣлами порочными славится врагъ. Когда въземъ уды Христовы, сотворю уды блудничи (1 Кор. 15); тогда и слава отъ Спасшаго меня перенесена будетъ мною на погубившаго меня. И невѣрующій измѣняетъ славу нетлѣннаго Бога въ образъ тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногихъ, и гадъ земныхъ (Рим. 1, 23). Также воздающій честь и служащій

твари вмѣсто Творца приноситъ славу не Богу, но тварямъ. Посему, кто говоритъ, что тварь есть нѣчто, и кланяется ей, тотъ да знаетъ, куда будетъ вчиненъ жребій его. Итакъ, убоимся, чтобы, грѣхомъ своимъ доставляя славу и похваленіе діаволу, не подвергнуться намъ вѣчному съ нимъ стыду. А что грѣхъ нашъ обращается въ славу тому, кто внушаетъ его намъ, уразумѣй это изъ подобія. Два военачальника вступаютъ въ сраженіе. Когда побѣждаетъ одно войско, предводитель его пріобрѣтаетъ славу; а когда одерживаетъ верхъ противное войско, вся честь принадлежитъ полководцу сего другаго войска. Такъ въ добрыхъ дѣлахъ твоихъ прославляется Господь, а въ противныхъ противникъ. Не представляй, что враги далеко; и на военачальниковъ смотри не издали, но обрати взоръ на себя самого, и найдешь совершенную вѣрность подобія. Ибо когда умъ борется со страстію, и своимъ усиліемъ и внимательностію одерживаетъ верхъ; тогда торжествуетъ онъ побѣду надъ страстію, и успѣхомъ своимъ какъ бы увѣнчаваетъ самого Бога: а когда, ослабѣвъ, поддается сластолюбію, тогда, сдѣлавшись рабомъ и плѣнникомъ грѣховъ, доставляетъ врагу случай къ похвальбѣ, превозношенію и высокомѣрію.

(2) Поклонитеся Господеви во дворѣ святѣмъ Его. По принесеніи требуемыхъ плодовъ, нужно поклоненіе, поклоненіе, совершаемое не внѣ церкви, но въ самомъ дворѣ Божіемъ. Псаломъ говоритъ: не придумывайте особенныхъ дворовъ и сходбищъ. Святой дворъ Божій одинъ. Прежде дворомъ симъ была Іудейская Синагога; но послѣ того, какъ согрѣшили Іудеи противъ Христа, дворъ ихъ пустъ (Пс. 68, 26). Посему и Господь говоритъ: и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего (Іоан. 10, 16); и разумѣя тѣхъ, которые изъ язычниковъ предопредѣлены ко спасенію, показываетъ, что у Него есть собственный Свой дворъ, кромѣ двора Іудеевъ. Посему надобно поклоняться Богу не внѣ святаго двора сего, но находясь внутри его, чтобы оставаясь внѣ и увеселяясь внѣшнимъ, не потерять и права быть во дворѣ Господнемъ. Ибо многіе по наружности стоятъ на молитвѣ, но не суть во дворѣ, потому что мысль ихъ носится тамъ и здѣсь, и умъ развлеченъ суетою заботы. Но подъ дворомъ, въ смыслѣ болѣе возвышенномъ, можно еще разумѣть небесную обитель. Посему, которые здѣсь насаждени въ дому Господни, что есть Церковь Бога живаго, тѣ и тамъ во дворѣхъ Бога нашего процвѣтутъ (Псал. 9, 14). А кто боготворитъ чрево, или славу, или серебро, или другое что предпочитаемое имъ всему прочему, тотъ не поклоняется Господу, тотъ не во дворѣ святѣмъ, хотя бы и казался достойнымъ видимыхъ собраній.

(3) Гласъ Господенъ на водахъ. Во многихъ мѣстахъ найдешь употребленнымъ слово: гласъ. Посему, чтобы понять, что та-

кое *гласъ Господень*, не напрасно будетъ собрать намъ по возможности, что въ Божественномъ Писаніи сказано о гласѣ. Такъ въ пророчествѣ Аврааму: *и абіе гласъ бысть глаголющій: не будетъ сей наслѣдникъ твой* (Быт. 15, 4). Также при Моисеѣ: *и вси людіе зряху гласъ и свѣщи* (Исх. 20, 18). И еще у Исаіи: *гласъ вопіющаго: возопій* (Исаіи 40, 6). У насъ голосъ есть или сотрясенный воздухъ, или такое видоизмѣненіе въ положеніи воздуха, какое хочетъ сообщить ему издающій голосъ.—Что же такое *гласъ Господень*? Разумѣть ли сотрясеніе въ воздухѣ, или что сотрясенный воздухъ достигаетъ до слуха того, къ кому гласъ? Или не бываетъ ничего подобнаго, но гласъ сей совершенно инаго рода, и слышащимъ его представляетъ себя владычественное [1]) въ томъ человѣкѣ, которому Богъ хочетъ явить собственный Свой гласъ; такъ что представленіе сіе имѣетъ сходство съ тѣмъ, что бываетъ нерѣдко во снѣ? Ибо какъ безъ сотрясенія воздуха, вслѣдствіе представленій, бывающихъ во снѣ, удерживаемъ въ памяти нѣкоторыя слова и звуки, не чрезъ слухъ принявъ голосъ, потому что онъ напечатлѣнъ въ самомъ сердцѣ нашемъ; такъ чѣмъ-то подобнымъ сему должно представлять и тотъ гласъ, который бываетъ къ пророкамъ отъ Бога.

Гласъ Господень на водахъ. Если искать смысла чувственнаго; то поелику облака, когда они наполнены водою, сталкиваясь между собою, издаютъ звукъ и трескъ, и здѣсь сказано: *гласъ Господень на водахъ*. Но также, если бываетъ шумъ отъ водъ, разсѣкаемыхъ какими ни есть преградами, и если море, возмущаемое вѣтромъ, волнуется и издаетъ сильный звукъ; то сіи неодушевленныя вещества имѣютъ гласъ отъ Господа, по указанію Писанія, что всякая тварь едва не вопіетъ, возвѣщая о своемъ Создателѣ. И когда раздается громъ изъ облаковъ, не иное что должно представлять, а то, что *возгремѣ Богъ славы*, и что Господь Своею силою содержитъ влажное естество. *Господь на водахъ многихъ*. Изъ исторіи міротворенія знаемъ, что есть вода превыше небесъ, также вода бездны, и еще вода—собраніе морей. Кто же содержитъ воды сіи, и не попускаетъ имъ, по естественному ихъ стремленію, падать внизъ, кто, если не Господь, Который имѣетъ власть и надъ водами? А можетъ быть, что въ смыслѣ болѣе таинственномъ сказано: *гласъ Господень на водахъ*, когда при крещеніи Іисуса, былъ гласъ свыше: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. 3, 17). Ибо тогда былъ Господь *на водахъ многихъ*, освящая воды крещеніемъ, и *Богъ славы* велегласнымъ свидѣтельствомъ *возгремѣ* свыше. И крещаемымъ возгла-

[1]) Умъ.

шается оставленный Господомъ гласъ: ибо сказано: шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѳ. 28, 19). И такъ гласъ Господень на водахъ. Громъ составляется, когда сухой и сильный духъ, заключенный въ пустотахъ облака, съ напряженіемъ вращающійся по облачнымъ пустотамъ, ищетъ выхода вонъ. Облака, противящіяся сильному давленію, треніемъ о нихъ духа производятъ тотъ рѣзкій звукъ. А когда облака, какъ надутые пузыри, не возмогутъ противиться духу и удерживать его; тогда они, будучи сильно расторгаемы и пропуская духъ, стремящійся вонъ, производятъ громовые удары. Это же обыкновенно производитъ и молнію.

Итакъ Господь, сущій на водахъ и творящій великіе громовые удары, и въ нѣжномъ естествѣ воздуха производитъ такую чрезмѣрность треска. А тебѣ, и въ церковномъ смыслѣ, то сообщеніе догматовъ, которое по крещеніи съ Евангельскимъ громогласіемъ производится въ душахъ людей уже совершенныхъ таинствомъ, можно назвать громомъ. А что Евангеліе есть громъ, это доказываютъ ученики, переименованные Господомъ и названные сынами громовыми. Посему не во всякомъ раздается гласъ таковаго грома, но развѣ кто достоинъ именоваться колесомъ; ибо сказано: гласъ грома твоего въ колеси (Псал. 76, 19); развѣ кто простирается впередъ, какъ колесо, малою частію касается земли, и совершенно таковъ, каково было колесо, о которомъ сказалъ Іезекіиль: и видѣхъ, и се коло едино на земли держащееся животныхъ четырехъ. И видѣніе колесъ, и сотвореніе ихъ, яко видѣніе Ѳарсиса (Іез. 1, 15. 16).

Итакъ Богъ славы возгремѣ, Господь на водахъ многихъ. Воды — это святые; потому что изъ чрева ихъ текутъ рѣки, то есть духовное ученіе, напоющее души слушающихъ (Іоан. 7, 38). И еще: они пріемлютъ въ себя воду текущую въ животъ вѣчный, которая въ хорошо пріявшихъ дѣлается источникомъ воды текущія въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 14). И на таковыхъ водахъ — Господь. Припомни исторію Иліи, егда небо заключися лѣта три мѣсяцъ шесть (Лук. 4, 25), когда, во время ясной погоды, на вершинѣ Кармила услышалъ онъ голосъ водъ многихъ, а за симъ послѣдовало и то, что громъ былъ изъ облаковъ, и потекла вода (3 Цар. 18, 42—45). Итакъ Господь на водахъ многихъ.

(4) Гласъ Господень въ крѣпости. Какъ бываетъ гласъ въ колеси; такъ гласъ Господень состоитъ въ крѣпости, ибо кто вся можетъ о укрѣпляющемъ Христѣ (Фил. 4, 13), тотъ слышитъ и исполняетъ заповѣди Господни. Посему гласъ Господень не въ не-

мощной и разслабленной душѣ, но въ той, которая съ напряженіемъ и крѣпостію творитъ добро.

Гласъ Господень въ великолѣпіи. Великолѣпіе есть доблесть особенно великая. Посему кто съ благоприличіемъ совершаетъ все, что входитъ въ какое нибудь великое дѣяніе, тотъ называется великолѣпнымъ. Когда душа не будетъ раболѣпствовать мудрованію плоти, но въ сознаніи того, что дано ей отъ Бога, воспріемлетъ приличныя ей величіе и достоинство; тогда въ ней гласъ Господень. Кто имѣетъ не тѣсныя понятія о Богѣ, кто съ высокой точки зрѣнія изслѣдовалъ законы тварей, возмогъ, по крайней мѣрѣ нѣсколько, постигнуть благость Божія Промысла, и сверхъ того не щадитъ издержекъ, но щедръ, когда потребно исправить нужды братій; тотъ великолѣпенъ. И въ таковыхъ вселяется гласъ Господень. Ибо въ подлинномъ смыслѣ великолѣпный презираетъ все телѣсное, признавая оное не имѣющимъ никакой цѣны въ сравненіи съ невидимымъ. Того, кто великолѣпенъ, никакое обстоятельство не оскорбитъ; вообще, никакое страданіе его не возмутитъ; проступки людей негодныхъ и презрѣнныхъ не приведутъ его въ движеніе; нечистота плоти не унизитъ его; онъ недоступенъ унизительнымъ страстямъ, которыя не могутъ возвесть на него очей, по причинѣ высоты его мыслей. Приписывается же и Богу нѣкоторое великолѣпіе; напримѣръ: взятся великолѣпіе Твое превыше небесъ (Псал. 8, 2). Посему тѣ, которые имѣютъ о Богѣ великія представленія, превозносятъ Его великолѣпіе.

(5) Гласъ Господа сокрушающаго кедры. Кедръ иногда похваляется въ Писаніи, какъ дерево долговѣчное, не подверженное гніенію, благовонное, годное служить покровомъ; а иногда порицается, какъ дерево безплодное, съ трудомъ сгибаемое, и потому употребляемое, въ подобіе нечестиваго; видѣхъ нечестиваго превозносящася, и высящася, яко кедры Ливанскія (Псал. 36, 35). Въ послѣднемъ значеніи взятъ кедръ и теперь. Ибо гласъ Господень сокрушаетъ кедры. Какъ гласъ сей бываетъ въ душѣ великолѣпной, такъ говорится, что онъ сокрушаетъ всуе надмевающихся, превозносящихся мнимыми преимуществами міра сего, богатствомъ, или славою, или властію или тѣлесною красотою, или силою, или крѣпостію.

И стрыетъ Господь кедры Ливанскія. Кто, захвативъ чужое, обращаетъ это для себя въ предметъ похвальбы, тотъ кедръ Ливанскій. Какъ кедры, сами по себѣ высокіе, стоя на высокой горѣ, отъ высоты ея дѣлаются еще виднѣе; такъ и эти люди, опираясь на томъ, что есть тлѣннаго въ мірѣ, по высокомѣрію и киченію ума дѣлаются кедрами. Называются же кедрами Ливанскими, потому что гордятся чу-

могутъ вредить пресмыкающіяся; но, какъ говорятъ естествонаблюдатели, съѣденная имъ ехидна служитъ для него очищеніемъ. А всѣ ядовитыя животныя берутся въ изображеніе злыхъ и противныхъ силъ, какъ говоритъ Господь: даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію (Лук. 10, 19), и какъ еще Псаломъ обѣщаетъ Пророку: на аспида и василиска наступиши (Псал. 90, 13). Посему, когда слышишь въ Писаніи имя оленя, необходимо искать въ словѣ изображенія чего-то лучшаго. Ибо горы высокія еленемъ (Псал. 103, 18), и: желаетъ елень на источники водныя (Псал. 41, 2). Но и всякій праведникъ имѣетъ пребываніе въ вышнихъ, къ намѣренному гоня, къ почести вышняго званія (Филип. 3, 14), и прибѣгаетъ къ удобопіемымъ источникамъ, ища первыхъ началъ богословія. Олень же дыханіемъ своимъ извлекаетъ ядовитыхъ гадовъ, кроющихся въ гнѣздахъ, и силою сего дыханія заставляетъ выходить изъ изъ убѣжищъ. Посему святый, какъ именуется орломъ за свою превыспренность и большею частію отдѣленность отъ земли, овцею — за кротость и готовность дѣлиться всемъ, что имѣетъ, овномъ — то, что предводитъ другихъ, голубицею — за незлобіе, такъ и оленемъ — за противодѣйствіе злу. Посему и Соломонъ говоритъ: елень любве и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуютъ тебѣ (Притч. 5, 19); а симъ даетъ намъ разумѣть, что упомянутые теперь олени способны къ ученію богословія. Гласъ Господень свершающій елени. Посему когда увидимъ какого либо Божія человѣка совершеннаго и во всемъ преуспѣвшаго, будемъ усильно искать пользы въ бесѣдахъ съ нимъ! Гдѣ есть олень, оттуда прогоняется всякая пресмыкающаяся злоба; потому что ядовитые гады не терпятъ запаха сего животнаго, бѣгутъ даже и оттуда, гдѣ есть запахъ оленьихъ роговъ.

И открыетъ дубравы. Сперва гласъ Господень свершаетъ елени, а потомъ открываетъ дубравы — мѣста заросшія деревами, покрытыя чащами дикихъ и безплодныхъ растеній, куда преимущественно привыкли убѣгать ядовитые гады. Поелику же олень, свершаемый Господомъ, уже пріуготованъ, то уподобляемый ему праведникъ открываетъ дубравы, чтобы преданы были обнаженные и уготованные растлители нашей жизни. И какъ всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ сѣкирою, и во огнь вметаемо (Мат. 3, 10); то по необходимости очищаются дубравы — тѣ огрубѣлыя души, въ которыхъ, какъ дикія животныя, гнѣздятся различныя грѣховныя страсти, очищаются же словомъ, которое есть острѣйше паче всякаго меча обоюду остра (Евр. 4, 12). Поелику же у многихъ изъ людей, обремененныхъ

житейскими заботами, души подобны землѣ, приносящей терніе, и оно не позволяетъ душѣ питаться въ плодоношеніе слова; то Господь открываетъ дубравы, то есть неприличіе, непристойность и вредъ заботъ сей жизни, чтобы, когда откроется мѣсто добру и злу, люди не имѣли, по невѣдѣнію, превратныхъ сужденій о вещахъ. Ибо многіе и добро, когда оно трудно, почитаютъ зломъ, а за худымъ гоняются, какъ за добрымъ, по причинѣ соединеннаго съ нимъ удовольствія. И заблужденіе людей въ такихъ дѣлахъ неописанно. Потому къ роду благъ принадлежатъ дерева плодоносныя и всѣ кедры, и ими означается нѣчто похвальное; а къ роду золъ — дубравы, которыя открываетъ и обнаруживаетъ гласъ Божій, чтобы не обманывались думающіе найдти въ нихъ какой либо полезный плодъ.

И въ храмѣ Его всякій глаголетъ славу. Да слышатъ слова Псалма, и да стыдятся тѣ, которые предаются многоглаголанію. Что говоритъ Псаломъ? Кто во храмѣ Божіемъ, тотъ не злословитъ и возвѣщаетъ не суету, не что либо исполненное срама; но во храмѣ Его всякій глаголетъ славу. Здѣсь стоятъ святые Ангелы и записываютъ твои слова; здѣсь Самъ Господь, и назираетъ расположеніе входящихъ. Молитва каждаго открыта предъ Богомъ; Ему открыто, кто по расположенію, кто разумно проситъ небеснаго, кто только для вида, одними краями устъ, выговариваетъ слова, а сердце его далеко отстоитъ отъ Бога; кто хотя и молится, но проситъ здоровья тѣлеснаго, плотскаго богатства, человѣческой славы. Ни о чемъ же подобномъ не должно молиться, какъ научаетъ Псаломъ; но во храмѣ Его всякій глаголетъ славу. Небеса повѣдаютъ славу Божію (Псал. 18, 2). Занятіе Ангеловъ — славословить Бога. Для всего небеснаго воинства одно дѣло — возсылать славу Создателю. Всякая тварь, и безмолвная и вѣщающая, и премірная и земная, славитъ Создавшаго. А жалкіе люди, оставивъ домы и стекшись въ храмы, чтобы получить тамъ нѣкоторую пользу, не преклоняютъ слуха къ словесамъ Божіимъ, не приходятъ въ сознаніе своей природы. Не скорбятъ о томъ, что ими обладаетъ грѣхъ, не скорбятъ, приводя себѣ на память грѣхи свои, не трепещутъ суда, но, съ улыбкою простирая другъ къ другу руки, домъ молитвы дѣлаютъ мѣстомъ длинныхъ бесѣдъ, не внимая Псалму, который свидѣтельствуетъ и говоритъ, что въ храмѣ Божіемъ всякій глаголетъ славу. А ты не только самъ не глаголешь славы, но и другому служишь препятствіемъ, обращая его вниманіе на себя, и своимъ шумомъ заглушая ученіе Духа. Смотри, вмѣсто того, чтобы получить награду за славословіе, не выйди отсюда осужденнымъ вмѣстѣ съ хулящими имя Божіе. У тебя есть Псаломъ, есть пророчество, Евангельскія заповѣди, Апостольскія проповѣди. Пусть поетъ языкъ; пусть умъ изыскиваетъ смыслъ

сказаннаго, чтобы воспѣть тебѣ духомъ, воспѣть же и умомъ. Богъ не требуетъ славы, но хочетъ, чтобы ты сталъ достоинъ прославленія. Посему еже сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ (Галат. 6, 7). Посѣй славословіе, чтобы пожать себѣ вѣнцы, и почести, и похвалы въ царствѣ небесномъ. Сіе не безъ пользы сказано мною, въ видѣ отступленія, на слова: во храмѣ Его всякій глаголетъ славу; потому что есть люди, которые во храмѣ Божіемъ непрестанно пустословятъ, и безъ пользы ходятъ во храмъ. И хорошо еще, если безъ пользы, а не со вредомъ!

(10) Господь потопъ населяетъ. Потопъ есть разлитіе воды, которая дѣлаетъ невидимыми всѣ вещи, и очищаетъ, что прежде было осквернено. Посему потопомъ Пророкъ называетъ благодать Крещенія, чтобы душа, омытая отъ грѣховъ и очищенная отъ ветхаго человѣка, содѣлалась, наконецъ, способною стать Божіею обителію въ Духѣ. Согласно же съ симъ сказанное и въ тридцать первомъ Псалмѣ, гдѣ послѣ словъ: беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ; за то помолится къ Тебѣ всякъ преподобный, Пророкъ присовокупилъ: обаче въ потопѣ водъ многихъ къ нему не приближатся (Псал. 31, 5. 6); ибо не приближатся грѣхи къ принявшему крещеніе отпущенія грѣхопаденій водою и Духомъ. Близко къ сему и то, что находимъ въ пророчествѣ Михея: яко Волитель милости есть, Той обратитъ и помилуетъ ны, погрузитъ грѣхи наша, и ввержетъ во глубины морскія (Мих. 6, 19).

И сядетъ Господь Царь во вѣкъ. Богъ, утвердившись въ душѣ просвѣтленной потопомъ, дѣлаетъ ее какъ бы престоломъ Своимъ.

(11) Господь крѣпость людемъ Своимъ дастъ, Господь благословитъ люди Своя миромъ. Отъ народа грѣшнаго Господь отъиметъ крѣпкаго и крѣпкую (Исаіи 3, 11), а народу творящему правду дастъ крѣпость. Посему имущему вездѣ дано будетъ (Матѳ. 25, 29). А кто пріобрѣлъ силы къ совершенію добрыхъ дѣлъ, тотъ дѣлается достойнымъ Божія благословенія. Но миръ, какъ благоустройство владычественнаго въ человѣкѣ, кажется мнѣ, есть совершеннѣйшее изъ благословеній; почему однимъ изъ признаковъ мирнаго мужа полагается умѣреніе нрава; боримый же страстями не причастенъ мира Божія, какой даровалъ Господь ученикамъ Своимъ, и который, какъ превосходяй всякъ умъ, соблюдетъ души достойныхъ (Филипп. 4, 7). Сего-то мира и Апостолъ испрашиваетъ Церквамъ, говоря: благодать вамъ и миръ да умножится (1 Петр. 1, 2). О если бы и намъ, добрѣ подвизавшись, и низло-

живъ мудрованіе плотское, которое есть вражда на Бога (Рим. 7, 7), когда душа прійдетъ въ спокойное и безмятежное состояніе, наименоваться сынами мира и въ мирѣ пріобщиться Божія благословенія, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда на двадцать девятый псаломъ.

(1) Псаломъ пѣсни, обновленія дому Давидова. Составъ тѣла, въ переносномъ смыслѣ, есть псалтирь и органъ, мусикійски настроенный для хвалебныхъ пѣснопѣній Богу нашему; тѣлесныя же дѣйствія, совершаемыя во славу Божію, когда, подъ управленіемъ благонастроеннаго ума, не допускаемъ ничего нестройнаго въ движеніяхъ своихъ, составляютъ псаломъ; а что соединено съ выспреннимъ созерцаніемъ и богословіемъ, то есть пѣснь. Посему псаломъ есть музыкальная рѣчь, когда, по законамъ гармоніи, мѣрно ударяютъ въ органъ; а пѣснь есть стройный голосъ, выводимый гармонически и взятый отдѣльно отъ звуковъ органа. Такъ какъ здѣсь написано: Псаломъ пѣсни, то думаемъ, что въ сихъ словахъ разумѣется дѣйствіе, сообразное съ созерцаніемъ.

Но сей Псаломъ пѣсни, по надписанію, содержитъ въ себѣ какую-то рѣчь объ обновленіи дома. И кажется, что, въ смыслѣ вещественномъ, псаломъ сей, пѣтый подъ звуки псалтиря, указывалъ на знаменитый храмъ, воздвигнутый во времена Соломона; а въ смыслѣ духовномъ онъ означаетъ воплощеніе Бога Слова; и надписаніе Псалма указываетъ на обновленіе Его дома, новымъ и необыкновеннымъ образомъ устроеннаго. Ибо находимъ, что въ псалмѣ семъ многое возвѣщено отъ лица Господня. Или, можетъ быть, подъ домомъ прилично будетъ разумѣть созданную Христомъ Церковь, какъ и Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею пишетъ: да увѣси, какъ подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива (1 Тим. 3, 15). Подъ обновленіемъ же Церкви должно разумѣть обновленіе ума, совершаемое Духомъ Святымъ въ каждомъ изъ восполняющихъ тѣло Церкви Христовой. И Псаломъ сей есть божественная и мусикійская гармонія; онъ содержитъ въ себѣ слова, не слухъ увеселяющія, но низлагающія и укрощающія лукавыхъ духовъ, которые смущаютъ души, подверженныя ихъ нападеніямъ.

(2) Вознесу Тя Господи, яко подъялъ мя еси, и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ. Какимъ же образомъ Обитающій въ вышнихъ можетъ быть вознесенъ получившими въ удѣлъ страну низкую? Ежели Богъ на небеси—горѣ, а ты на землѣ—долу; то какъ вознесешь Бога? И такъ что же означаетъ у Пророка такое обѣщаніе? Не то ли разумѣется, что возносятъ Бога способные со-

ставить о Немъ великія и достолѣпныя понятія, живущіе во славу Божію? Посему разумно поспѣшающій къ блаженству возноситъ Бога; а идущій противоположнымъ путемъ (невозможно и выразить въ какой степени) унижаетъ Бога. Да и всякое состояніе, соотвѣтствующее нашимъ дѣламъ, мы какъ бы переносимъ на самого Бога. Посему, когда мы нерадивы и медленно дѣйствуемъ, говорится, что Богъ спитъ, почитая насъ недостойными бодрственнаго Своего надъ нами надзора. А какъ скоро, почувствовавъ вредъ отъ сна, скажемъ: воскресни, вскую спиши, Господи? (Псал. 43, 24); не воздремлетъ, ниже уснетъ Храняяй Израиля (120, 4). А другіе какъ бы отвращаютъ отъ себя очи Божіи; потому что дѣлаютъ постыдное и недостойное очей Божіихъ. Раскаявающіеся же говорятъ: вскую лице Твое отвращаеши? И кромѣ сихъ есть еще изринутые изъ памяти Божіей и какъ бы производящіе въ Богѣ забвеніе о нихъ. Таковые говорятъ: забываеши нищету нашу и скорбь нашу (Псал. 43, 25). И вообще, что говорится о Богѣ человѣкообразно, то производятъ люди, дѣлая для себя Бога такимъ, какимъ каждый самъ себя предуготовилъ. И такъ вознесу Тя Господи, яко подъялъ мя еси, и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ. Не потерплю въ жизни моей ничего низкаго, ничего презрѣннаго. И откуда во мнѣ сила возносить? Потому имѣю ее, что Ты предварительно подъялъ мя еси. Выразительно сказалъ Пророкъ: подъялъ мя еси, вмѣсто: вознесъ меня и поставилъ выше возстающихъ на меня. Ты подъялъ, какъ иный, поднявъ рукою отрока, не умѣющаго плавать, ведетъ его на верхъ воды. Почему кто, при помощи Божіей, возсталъ отъ паденія, тотъ обѣщаетъ Богу возношеніе добрыми дѣлами. Или — Ты подъялъ, какъ иный, ослабѣвающаго борца поддержавъ въ минуту паденія и сдѣлавъ сильнѣе соперника, доставляетъ ему случай побѣдить, а противника лишаетъ радости объ его паденіи. Но не скорби, для испытанія посылаемыя святымъ, доставляютъ веселіе невидимымъ врагамъ нашимъ; напротивъ того, когда падаемъ подъ тяжестію скорбей, и отъ утомленія многочисленными бѣдствіями разсудокъ нашъ приходитъ въ недоумѣніе, они веселятся, рукоплещутъ и радуются. Такъ было съ Іовомъ. Онъ потерялъ имѣніе, лишился дѣтей, плоть его воскипѣла гноемъ и червями; но и это—не веселіе врагу! Если бы онъ, уступивъ бремени несчастій, по совѣту жены сказалъ какое-нибудь хульное слово; то враги возвеселились бы о немъ. Когда и Павелъ терпѣлъ голодъ и жажду, наготу и побои, трудился и скитался (Кор. 4, 11); врагъ не веселился, а напротивъ того сокрушался, видя, что такъ онъ переноситъ подвигъ и съ презрѣніемъ ко врагу говоритъ; кто ны разлучитъ отъ любве Христовой (Римл. 8, 35)?

(3) Господи Боже мой, воззвахъ къ Тебѣ, и

исцѣлилъ мя еси. Блаженъ, кто знаетъ внутреннюю язву свою, можетъ прійдти ко Врачу и сказать: исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя (Псал. 6, 3), и: азъ рѣхъ: Господи помилуй мя, исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ Ти (Псал. 40, 2). Но здѣсь Пророкъ приноситъ благодареніе за поданное ему исцѣленіе: ибо говоритъ: Господи Боже мой. Богъ есть Богъ не всѣхъ, но только тѣхъ, которые по любви стали Ему Свои; Онъ Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль (Исх. 4, 4). Если бы былъ Богъ всѣхъ; то не присвоилъ бы сего имъ исключительно. И еще Іаковъ говоритъ: поможе тебѣ Богъ мой (Быт. 49, 25). И Ѳома, по удостовѣреніи своемъ объемля Владыку, говоритъ: Господь мой и Богъ мой (Іоан. 20, 28). И такъ воззваніе: Господи Боже мой излилось у Пророка изъ сердца, и прилично его состоянію. Воззвахъ къ Тебѣ, и исцѣлилъ мя еси. Не было промежутка между моимъ воззваніемъ и Твоею благодатію; едва возлагалъ я, какъ и пришло исцѣленіе; ибо сказано: еще глаголющу ти, реку: се пріидохъ (Иса. 58, 9). Посему молящійся Богу долженъ говорить не маловажное, чтобы пришло къ намъ скорое исцѣленіе.

(4) Господи, возвелъ еси отъ ада душу мою. За такое исцѣленіе благодаритъ Бога нисшедшій отъ изнеможенія во адъ, но возведенный изъ ада силою Того, Кто за насъ преоборолъ имущаго державу смерти (Евр. 2, 14).

Спаслъ мя еси отъ нисходящихъ въ ровъ. Часто рвами называются подземелья, устроенныя для содержанія въ нихъ узниковъ; такъ какъ сказано въ книгѣ Исхода: отъ первенца Фараонова до первенца плѣнницы, яже въ ровѣ (Исх. 12, 29). Да и Іеремію ввергли въ ровъ, и Іосифа братья по ненависти заключили во рвѣ, не имѣющемъ воды. Но всякій поступокъ, или низводитъ насъ долу, отягчая грѣхомъ, или возноситъ горѣ, окриляя насъ къ Богу. Посему ты спасъ меня, который доселѣ велъ порочную жизнь, и спасъ, отдѣливъ отъ нисходящихъ въ мѣсто потемненное и холодное. То же значатъ слова: подъялъ мя еси, то есть удержалъ меня отъ стремленія долу, чтобъ не дать случая порадоваться врагамъ моимъ. Какъ въ другомъ сказалъ: совершаяй нозѣ мои яко елени, и на высокихъ поставляяй мя (Псал. 17, 34); такъ здѣсь возвращеніе вверхъ именуетъ освобожденіемъ изъ рва и подъятіемъ.

(5) Пойте Господеви преподобніи Его. Не всякій тотъ поетъ Господеви, кто произноситъ устами слова Псалма, но всѣ, которые отъ чистаго сердца возсылаютъ псалмопѣнія, всѣ, которые преподобны и хранятъ правду предъ Богомъ, всѣ таковые могутъ пѣть

Богу, вѣрно соблюдая духовные размѣры. Сколь многіе пришли сюда, сдѣлавъ блудъ! Сколь многіе скрываютъ въ сердцѣ обманъ или ложь! Они представляютъ себя поющими, но не поютъ въ дѣйствительности. Ибо Псаломъ приглашаетъ къ псалмопѣнію преподобнаго. Не можетъ древо зло плоды добры творити (Матѳ. 7, 18), и порочное сердце износить изъ себя слова жизни. Посему сотворите древо добро, и плоды его добры (Матѳ. 12, 33). Очистите сердца, чтобы плодоносить Духу и, ставъ преподобными, прійдти въ состояніе разумно пѣть Господу.

И исповѣдайте память святыни Его. Не сказалъ: исповѣдайте святыню Его, но: память святыни Его; то есть благодарите. Ибо здѣсь исповѣданіе берется вмѣсто благодаренія. Посему благодарите, что имѣете память святыни Его вы, которые прежде, погрузившись во грѣхѣ и осквернившись нечистотами плоти, дошли до забвенія святыни Сотворившаго васъ. А для исходатайствованія прощенія за грѣхи, исповѣдайтесь въ томъ, что учинено вами не здраваго.

(6) Яко гнѣвъ въ ярости Его, и животъ въ воли Его. Сперва напомянулъ грозно: гнѣвъ ярости Божіей, потомъ радостное: животъ въ воли Его. Неспособнымъ доходить до точности назначеній кажется тождесловіемъ сказанное у Пророка яко гнѣвъ въ ярости Божіей; потому что гнѣвъ и ярость по ихъ мнѣнію одно и то же; но въ сихъ словахъ весьма большое различіе. Ярость (θυμός) означаетъ опредѣленіе наложить извѣстное наказаніе на достойнаго; а гнѣвъ (ὀργή) означаетъ уже трудъ и наказаніе, наложенное Праведнымъ Судіею по мѣрѣ неправды. Но изъ примѣра яснѣе будетъ, что разумѣю. Врачъ, примѣтивъ воспаленіе и опухоль въ членѣ, призналъ необходимымъ для больнаго отнять сей членъ. Писаніе называетъ это яростію. За сужденіемъ врача о помощи больному слѣдуетъ уже самое дѣйствіе, которымъ приводится въ исполненіе, что врачъ присудилъ; приносится острое орудіе, отъемлющее членъ, и причиняющее боль тому, у кого онъ отъемлется. Это называется гнѣвомъ Божіимъ. Обратись теперь къ предложенному и найдешь послѣдовательность мысли. Яко гнѣвъ въ ярости Его. Наказаніе по праведному суду Божію. А животъ въ воли Его. Итакъ что говоритъ Псаломъ? Богъ хочетъ, чтобы всѣ были причастными жизни Его. Бѣдствія же не волею Его производятся, но навлекаются достоинствомъ согрѣшившихъ. Посему Богъ каждому даруетъ жизнь по собственному хотѣнію; но каждый самъ себѣ собираетъ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія и праведнаго суда Божія (Римл. 2, 5). Писанію же обычно предпоставлять печальное радостному; потому что наслажденіе пріятнѣе, когда предшествовало ему скорбное. Ибо сказано: Азъ убію, и жити со-

творю, — благодѣяніе послѣ наказанія. Поражу, и Азъ исцѣлю (Втор. 32, 39). Самъ причиняетъ скорбь, и Самъ опять возстановляетъ; Онъ поразилъ, и Его же руки исцѣлили. Огорчающее предшествуетъ, чтобы прочнѣе были для насъ благодѣянія; ибо въ такомъ случаѣ болѣе заботимся о сохраненіи дарованнаго.

Вечеръ водворится плачъ, и заутра радость. Вспомни время страданія Господня, и найдешь значеніе сихъ словъ. Вечеромъ водворялся плачъ у учениковъ Господнихъ, когда видѣли Его висящимъ на крестѣ; а заутра радость, когда по воскресеніи бѣжали съ радостію другъ другу благовѣствуя, что видѣли Господа. Или, можетъ быть, и вообще вечеромъ называется вѣкъ сей, въ которомъ блаженно плачущіе утѣшатся при наступленіи утра. Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся (Матѳ. 5, 5). Блажени плачущіи, яко тіи возсмѣются (Лук. 6, 20). Посему, кто дни вѣка сего, уже скончавшагося къ своему западу, проводитъ въ оплакиваніи своихъ грѣховъ, тотъ возрадуется при наступленіи истиннаго онаго утра; ибо сѣющіи слезами нынѣ, радостію пожнутъ (Пс. 125, 5), очевидно, въ будущемъ вѣкѣ.

(7) Азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Какъ множество продаваемаго на рынкѣ составляетъ обиліе города; и ту страну называемъ обильною, которая приноситъ много плодовъ: такъ и въ душѣ есть нѣкоторое обиліе, когда она исполнена всякаго рода дѣлами. Надобно, чтобы и она сперва была тщательно воздѣлана, потомъ напоена обильными потоками небесныхъ водъ; тогда можетъ приносить плодъ на тридесять, и на шестьдесятъ, и на сто (Марк. 4, 20), и сподобиться слѣдующаго благословенія благословены житницы твои и останцы твои (Втор. 28, 5). Посему чувствующій свою твердость съ увѣренностію скажетъ и подтвердитъ, что его не искоренитъ противникъ, какъ полную ниву, которую благословилъ Господь.

(8) Господи, волею Твоею подаждь добротѣ моей силу. Трудившіеся надъ изслѣдованіемъ ученія о добродѣтели говорили, что однѣ добродѣтели составляются изъ умозрѣнія, а другія неумозрительны: такъ благоразуміе составляется изъ умозрѣній при разсужденіи о добрѣ и злѣ; цѣломудріе—изъ умозрѣній о томъ, что должно избирать и чего избѣгать; справедливость — изъ умозрѣній объ усвояемомъ и неусвояемомъ; мужество—изъ умозрѣній о страшномъ и нестрашномъ. Но красота и крѣпость суть добродѣтели неумозрительныя, слѣдующія за тѣми, которыя изъ умозрѣнія; ибо нѣкоторые изъ мудрыхъ красоту находили въ соразмѣрности и стройности душевныхъ умозрѣній, а крѣпость усматривали въ окончательномъ произведеніи положеннаго въ насъ до-

добродѣтелями умозрительными. Впрочемъ, чтобы въ душѣ были красота, и сила производить должное, для сего имѣемъ мы нужду въ Божіей благодати. Посему какъ выше сказалъ, что животъ въ воли Его, такъ теперь благодарственно превозносить Бога, говоря: волею Твоею подаждь добротѣ моей силу. Хотя прекрасенъ былъ я по природѣ, но сталъ немощенъ, потому что умерщвленъ грѣхомъ, по злоумышленію змія. Посему Ты къ добротѣ моей, какую я получилъ отъ Тебя при первомъ устроеніи, присовокупилъ и силу исполнять должное. Прекрасна всякая душа, въ которой созерцается соразмѣрность свойственныхъ ей силъ; но истинная и вожделѣннѣйшая красота, созерцаемая только имѣющими очищенный умъ, принадлежитъ Божію и блаженному естеству. Кто внимательно устремляетъ взоръ на сіяніе и изящество сей Красоты, тотъ заимствуетъ отъ Нея нѣчто, какъ бы отъ красильнаго раствора, на собственное свое лице наводя какіе-то цвѣтные лучи. Почему и Моисей, содѣлавшись причастникомъ оной Красоты во время собесѣдованія съ Богомъ, имѣлъ прославленное лице. Посему чувствующій свою добродѣтель издаетъ сей благодарственный гласъ: Господи, волею Твоею добротѣ моей подаждь силу. Но какъ за умозрительными добродѣтелями слѣдуютъ неумозрительные, красота и сила; такъ есть и пороки неумозрительные, безобразіе и безсиліе. Ибо что неблагообразнѣе и отвратительнѣе души, преданной страстямъ? Посмотри на гнѣвнаго и на примѣчаемую въ немъ дикость! Разсмотри скорбящаго, униженіе и упадокъ его души! А кто подпалъ сладострастію и чревоугодію, кто внѣ себя отъ страха, на того согласится ли кто и смотрѣть? Въ нихъ душевное расположеніе выступаетъ на самыя оконечности тѣла; равно какъ и слѣды душевной красоты бываютъ видимы во внѣшности святаго мужа. И такъ намъ должно заботиться о сей красотѣ, чтобы Женихъ-Слово, срѣтивъ насъ, сказалъ: вся добра еси ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ (Пѣсн. Пѣсн. 4, 7).

Отвратилъ же еси лице Твое, и быхъ смущенъ. Пока лучи Твоего посѣщенія, говоритъ Пророкъ, осіявали меня, я проводилъ жизнь въ непоколебимомъ и безмятежномъ состояніи. Но когда отвратилъ еси лице Твое; тогда обличилось страстное и смущенное положеніе души. Говорится же о Богѣ, что Онъ отвращаетъ лице Свое, когда подвергшагося искушеніямъ оставляетъ во время тѣсныхъ обстоятельствъ, чтобы сдѣлалась извѣстною крѣпость подвизающагося. Посему, если миръ превосходяй всякъ умъ соблюдетъ сердца наши (Филип. 4, 7); то возможемъ избѣжать смущенія и слитности страстей. И такъ, поелику волѣ Божіей противополагается отвращеніе, а красотѣ изяществу и силѣ — смущеніе; то значитъ.

что смущеніе есть безобразіе и безсиліе души вслѣдствіе отчужденія отъ Бога. Будемъ же непрестанно молиться, чтобы осіявало насъ лице Божіе, чтобы намъ быть въ священнолѣпномъ состояніи, кроткими и ничѣмъ не смущенными, по готовности нашей къ добру! Ибо сказано: уготовахся и не смутихся (Псал. 118, 60).

(9) Къ Тебѣ Господи воззову, и къ Богу моему помолюся. Многократно говорится о взываніи ко Господу; потому что взывать свойственно только желающему великаго и небеснаго. А кто проситъ у Бога малаго и земнаго, тотъ употребляетъ слабый и низкій голосъ, который не достигаетъ въ высоту и не доходитъ до слуха Господня.

(10) Кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе? Для чего, говоритъ, взывалъ я? для чего молился Тебѣ, Господу моему и Богу моему? Что мнѣ пользы въ благосостояніи плоти и во множествѣ крови, когда она, если еще не повредилась, будетъ предана общему разрушенію тѣла? Но умерщвляю тѣло мое и порабощаю (1 Кор. 9, 27), чтобы, когда кровь во мнѣ бодра и кипитъ, мое добротѣлесіе не послужило поводомъ ко грѣху. Не угождай плоти сномъ, банями, мягкими постелями, непрестанно повторяя слово сіе: кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истленіе? Для чего заботишься о томъ, что вскорѣ сотлѣетъ? для чего утучняешь себя и отягощаешь плотію? Развѣ не знаешь, что чѣмъ более дебелою сдѣлаешь ты плоть свою, тѣмъ болѣе тягостное узилище приготовишь душѣ?

Еда исповѣстся Тебѣ персть? или возвѣститъ истину Твою? Какъ перстный и плотскій человѣкъ исповѣстся Тебѣ, Богу? Какъ возвѣститъ истину, кто не посвящалъ своего времени ученію, у кого умъ погребенъ подъ такимъ бременемъ плоти? Посему-то изсушаю плоть свою и не щажу крови, которая обыкновенно сгущается въ плоть, чтобы не было у меня препятствія къ исповѣданію, или уразумѣнію истины.

(11) Слыша Господь, и помилова мя: Господь бысть помощникъ мой. Послѣ того, какъ сказалъ, о чемъ взывалъ къ Богу, вскорѣ почувствовалъ онъ Божію помощь, и насъ возбуждаетъ къ прошенію подобнаго: слыша, говоритъ, Господь, и помилова мя: Господь бысть помощникъ мой. И такъ будемъ и мы молиться и взывать духовнымъ гласомъ, испрашивая великаго, а не домогаясь плотскаго (ибо сущіи во плоти Богу угодите не могутъ, Римл. 8, 8), чтобы Господь и насъ услышалъ и помиловалъ нашу немощь, а мы, воспользовавшись Божіею помощію, могли сказать:

(12) Обратилъ еси плачъ мой въ радость мнѣ. Не всякой душѣ дается радость отъ Бога; но, если кто много плакалъ о грѣхѣ своемъ, съ крѣпкимъ воплемъ и непрестанными слезами, и какъ надъ умершимъ творилъ надъ собою плачъ; то плачъ его обращается въ радость. А что и плакать бываетъ похвально, доказываютъ дѣти, которыя сидятъ на торжищахъ и говорятъ: рыдахомъ вамъ и не плакасте, пискахомъ[1]) вамъ, и не плясасте (Лук. 7, 32). Свирѣль есть музыкальное орудіе, при содѣйствіи нашего дыханія издающее нѣжные звуки. Посему думаю, всякій святый пророкъ, въ переносномъ смыслѣ, называется свирѣлью, какъ движимый Св. Духомъ; почему и сказано: пискахомъ вамъ, и не плясасте; ибо пророческія слова увѣщаваютъ насъ къ мѣрному выполненію святаго пророчества, и это называется плясаніемъ. Но Пророки для насъ и рыдаютъ, призывая насъ къ плачу, чтобы мы, отъ пророческихъ словъ пришедши въ сознаніе своихъ грѣховъ, оплакивали свою погибель, смиряя плоть свою утомленіемъ и трудами. У таковаго раздирается плачевная одежда, въ какую онъ облекся, оплакивая свой грѣхъ; возлагается же на него одежда веслія и риза спасенія (Псал. 61, 10), сіи свѣтлыя и брачныя одѣянія, украшенный которыми не будетъ изверженъ изъ брачнаго чертога.

Растерзалъ еси вретище мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ. Вретище содѣйствуетъ къ покаянію, какъ символъ смиренія; ибо сказано: древле убо во вретищи и пепелѣ покаялися быша (Матѳ. 11, 21). Поелику же Апостолъ, откровеннымъ лицемъ, въ той же образъ преобразуется, отъ славы въ славу (2 Кор. 3, 18); то дарованную ему отъ Господа благодать называетъ своею славою.

(13) Яко да воспоетъ Тебѣ слава моя. Слава праведнаго — духъ, который въ немъ. Посему, кто поетъ духомъ, тотъ говори: яко да воспоетъ Тебѣ слава моя, и не умилюся. Не буду уже дѣлать ничего такого, говоритъ Пророкъ, за что бы сердце мое утомлялось и уязвлялось воспоминаніемъ грѣха моего.

Господи Боже мой, во вѣкъ исповѣмся Тебѣ, то есть буду благодарить Тебя. Поелику мнѣ за покаяніе даровалъ Ты отпущеніе, и возвелъ меня въ славу, отнявъ стыдъ грѣховный; то во весь вѣкъ исповѣмся Тебѣ. Ибо найдется ли такое продолженіе времени, которое бы могло въ душѣ моей произвести забвеніе толикихъ благодѣяній?

---

[1]) Мы играли на свирѣли.

Бесѣда на тридцать второй псаломъ.

(1) Радуйтеся праведніи о Господѣ: правымъ подобаетъ похвала. Обычное Писанію выраженіе радости, показывающее какое-то свѣтлое и весьма радостное состояніе души въ достойныхъ благодушія! И такъ радуйтеся праведніи о Господѣ, не тому что благоуспѣшны ваши домашнія дѣла, не тому что наслаждаетесь тѣлеснымъ здоровьемъ, не тому, что поля ваши изобилуютъ всякими плодами; но тому, что имѣете Господа, Который такъ прекрасенъ, такъ благъ, такъ премудръ. Довольно для васъ веселія о Господѣ. И кажется, кто съ веселіемъ и радостію восхищается о комъ либо изъ весьма любимыхъ, тотъ радуется и о себѣ самомъ. Посему Псаломъ побуждаетъ праведныхъ восчувствовать свое достоинство, что они удостоены быть рабами таковаго Владыки, и восхищаться своимъ рабствомъ Ему съ неизреченною радостію и съ скаканіями, какъ бы рвалось у нихъ сердце отъ восторга любви ко Благому. Ежели когда въ сердцѣ твоемъ какъ бы ниспадшій свѣтъ произвелъ внезапную мысль о Богѣ, и озарилъ твою душу, такъ что ты возлюбилъ Бога, а презрѣлъ міръ и все тѣлесное; то изъ сего слабаго и малаго подобія познай полное состояніе праведныхъ, которые равномѣрно и непрерывно возрастютъ въ веселіи о Богѣ. Тебя по временамъ и рѣдко посѣщаетъ сія радость, по смотрѣнію Божію, чтобы малое ея вкушеніе приводило тебѣ на память, чего ты лишился; а въ праведникѣ постоянно божественное и небесное веселіе, потому что въ немъ несомнѣнно обитаетъ Духъ; первый же плодъ духа есть любы, радость, миръ (Гал. 5, 22). Итакъ радуйтеся праведніи о Господѣ. Господь для праведныхъ есть какъ бы вмѣстилище, вступившему въ которое, по всей необходимости, должно благодушествовать и веселиться. И праведный дѣлается мѣстомъ для Господа, пріемлющимъ Его въ себя. А грѣшникъ даетъ въ себѣ мѣсто діаволу, не внимая говорящему: ниже дадите мѣста діаволу (Ефес. 4, 27), и Екклесіасту: аще духъ владѣющаго взыдетъ на тя, мѣста твоего не остави (Еккл. 10, 4). Посему, пребывая въ самомъ Господѣ и, сколько можемъ, созерцая чудеса Его, изъ созерцанія сего будемъ такимъ образомъ пріобрѣтать сердцемъ своимъ веселіе!

Правымъ подобаетъ похвала. Какъ кривая нога не годится для прямого сапога; такъ и сердцамъ развращеннымъ неприлична Божія похвала. Поэтому думаю, что поелику, слово о Спасителѣ не прилично устамъ демоновъ, отнимается у нихъ власть, да неявлена Его сотворятъ (Марк. 3, 12). И Павелъ запрещаетъ духу пытливу, чтобъ нечистый не могъ давать одобренія Святому (Дѣян. 16, 18). Тако-

во и слѣдующее мѣсто: грѣшнику же рече Богъ: вскую повѣдаеши оправданія Моя (Псал. 49, 16)? Итакъ потщимся избѣгать всякаго непрямаго и ухищреннаго дѣла, умъ же и судилище души исправимъ въ себѣ, какъ вѣрное правилю, чтобъ намъ, когда содѣлаемся правыми, была дозволена похвала Господня. Предначинатель грѣха называется зміемъ лукавымъ, и мечъ Божій наводится на драконта змія лукаваго (Исаіи 27, 1), потому что змѣя, при перехожденіи съ мѣста на мѣсто, дѣлаетъ многія уклоненія и извороты; почему слѣдъ, оставляемый змѣей на землѣ, имѣетъ неправильное направленіе; по одному направленію движутся у нея переднія части, средина имѣетъ косвенное движеніе, а хвостъ уклоняется опять въ противоположную сторону. Посему, кто слѣдуетъ змію, у того жизнь оказывается лукавою, неправильною и исполненною противорѣчій. А кто идетъ во слѣдъ Господа Бога, тотъ творитъ стези правы (Иса. 40, 31) и правы теченія ногъ своихъ (Притч. 4, 26); ибо правъ Господь Богъ нашъ (Псал. 91, 16), и правоты видѣ лице Его (Псал. 10, 7). Ежели два правила приложить одно къ другому, то прямизна ихъ сдѣлаетъ, что будутъ плотно прилегать другъ къ другу; а ежели кривое дерево приложить къ прямому, то найдешь, что искривленное не сходится съ прямымъ. Итакъ, поелику похвала Божія есть правая, то нужно правое сердце, чтобы ему могла быть дозволена и приличествовала похвала. Ежели никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3); то какъ принесешь хвалу, когда нѣтъ въ тебѣ духа праваго, обновленнаго во утробѣ твоей (Псал. 50, 12)?

(2) Исповѣдайтеся Господеви въ гусляхъ, во псалтири десятоструннѣмъ пойте Ему. Сперва должно исповѣдаться Господу въ гуслѣхъ, то есть тѣлесныя дѣйствія производить стройно. Поелику мы грѣшили тѣломъ, когда представили уды наши рабы грѣху въ беззаконіе (Рим. 6, 19); то и исповѣдуемся тѣломъ, употребивъ то же орудіе къ истребленію грѣха. Ты злословилъ? Благослови. Ты лихоимствовалъ? Отдай. Ты упивался? Постись. Ты гордился? Смирись. Ты завидовалъ? Утѣшь. Ты убилъ? Претерпи мученичество, или, что равносильно мученичеству, при исповѣданіи изнури свое тѣло. И тогда—по исповѣданіи достоинъ ты пѣть Богу во псалтири десятиструннѣмъ. Сперва должно исправить дѣйствія тѣлесныя, чтобы совершались согласно съ словомъ Божіимъ, а потомъ уже восходить къ созерцанію мысленнаго. Псалтиремъ, можетъ быть, называется умъ, ищущій горняго; потому что орудіе сіе, по устройству своему, силу издавать звуки имѣетъ вверху. Посему тѣлесныя дѣйствія исповѣдуются Богу какъ бы снизу; а тайны, возвѣщаемыя умомъ, имѣютъ при-

чину свою свыше, такъ какъ бы умъ издавалъ звуки чрезъ Духа. Посему кто имѣетъ въ виду всѣ заповѣди и приводитъ ихъ въ себя какъ бы въ созвучіе и согласіе, тотъ поетъ Богу на псалтири десятострунномъ; потому что десять есть главныхъ заповѣдей, написанныхъ при первомъ законодательствѣ.

(3) Воспойте Господу пѣснь нову, то есть служите Богу не въ ветхости буквы, но въ обновленіи духа. Кто принимаетъ законъ не чувственно, но разумѣетъ духовный его смыслъ, тотъ поетъ пѣснь новую: потому что ветшающее и старѣющееся въ завѣтѣ миновалось, началась же для насъ новая и обновленная пѣснь ученія Господня, которая обновляетъ юность нашу, яко орлю, когда умерщвляемъ въ себѣ ветхаго человѣка и обновляемся со дня на день. Но простирающійся въ предняя (Филип. 3, 13) непрестанно становится новѣе въ отношеніи къ себѣ самому. Посему, кто непрестанно становится новѣе въ отношеніи къ себѣ самому, тотъ поетъ новую пѣснь Богу; а новымъ обыкновенно называется или необычайное, или недавно пришедшее въ бытіе. Посему если повѣдаешь чудный и всю природу превосходящій образъ Господня вочеловѣченія, то поешь новую и необыкновенную пѣснь; и если разсуждаешь о возрожденіи и обновленіи міра, состарѣвшагося подъ грѣхомъ, а также возвѣщаешь тайны воскресенія, то и въ семъ случаѣ поешь новую и недавно сложенную пѣснь.

Добрѣ пойте Ему со восклицаніемъ. Слышите заповѣдь: добрѣ пойте, съ неразсѣянною мыслію, съ искреннимъ расположеніемъ. Пойте со восклицаніемъ. Какъ нѣкоторые добрые воины, одержавъ побѣду надъ врагами, возносите хвалебныя пѣсни Виновнику побѣды! Дерзайте, говоритъ Онъ, Азъ побѣдихъ міръ (Іоан. 16, 33). Кто изъ людей въ состояніи ратоборствовать съ лукавымъ, если не прибѣгъ подъ кровъ Архистратига силы (Іисус. Нав. 5, 14) и если не оттуда, не съ вѣрою въ Него низлагаетъ и поражаетъ стрѣлами нашего врага? Итакъ добрѣ пойте со восклицаніемъ. Восклицаніе же есть какой-то нечленораздѣльный звукъ, который воины согласно издаютъ во время сраженія, сомкнувъ надъ собою щиты. Посему пойте въ согласіи, единодушіи и единеніи любви. Что же должны говорить поющіе?

(4) Яко право слово Господне. Правыхъ призываетъ сперва къ хваленію; потому что право и имѣющее прославиться Слово Господне, Которое въ началѣ бѣ къ Богу, и Богъ бѣ (Іоан. 1, 1). Посему правъ Отецъ, правъ Сынъ, правъ Духъ Святый.

И вся дѣла Его въ вѣрѣ. Что значитъ сказанное? Его дѣло — небо, Его дѣло—земля. Его дѣло—море, воздухъ, все неодуше-

вленное, одушевленное, разумное, неразумное. Какъ же все это въ вѣрѣ? Какая вѣра въ неодушевленныхъ? Какая вѣра у неразумныхъ? Какая вѣра въ камнѣ? Какая вѣра во псѣ? Неодушевленное и неразумное — не въ вѣрѣ. Но настоящее изреченіе ничего не исключило, а все объяло, сказавъ: вся дѣла Его въ вѣрѣ. Посему, что же значитъ сказанное? Если, говоритъ Псаломъ, видишь небо и порядокъ въ немъ, — это для тебя руководитель къ вѣрѣ, потому что указываетъ собою на Художника. Если же разсматриваешь порядокъ на землѣ, — и чрезъ это опять возрастаетъ вѣра твоя въ Бога; ибо, не плотскими очами познавъ Бога, увѣровали мы въ Него, но силою ума посредствомъ видимагоо усматриваемъ Невидимаго. Посему вся дѣла Его въ вѣрѣ. Если разсмотришь и камень; то и онъ служитъ нѣкоторымъ указаніемъ силы Создавшаго. А то же найдешь, если разсмотришь муравья, или комара, или пчелу; часто и въ самыхъ малыхъ вещахъ видна мудрость Зиждителя. Ибо, Кто распростеръ небо и наполнилъ неизмѣримую величину морей, Тотъ и самое тонкое жало пчелы содѣлалъ пустымъ, какъ свирѣль, чтобы чрезъ него выливался ядъ. Посему вся дѣла Его въ вѣрѣ. Ничто да не приводитъ тебя къ невѣрію. Не говори: это произошло случайно, а это встрѣтилось само собою. Въ томъ, что существуетъ, нѣтъ ничего безпорядочнаго, ничего неопредѣленнаго, ничего напраснаго, ничего случайнаго. Не говори: злая случайность, или не добрый часъ. Это слова людей невѣжественныхъ. Не двѣ ли птицы цѣнятся ассаріемъ, и не едина отъ нихъ падетъ безъ воли Божіей (Мате. 9, 29)? Сколько волосовъ на головѣ? Ни одинъ изъ нихъ не забытъ. Видишь ли Божіе око, какъ ничто, и самое малое, не избѣгаетъ Его надзора?

(5) Любитъ милостыню и судъ Господь, милости Господни исполнь. Если бы судъ Божій дѣйствовалъ самъ по себѣ и со всею строгостію воздавалъ намъ, чего стоютъ дѣла, нами совершенныя; то какая была бы надежда? кто бы изъ людей спасся? Нынѣ же любитъ милостыню и судъ. Какъ бы сопрестольною и даже предсѣдательствующею на царскомъ престолѣ содѣлавъ милостыню, изводитъ Онъ каждаго на судъ. Аще беззаконія назриши Господи, Господи кто постоитъ (Псал. 129, 3)? Милостыня у Него не безъ суда, судъ не безъ милостыни. Прежде суда любитъ милостыню; ипослѣ милостыни приходитъ на судъ. У Него сопряжены между собою милость и судъ, чтобы одна милость не произвела въ насъ разслабленія, и одинъ судъ не довелъ до отчаянія. Судія хочетъ тебя помиловать и содѣлать участникомъ Своихъ щедротъ; но въ такомъ только случаѣ, если найдетъ, что ты, по содѣяніи грѣха, сталъ смиренъ, сокрушенъ, много плакалъ о лукавыхъ своихъ дѣлахъ, безъ сты-

да открылъ соделянное тайно, просилъ братію потрудиться съ тобою о твоемъ уврачеваніи. Однимъ словомъ, если увидитъ, что ты достоинъ сожалѣнія, то беззавистно подаетъ Свою милостыню. Когда же видитъ въ тебѣ сердце нераскаянное, умъ гордый, который не вѣритъ будущему вѣку, не боится суда; тогда любитъ судъ надъ тобою. Ибо такъ искусный и человѣколюбивый врачъ прежде старается смягчить опухоль припарками и смягчающими средствами; но когда увидитъ, что опухоль не опадаетъ, а затвердѣваетъ, тогда, отложивъ въ сторону масло и мягчительныя врачевства, употребляетъ, наконецъ, въ дѣло острыя орудія. Посему любитъ милостыню къ раскаявающимся; но любитъ и судъ надъ упорными. Подобное нѣчто говоритъ и Исаія Богу: милость Твоя на мѣрилѣхъ (Исаіи 28, 17); потому что Онъ и милость являетъ съ судомъ, по достоинству каждаго возмѣривая мѣрою, числомъ и вѣсомъ.

Милости Господни исполнь земля. Здѣсь отдѣляется милость отъ суда; ибо земля полна одною милостію Господнею, между тѣмъ какъ судъ отложенъ до опредѣленнаго времени. Посему здѣсь милость безъ суда; потому что пришелъ, не да судитъ мірови, но да спасетъ міръ (Іоан. 3, 17). А тамъ судъ не безъ милости; потому что невозможно найдти человѣка чистаго отъ скверны, аще и единъ день бытія его (Іов. 14, 4). Посему, ежели кто возметъ во вниманіе, что поврежденіе съ каждымъ днемъ распространяется, и что тлѣнный родъ человѣческій достоинъ тысячей смертей, поколику пребываетъ во грѣхахъ; то удивится богатству Божіей благости, снисходительности и долготерпѣнія. Однако жъ мы, пока на землѣ, имѣемъ нужду въ милости; ибо тѣ, которые на небѣ, достойны ублаженія, а не помилованія. Или, можетъ быть, по причинѣ осужденія, произнесеннаго на насъ за грѣхъ, землею называемся мы, которымъ сказано отъ Бога: земля еси, и въ землю отъидеши (Быт. 3, 19), и которые полны Божіихъ щедротъ; ибо сущихъ насъ мертвыхъ грѣхами и прегрѣшеньми помиловавъ Богъ, сооживи Христомъ (Ефес. 2, 5).

(6) Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ. Гдѣ унижающіе Духа? Гдѣ отдѣляющіе Его отъ зиждительной силы? Гдѣ отсѣкающіе Его отъ единенія со Отцемъ и Сыномъ? Да слышатъ Псаломъ, который говоритъ: Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ. И подъ словомъ разумѣется здѣсь не обыкновенная рѣчь, изъ именъ и глаголовъ состоящая, и подъ духомъ—не дыханіе, разливающееся въ воздухѣ; но разумѣется Слово, которое въ началѣ бѣ къ Богу, и Духъ Святый, въ собственномъ смыслѣ такъ именуемый. Посему какъ Зиждительное Слово утвердило небо, такъ и Духъ, Который отъ Бога, Который отъ Отца исходитъ (то есть изъ устъ

Его, чтобы ты не признавалъ Его чѣмъ-либо внѣшнимъ или тварнымъ, но славилъ какъ имѣющаго ѵпостась Свою отъ Бога), сопривнесъ отъ Себя всѣ силы, какія въ Немъ. И такъ Духомъ утверждена всякая сила пренебесная, то есть, по содѣйствію Духа, имѣетъ она напряженность, крѣпость и несомнѣнность въ освященіи и во всякой добродѣтели, приличной священнымъ силамъ. Посему-то написано здѣсь: Духъ устъ Его; а въ другихъ мѣстахъ, какъ найдемъ, сказано: Слово устъ Его (Иса. 11, 4), дабы разумѣли мы, что Спаситель и Святый Духъ Его—отъ Отца. Поелику Слово Господне есть Спаситель, и Духъ устъ Его—Святый Духъ, оба же Они содѣйствовали въ твореніи неба и силъ небесныхъ; то сказано: Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ. Ибо что ни освящается, освящается только присутствіемъ Духа. Посему приведеніе въ бытіе Ангеловъ совершило Зиждительное Слово—Творецъ всего, а освященіе имъ даровалъ Духъ Святый; ибо Ангелы созданы не младенцами, которые бы потомъ, усовершившись чрезъ постепенное упражненіе, содѣлались такимъ образомъ достойными принять Духа; но въ первоначальный составъ и, такъ сказать, растворъ ихъ сущности была вложена святость. Потому-то они не удобопреклонны ко грѣху, будучи немедленно, какъ бы нѣкоторымъ составомъ, покрыты освященіемъ, и по дару Святаго Духа имѣя постоянство въ добродѣтели.

(7) Собираяй яко мѣхъ воды морскія, полагаяй въ сокровищахъ бездны. Не сказалъ: собираяй воды морскія, какъ въ мѣхѣ; но: яко мѣхъ, такъ воды морскія собираяй. Представь свойство мѣха, который то надувается, когда кожа натянута внутрь духомъ, то сжимается, когда растягивавшее выйдетъ вонъ; такъ и море иногда надмевается и кипитъ, когда вѣтры приводятъ его въ ярость и воздымаютъ, а иногда опять, при безвѣтріи, успокаивается и улегается. Посему Господь яко мѣхъ согнетаетъ и смиряетъ воду морскую. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ находимъ: собираяй яко въ мѣхѣ воды морскія, и такое выраженіе указываетъ намъ на древнюю исторію, когда Чермное море, никѣмъ не раздѣляемое и не удерживаемое, само по себѣ стало какъ бы заключенное въ какомъ мѣхѣ, потому что Божіе повелѣніе не позволяло ему разливаться.

Полагаяй въ сокровищахъ бездны. Сообразнѣе съ общимъ понятіемъ было бы сказать: полагаяй въ безднахъ сокровища, то есть содержащій въ тайнѣ свое богатство. А здѣсь сказано, какъ будто самыя бездны суть какія-то дорогія утвари, достойныя Божіихъ сокровищъ. Итакъ, безднами называются не законы ли Божія суда, какъ неизреченные и непостижимые для человѣческаго разумѣнія; потому что одному Божію вѣдѣнію предоставлены тѣ законы, по которымъ

Онъ каждою вещію распоряжаетъ? А что судъ Божій о каждой вещи порознь называется бездною, видимъ изъ другаго Псалма, въ которомъ говорится: судьбы Твоя бездна многа (Псал. 35, 7). Посему, если домогаешься узнать: для чего жизнь грѣшника продолжается, а дни пришельствія праведнику сокращаются? Для чего неправедный благоденствуетъ, а праведный угнетается? Для чего похищенъ смертію отрокъ, прежде нежели пришелъ въ совершенный возрастъ? Отчего войны? Для чего кораблекрушенія, землетрясенія, засухи, излишество дождя? Для чего сотворено вредное для людей? Для чего одинъ—рабъ, другой—свободенъ? Одинъ богатъ, другой бѣденъ? Даже много разности какъ между грѣшащими, такъ и преуспѣвающими въ добродѣтели: иная продана содержателю непотребнаго дома, и по неволѣ живетъ во грѣхѣ; а другая съ малолѣтства досталась доброй госпожѣ, и воспитана въ правилахъ цѣломудрія: за что же послѣдняя облагодѣтельствована, а первая осуждена? И какое каждому воздаяніе отъ Судіи?—Когда все это приходитъ тебѣ на мысль; разсуди, что судьбы Божіи бездна, и, будучи заключены въ божественныхъ сокровищахъ, не для всѣхъ удобопостижимы. А вѣрующему дано обѣтованіе отъ Бога: дамъ ти сокровища сокровенная, невидимая (Исаіи 45, 3). Посему, когда удостоимся вѣдѣнія лицемъ къ лицу, тогда узримъ и въ сокровищахъ Божіихъ бездны. Собравъ же сказанное въ Писаніи о мѣхахъ, удобнѣе выразумѣемъ намѣреніе Пророка. Которые со дня на день обновляются и вмѣщаютъ въ себѣ вино новое изъ виноградника истины, тѣ въ Евангеліи называются мѣхами новыми; а которые не отложили ветхаго человѣка, тѣ суть мѣхи ветхіе, и ненадежно вливать въ нихъ вино новое; никто же вливаетъ вина нова въ мѣхи ветхи, чтобы не пролилось вино и не погибли совершенно тѣ мѣхи (Марк. 2, 22), сдѣлавшись уже не заслуживающими никакой пощады послѣ того, какъ прольютъ доброе и новое вино; ибо новое вино должно быть вливаемо въ мѣхи новые. И новое и духовное вино, кипящее Духомъ Святымъ, то есть никогда нестарѣющееся разумѣніе истины, должно быть вливаемо въ человѣка новаго, который, всегда мертвость Іисусову въ тѣлѣ нося (2 Кор. 4, 10), справедливо можетъ быть названъ мѣхомъ новымъ.

(8) Да убоится Господа вся земля, отъ Него же да подвижутся вси живущіи по вселеннѣй. Поелику страхъ Господенъ начало чувства (Притч. 1, 7); то мудрствующихъ земное долженъ вразумлять страхъ. И страхъ, какъ предуготовитель къ благочестію, допускается по необходимости; послѣдующая же за нимъ любовь усовершаетъ тѣхъ, которые образовались въ училищѣ страха. Поэтому Псаломъ всей землѣ предписываетъ страхъ. Сказано: да подвижутся же отъ Него вси живущіи по вселеннѣй, то есть всякое движеніе, совершаемое или мысленно, или тѣлеснымъ дѣй-

ствіемъ, да происходитъ въ нихъ согласно съ Божіей волею. Такъ разумѣю слова: да подвижутся отъ Него; то есть, ни глазъ да не подвижется безъ Бога, ни рука да не движется безъ Бога, ни сердце да не помышляетъ чего-либо не благоугоднаго Богу. И вообще ничѣмъ другимъ да не подвижутся; ничто, кромѣ страха Божія, да не приводитъ ихъ въ движеніе.

(9) Яко Той рече, и быша: Той повелѣ и создашася. Къ двумъ предыдущимъ выраженіямъ: да убоится вся земля, и да подвижутся вси живущіи по вселеннѣй, присовокупилъ два также выраженія: Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася. Поелику человѣкъ сложенъ изъ земнаго состава и изъ души, обитающей въ тѣлѣ; то образованное изъ земли называется землею, а душа, которой дано въ удѣлъ обитать въ тѣлѣ, именуется жителемъ вселенной. Въ соотвѣтствіе же слову: земля, сказано: Той рече, и быша, —и образованіе наше, именно образованіе изъ земли, выражается словомъ: бысть; а сотвореніе по образу Божію изображается словомъ: создася; потому что слово: тварь (κτίσις), берется часто въ значеніи измѣненія и улучшенія, какъ въ словахъ: аще кто во Христѣ, нова тварь (2 Кор. 5, 17), и также въ словахъ: да оба созиждетъ (κτίσῃ) во единаго новаго человѣка (Еф. 2, 15). А можетъ быть, словомъ: бысть, указывается на первое осуществленіе человѣка, а словомъ: создася, на второе возрожденіе благодатію Христовою. Но сколько заповѣдь Божія различается отъ простого слова; столько же между твореніемъ и приведеніемъ въ бытіе.

(10) Господь разоряетъ совѣты языковъ, отметаетъ же мысли людей. Сіе служитъ объясненіемъ предъидущему, то есть тому, какъ Богъ созидаетъ увѣровавшихъ въ Него тѣмъ, что разорилъ неразумныя совѣщанія людей, какія они имѣли объ идолослуженіи и о всякой суетѣ, и отметаетъ совѣщанія князей. Но можно отнести сіе и ко времени страданія, когда люди умыслили распять Царя славы, а Онъ домостроительствомъ креста обновилъ человѣчество. Ибо воскресеніемъ разоренъ совѣтъ язычниковъ, Пилата, воиновъ и всѣхъ, которые содѣйствовали къ распятію, и отвергнуты совѣщанія князей, архіереевъ, книжниковъ и царей народа, потому что воскресеніе разрушило всѣ ихъ замыслы. Но и въ каждомъ повѣствованіи, замѣчая то, что содѣлалъ Богъ съ невѣрными язычниками, найдешь, что слова Пророка, въ вещественномъ смыслѣ, имѣютъ большое значеніе. Ибо когда Іорамъ, сынъ Ахава, царствовалъ во Израили, тогда Сирійскій царь, сынъ Адеровъ, ополчившись силою многою и рукою тяжкою, осадилъ Самарію, такъ что у жителей не доставало необходмаго, и бысть глава ослова за пятьдесятъ сикль сребра, а четвертая часть мѣры гноя голуби-

наго за пять сикль сребра (4 Цар. 6, 25). И въ сіе-то время, чтобы исполнилось обѣщаніе Елиссеево, разорены совѣты Сиріи, и, оставивъ сѣни свои и все достояніе свое, Сиріяне бѣжали, а въ Самаріи произвели такое обиліе, что мѣра муки пшеничны продавалась за сикль единъ, и двѣ мѣры ячменя за сикль (4 Цар. 7, 7, 16). Такъ Господь умѣетъ разорять совѣты языковъ! А какъ отметаетъ Онъ совѣты князей, знаемъ изъ сказанія объ Ахитофелѣ, когда Давидъ молился, говоря: разруши совѣтъ Ахитофелевъ (2 Цар. 15, 31). Посему когда слышишь, что кто нибудь многимъ угрожаетъ тебѣ и обѣщаетъ нанести тебѣ всякаго рода огорченія, ущербъ, или раны, или смерть; возведи взоры ко Господу, Который разоряетъ совѣты языковъ и отметаетъ мысли людей.

(11) Совѣтъ же Господенъ во вѣкъ пребываетъ, помышленія сердца Его въ родъ и родъ. Видишь ли ученія язычниковъ, эту суетную философію, какъ они тонки и обильны на изобрѣтеніе ученій, въ умозрительныхъ наукахъ, въ нравственныхъ предписаніяхъ, въ естествословіи и въ другихъ ученіяхъ, называемыхъ тайными, какъ все это разсѣялось и сдѣлалось безполезнымъ, водворяется же нынѣ одна истина Евангелія? Много замышленій въ сердцѣ человѣческомъ; но совѣтъ Господень превозмогъ. И чтобы совѣтъ Божій постоянно и твердо пребывалъ въ душахъ нашихъ, необходимо прежде разориться въ насъ помысламъ человѣческимъ. Кто хочетъ писать на воску, сначала углаживаетъ воскъ, а потомъ налагаетъ изображенія, какія ему угодно. Такъ и сердцу, на которомъ бы отпечатлѣлись ясно словеса Божія, надобно сдѣлаться чистымъ отъ противныхъ помысловъ.

Помышленія сердца Его въ родъ и родъ. Поелику два избранные народа, и два даны имъ завѣта; то въ сказанномъ: помышленія сердца Его въ родъ и родъ, по причинѣ двукратнаго наименованннаго рода, можно разумѣть и два помышленія,— одно, по которому мы получили первый завѣтъ, а другое, которое даровало намъ новое и спасительное ученіе Христово.

(12) Блаженъ языкъ, ему же есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ. Никто не ублажаетъ народа Іудейскаго, ублажаютъ же народъ, который по превосходству избранъ изъ всѣхъ народовъ; ибо мы—тотъ языкъ, для котораго Господомъ есть Богъ нашъ, мы—люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ: мы, — языкъ, потому что собраны изъ многихъ язычниковъ, мы—люди, потому что призваны вмѣсто народа отверженнаго. И поелику мнози звани, мало избранныхъ (Матѳ. 20, 16); то ублажаетъ не званнаго, но избраннаго; блажени, яже избра. Какая же причина ублаженія?—Ожидаемое наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Или,

слову Апостола, что, когда исполненіе языковъ внидетъ, тогда весь Израиль спасется (Рим. 11, 25, 26), не ублажаетъ ли сперва исполненіе языковъ, а потомъ спасаемаго наконецъ Израиля? А какъ извѣстно, что спасется не всякій, но только остановъ, по избранію благодати (Римл. 11, 5); то посему сказано: люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ.

(13) Съ небесе призрѣ Господь, видя вся сыны человѣческія. (14) Отъ готоваго жилища Своего. На пребывающихъ въ свойственномъ себѣ чинѣ и на исполняющихъ обязанности природы человѣческой Господь призираетъ свыше, а надъ тѣми, которые дошли до крайняго поврежденія, надзираетъ иначе,—снисходя къ нимъ Самъ. Ибо сказано: вопль Содомскій и Гоморрскій умножися, и грѣси ихъ велицы зѣло. Сошедъ убо узрю, аще по воплю ихъ грядущему ко Мнѣ совершаются (Быт. 28, 20. 21). И еще: сниде видѣти градъ и столпъ егоже созидоша сынове человѣчестіи (Быт. 11, 5). А здѣсь говорится: съ небесе призрѣ Господь, видѣ вся сыны человѣческія. Не теряй изъ вида сего высокаго Зрителя, не теряй изъ вида Приникающаго свыше на дѣла человѣческія. Куда ты ни идешь, что ни дѣлаешь, во тмѣ ли, или среди дня надзираетъ надъ тобою Божіе око.

Отъ готоваго жилища Своего. Не отверзаются двери, не собираются завѣсы; готово къ видѣнію Божіе жилище. Богъ видитъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Ни одинъ не избѣгаетъ Его зрѣнія; не закрываютъ ни тма, ни стѣны; нѣтъ никакого препятствія очамъ Божіимъ. Онъ не только видитъ каждаго, но видитъ и сердца, которыя создалъ Самъ, не примѣшавъ къ нимъ ничего худаго. Зиждитель человѣка Богъ создалъ его простымъ по образу Своему, который спасаетъ сердца; но впослѣдствіи, опутавъ его плотскими страстями, мы сдѣлали изъ него сердце многовидное и многоличное, растливъ его боговидность, простоту и единообразность.

Поелику же Онъ Создатель сердецъ; то посему (15) разумѣваетъ на вся дѣла наши. А дѣлами называемъ и слова, и мысли, и вообще всякое движеніе человѣческое. Ибо съ какимъ расположеніемъ и съ какимъ намѣреніемъ дѣлаемъ мы что-либо, въ угожденіе ли людямъ, или въ исполненіе заповѣдей, данныхъ намъ отъ Бога, сіе знаетъ одинъ Разумѣваяй на вся дѣла наши. Посему и во всякомъ праздномъ словѣ дадимъ отчетъ (Матѳ. 12, 36), и даже за чашу студенной воды не погубимъ мзды (10, 43); потому что Господь разумѣваетъ на вся дѣла наши.

(16) Не спасается царь многою силою. Не множество

воинскихъ силъ, не стѣны городовъ, не полки пѣшихъ, не крѣпость всадниковъ, не снаряженіе морскихъ силъ, доставляютъ спасеніе царю; ибо Господь поставляетъ цари и преставляетъ (Дан. 2, 21), и нѣсть власть, аще не отъ Бога учинена (Рим. 13, 1). Посему спасается царь не многою силою, но Божіею благодатію; такъ что и въ этомъ отношеніи истинно слово: благодатію есте спасени (Ефес. 2, 5). Такъ и земледѣлецъ не столько своимъ прилежнымъ воздѣлываніемъ пріобрѣтаетъ плоды земледѣлія, сколько содѣйствіемъ Бога возращающаго воздѣланное; ибо ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ (1 Кор. 3, 7). Если же сердце царево въ руцѣ Божіей (Притч. 21, 1); то онъ спасается не силою оружія, но Божіимъ руководствомъ. Въ рукѣ же Божіей не всякій, но достойный имени царя. А нѣкоторые опредѣляли, что царская власть есть законное господство, или начальство надъ всѣми, не подлежащее грѣху.

И исполинъ не спасается множествомъ крѣпости своея. Исполиномъ же называетъ Пророкъ того, кто употребляетъ естественную силу и тѣлесное напряженіе. Посему и царю не достаточно для спасенія помощи оружія, и мужественный не можетъ быть во всемъ достаточенъ самъ для себя; ибо всѣ человѣческія силы, вмѣстѣ взятыя, немощны и безсильны въ сравненіи съ истинною силою. Посему-то немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая (1 Кор. 1, 27), и изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ хвалу, еже разрушити врага и местника (Псал. 8, 3); ибо благодать Божія наипаче просіяла, дѣйствуя въ младенцахъ и въ невысокихъ умомъ.

(17) Ложь конь во спасеніе, во множествѣ же силы своея не спасется. Конь исключается изъ употребленія святыхъ; и Израиль, во дни благоденствія, никогда, кажется, не пользовался въ войнахъ конскою силою, и никто изъ святыхъ не признавалъ приличнымъ имѣть коней въ собственномъ употребленіи. Но Фараонъ имѣетъ у себя коня, и высокомѣрный Сеннахиримъ надмевается множествомъ коней. Посему-то коня и всадника Фараонова вверже въ море (Исх. 15, 1); а у Сеннахирима воздремаша всѣ всѣдшіи на кони (Псал. 75, 7). По сей же причинѣ, и данный чрезъ Моисея законъ, предписывая законъ царямъ, говоритъ да не умножитъ себѣ коней (Втор. 17, 16). Во множествѣ же силы своея не спасется. Егда бо немоществую, говоритъ Апостолъ, тогда силенъ есмь (2 Кор. 12, 10). А множество тѣлесной силы служитъ препятствіемъ ко спасенію духа.

(18) Се очи Господни на боящіяся Его. Въ другомъ

мѣстѣ сказано: очи Господни на праведныя (Псал. 33, 16), а здѣсь: на боящіяся Его. Когда мы взираемъ на Господа, и очи наши устремлены къ Нему, такъ что можемъ сказать: се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, тако очи наши ко Господу Богу нашему (Псал. 122, 2): тогда какъ бы привлекаемъ око Господне къ воззрѣнію на насъ.

Уповающіи на милость Его. Пророкъ показываетъ смиреніе служащихъ Господу, и то, сколько уповаютъ они на милость Его. Кто не уповаетъ на свои доблестныя заслуги и не надѣется оправдаться дѣлами, тотъ единственную надежду спасенія имѣетъ въ милосердіи Божіемъ. Ибо когда приводитъ на мысль слова: се Господь и мзда Его (Иса. 40, 10), чтобы воздать каждому, чего стоитъ дѣло его, и когда исчисляетъ свои злыя дѣла, тогда начинаетъ бояться наказанія и трепетать угрозъ. А чтобы не поглотила его скорбь, взираетъ на Божіе милосердіе и человѣколюбіе и дѣлается благонадеженъ. Надѣется же, что Богъ (19) исхититъ душу его отъ смерти, и препитаетъ въ гладъ.

(20) Душа же наша чаетъ Господа, яко помощникъ и защититель нашъ есть. Слово сіе поощряетъ къ терпѣнію, чтобы мы, когда нападаетъ на насъ какой либо оскорбитель, не разлучались отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ (Рим. 8, 39), но отъ всея души несли труды, ожидая помощи отъ Бога.

(21) Яко о Немъ возвеселится сердце наше, и во имя святое Его уповахомъ. Это согласно съ сказаннымъ въ началѣ Псалма: радуйтеся праведніи о Господѣ. И теперь: о Немъ возвеселится сердце наше. Мнѣ кажется, что въ этомъ же смыслѣ сказалъ Апостолъ: во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбившаго ны (Рим. 8, 37). И не только препобѣждаемъ, но и хвалимся въ скорбѣхъ (Рим. 5, 3). Ибо Псалмопѣвецъ сказалъ: душа наша чаетъ Господа: и желая показать, что не насильственно и не отъ угнетенія скорбями обнаруживаетъ онъ терпѣніе, но съ великою радостію принимаетъ озлобленіе за имя Господне, говоритъ: не только мы терпимъ, но и о Немъ возвеселится сердце наше, и во имя святое Его уповахомъ. Для насъ достаточно именоваться христіанами, чтобы избѣжать всякаго искушенія отъ противниковъ. Имя же Божіе называется святымъ, конечно, не потому, что въ самыхъ слогахъ имѣетъ нѣкоторую освящающую силу, но потому что свято и чисто всякое свойство Божіе и всякое понятіе о томъ, что преимущественно въ Богѣ усматривается.

(22) Буди Господи милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя. Видишь ли, какъ разумно молился Пророкъ? Соб-

ственное свое расположеніе назначилъ Онъ мѣрою для щедротъ Божія милосердія. Такова же да будетъ, говоритъ онъ, милость Твоя на насъ, какую надежду мы возлагали на Тебя предварительно. Но всякая надежда наша—возвратиться въ покой, чтобы мы, когда преобразитъ Онъ тѣло смиренія нашего, уразумѣли, что сіе самое тѣло сдѣлалось сообразнымъ тѣлу славы (Филип. 3, 21).

Бесѣда на псаломъ тридцать третій.

(1) Давиду, внегда измѣни лице свое предъ Авимелехомъ, и отпусти его, и отъиде. Къ двумъ случаямъ приводитъ насъ разумѣніе сего Псалма. Надписанію его кажется приличнымъ и то, что было съ Давидомъ въ Номвѣ, городѣ священническомъ, и то, что случилось съ нимъ у Анхуса, царя Филистимскаго. Ибо измѣни лице свое, когда бесѣдовалъ съ Авимелехомъ священникомъ, скрывая отъ него свое бѣгство и показывая видъ, что спѣшитъ исполнить царское повелѣніе, когда взялъ и хлѣбы предложенія, и мечъ Голіаѳа (1 Цар. 21, 1—9). Но еще измѣни лице свое, когда былъ окруженъ врагами, потому что услышалъ, какъ они разговаривали между собою и приготовлялись къ мщенію. И рѣша, сказано, отроцы Анхусовы къ себѣ: не сей ли Давидъ, царь земли? Не сему ли изыдоша (жены) ликующія, глаголюще: побѣди Давидъ со тьмами своими, и Саулъ съ тысящами своими. И еще сказано: и убояся Давидъ отъ лица Анхуса, и измѣни лице свое предъ очами ихъ (1 Цар. 21, 11—13). Но почему надписаніе именуетъ Авимелеха, а исторія передаетъ имя Анхуса, царя Геѳскаго? На сіе имѣемъ такое объясненіе, дошедшее до насъ по преданію, что Авимелехъ было общее имя царей Филистимскихъ, но что каждый изъ нихъ имѣлъ и собственное наименованіе. Подобное можно видѣть въ Римскомъ государствѣ, гдѣ цари вообще называются Кесарями и Августами, но удерживаютъ и собственныя свои имена. Таково же у Египтянъ имя Фараонъ. Ибо Фараономъ называется Египетскій царь при Іосифѣ; Фараономъ именуется и тотъ, который, чрезъ четыре поколѣнія, при Моисеѣ, сталъ царемъ Египта; Фараонъ былъ и во времена Соломона, ибо сказано: поятъ дщерь Фараоню (3 Цар. 3, 1); Фараономъ также именовался царствовавшій во времена пророческаго служенія Іереміи (4 Цар. 23, 29 и сл.). Такъ и Авимелехъ былъ и во дни Авраама, и во дни Исаака, и теперь именуется во времена Давида. Объ Авраамѣ сказано: и рече Авимелехъ, и Охозаѳъ невѣстоводитель его, и Фихолъ воевода силъ его, ко Аврааму, глаголя (Быт. 21, 22). Равно и объ Исаакѣ: бысть же много время тамо: и при-

никнувъ Авимелехъ царь Герарскій окномъ, видѣ Исаака играюща съ Ревеккою (Быт. 26, 8). Такъ и здѣсь въ надписаніи Авимелехъ временъ Давидовыхъ названъ общимъ царскимъ именемъ, исторія же передаетъ его имя Анхусъ, которое было собственное, данное ему при рожденіи. Предъ нимъ-то измѣнилъ лице свое Давидъ, когда былъ принесенъ на рукахъ домочадцевъ, билъ въ городскіе ворота, и, какъ сказано, слины своя точаше по брадѣ, такъ что Анхусъ сказалъ домочадцамъ: для чего принесли вы его ко мнѣ? не имѣю нужды въ неистовыхъ, яко внесосте его, да бѣснуется предо мною (1 Цар. 21, 13. 14). И такимъ образомъ Давидъ, отпущенный оттуда, спасся, какъ сказано, въ пещеру Одолламску (1 Цар. 22, 1).

Посему, какъ избѣжавшій великой опасности, возсылаетъ онъ такое благодареніе освободившему его Богу, и говоритъ: (2) Благословлю Господа на всякое время. Избѣжавъ отъ смерти, онъ какъ бы полагаетъ для себя уставы жизни, настраивая душу свою къ строгому образу дѣятельности, чтобы ни одной минуты времени не оставлять безъ благословенія, но при началѣ важныхъ и неважныхъ дѣлъ обращаться къ Богу. Не стану думать, говоритъ онъ, будто бы что либо дѣлается моимъ стараніемъ, или приключается по случайному стеченію обстоятельствъ, на на всякое время благословлю Господа, — не только при благоденствіи, но и въ несчастныя времена жизни. Симъ наученный Апостолъ говоритъ: всегда радуйтеся: непрестанно молитеся: о всемъ благодарите (1 Сол. 5, 16—18). Видишь, какова была любовь Давида! Непрерывныя несчастія не ослабили его терпѣнія, когда былъ принесенъ на рукахъ домочадцевъ, билъ въ городскія ворота, лишенъ имущества, но даже по необходимости преданъ врагамъ и едва не растерзанъ ими. Не смотря на сіе, не сказалъ: доколѣ будутъ продолжаться несчастія? Не пришелъ въ нетерпѣніе отъ непрерывныхъ скорбей, вѣдая, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе (Рим. 5, 3). И дѣйствительно, скорби для хорошо приготовленныхъ суть какъ бы укрѣпляющая пища и упражненіе въ борьбѣ, приближающія подвижника къ отеческой славѣ; когда укоряемы благословляемъ, хулими молимъ, утружденные благодаримъ, скорбные хвалимся скорбями (1 Кор. 4, 12. 13). Стыдно для насъ — въ счастіи благословлять, а въ печальныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ хранить молчаніе. Напротивъ того, тогда-то и должно болѣе благодарить намъ, знающимъ, что егоже любитъ Господь наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ (Евр. 12, 6).

Выну хвала Его во устѣхъ моихъ. Пророкъ, повидимому, обѣщаетъ нѣчто невозможное. Какъ можетъ хвала Божія быть не-

престанно во устахъ человѣка? Когда разговариваетъ онъ въ обыкновенной и житейской бесѣдѣ; въ устахъ его нѣтъ Божіей хвалы. Когда спитъ; хранитъ онъ совершенное молчаніе. Когда ѣстъ и пьетъ; какъ уста его произнесутъ хвалу? На сіе отвѣчаемъ, что у внутренняго человѣка есть нѣкоторыя духовныя уста, и посредствомъ ихъ питается онъ, пріемля слово жизни, которое есть хлѣбъ сшедый съ небесе (Іоан. 6, 56). О сихъ-то устахъ и Пророкъ говоритъ: уста моя отверзохъ и привлекохъ духъ (Псал. 118, 131). Сіи-то уста и Господь совѣтуетъ имѣть расширенными, для обильнаго принятія брашенъ истины. Ибо сказано: расшири уста твоя, и исполню я (Псал. 80, 11). Посему мысль о Богѣ, однажды напечатлѣнная и какъ бы печатію утвержденная во владычественной силѣ души, можетъ быть названа хвалою Божіею, которая выну пребываетъ въ душѣ; и тщательный, по увѣщанію Апостола, можетъ дѣлать все во славу Божію, такъ что всякое дѣйствіе, всякое слово, всякое умственное упражненіе получаетъ силу хвалы: ибо аще ястъ, аще ли піетъ праведникъ, вся въ славу Божію творитъ (1 Кор. 10, 31). У такого и во время сна сердце бодрствуетъ, какъ сказано въ Пѣсни Пѣсней: азъ сплю, а сердце мое бдитъ (Пѣсн. Пѣсн. 5, 2); ибо мечтанія сна очень часто бываютъ отголосками мыслей, занимавшихъ днемъ.

(3) О Господѣ похвалится душа моя. Пророкъ говоритъ: никто не хвали моей изобрѣтательности, которою спасся я отъ опасностей: ибо не въ силѣ, не въ мудрости человѣческой, но въ благодати Божіей — спасеніе. Ибо сказано: да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, мудрый мудростію своею, крѣпкій крѣпостію своею: но о семъ да хвалится хваляйся еже разумѣти и знати Господа Бога своего (Іер. 9, 23, 24). Смотри, какъ Апостолъ хвалитъ сотрудниковъ своихъ въ дѣлѣ благовѣстія. Онъ говоритъ: это нашъ соработникъ и служитель о Господѣ (Кол. 4, 7).

Если кто хвалится красотою тѣлесною, или знаменитостію рода, то не о Господѣ хвалится душа его; напротивъ того каждый изъ таковыхъ преданъ суетѣ. Не заслуживаютъ также истинной похвалы искусства среднія, и занимающіеся ими: кормчіе, врачи, витіи, строители, которые созидаютъ города, или пирамиды, или лабиринты, или другія какія дорого стоющія или пышныя громады зданій. Тѣ, которые хвалятся этимъ, не въ Господѣ полагаютъ душу свою. Въ замѣнъ всякой иной чести, для насъ довольно именоваться рабами такого Владыки. Не будетъ ли слуга царевъ хвалиться, что онъ поставленъ въ томъ или другомъ чинѣ служенія? Ужели же удостоившійся служитъ Богу будетъ измышлять себѣ похвалы отъ инуду, какъ будто для полноты славы и именитости не доста-

точно ему именоваться Господнимъ! Итакъ о Господѣ похвалится душа моя.

Да услышатъ кротцыи, и возвеселятся. Поелику Пророкъ говоритъ: чрезъ одно измѣненіе лица, при содѣйствіи Божіемъ, враги введены въ обманъ и совершено мое спасеніе; то да услышатъ кротцыи, что можно и въ мірѣ живущимъ воздвигать побѣдныя знаменія, и не сражавшимся оказаться побѣдителями; и да возвеселятся, утвердившись въ кротости моимъ примѣромъ: ибо такую благодать отъ Бога получилъ я за то, что имѣлъ кротость. Помяни Господи Давида и всю кротость его (Псал. 131. 1). Кротость есть величайшая изъ добродѣтелей; потому причислена и къ блаженствамъ. Ибо сказано: блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю (Матѳ. 5, 5). Земля сія, небесный Іерусалимъ, не бываетъ добычею состязующихся, но предоставлена въ наслѣдіе долготерпѣливымъ и кроткимъ. И слова: да услышатъ кротцыи, значатъ то же, что и слова да услышатъ Христовы ученики. А можетъ быть, пророчественно желаетъ Давидъ, чтобы и до насъ дошло чудо благодѣянія Божія, надъ нимъ явленное. Да услышатъ и тѣ, которые, послѣ многихъ поколѣній, содѣлаются учениками Христовыми! Ибо тѣхъ назвалъ кроткими, которымъ Господь говорилъ: научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. 11, 28). Укротившіе свои нравы, освободившіеся отъ всякой страсти, въ чьихъ душахъ не поселено никакого мятежа, — они называются кроткими. Почему и о Моисеѣ засвидѣтельствовано, что онъ былъ кротокъ паче всѣхъ человѣкъ сущихъ на земли (Числ. 18, 13).

(4) Возвеличите Господа со мною. Приличный себѣ ликъ собираетъ Пророкъ къ прославленію Господа. Не пріобщайся ко мнѣ ни мятежный, ни смущенный, ни распаляющій душу плотскими страстями; но вы кроткіе, вы, которые пріобрѣли твердость и постоянство души, отрясли лѣность и сонливость въ исполненіи своихъ обязанностей,— вы возвеличите Господа со мною. Возвеличиваетъ же Господа тотъ, кто великимъ умомъ, твердымъ и возвышеннымъ духомъ терпитъ искушенія за благочестіе; и потомъ, кто великимъ умомъ и въ самыхъ глубокихъ умозрѣніяхъ разсматриваетъ величіе творенія, чтобы въ величіи и красотѣ тварей созерцать ихъ Рододѣлателя (Прем. Сол. 13, 5). Ибо чѣмъ кто болѣе углубляется въ законы, по которымъ устроена, и по которымъ управляется вселенная, тѣмъ яснѣе созерцаетъ велелѣпоту Господню, и по мѣрѣ силъ возвеличиваетъ Господа. Поелику же одного ума и размышленій одного человѣка нисколько недостаточно къ уразумѣнію величія Божія; то Пророкъ всѣхъ вмѣстѣ кроткихъ пріемлетъ въ общеніе сего дѣла. Посему должно совершенно упразднить

себя отъ внѣшнихъ мятежей, произвести совершенное безмолвіе въ потаенной храминѣ совѣтовъ сердца, и потомъ приступить къ созерцанію истины. Послушай исповѣдующагося во грѣхѣ, что онъ говоритъ: смятеся отъ ярости око мое (Псал. 6, 8). Не только же гнѣвъ, но и пожеланіе, и робость, и зависть приводятъ въ смятеніе око души, и вообще всѣ страсти приводятъ въ замѣшательство и смятеніе душевную прозорливость. И какъ невозможно мутнымъ окомъ принять вѣрное впечатлѣніе отъ видимаго предмета; такъ невозможно съ возмущеннымъ сердцемъ приступать къ познанію истины. Посему должно удалиться отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ, ни чрезъ зрѣніе, ни чрезъ слухъ, ни чрезъ другое какое чувство не вводить въ душу постороннихъ помысловъ. Ибо воздвигаемыя плотскимъ мудрованіемъ брани исполняютъ внутренность сердца неумолкающими мятежами и непримиримыми раздорами.

(5) Взыскахъ Господа, и услыша мя. Пророкъ говоритъ: сіе да услышатъ кротцыи! И въ это тяжкое время, когда подвигся на меня весь гнѣвъ памятозлобныхъ, и руки всѣхъ на меня вооружились, а я, ничѣмъ не защищенный, готовъ былъ принять на себя всѣ удары враговъ, — и въ это время не смутился я помыслами отъ страха, не оставилъ мысли о Богѣ, не отчаялся въ своемъ спасеніи, но взыскахъ Господа. Не искалъ только, съ какимъ нибудь простымъ и временнымъ упованіемъ на Господа, но взыскахъ; ибо реченіе взыскахъ выражаетъ болѣе, нежели — искалъ, подобно какъ испытываніе — болѣе нежели пытаніе. Ибо исчезоша испытающіи испытанія (Псал. 63, 7). Посему словомъ взысканія Псаломъ изобразилъ какой-то глубокій покой и безмятежность.

И отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя. Вся жизнь праведника исполнена скорбей; это путь тѣсный и скорбный. Многи скорби праведнымъ. Потому и Апостолъ говоритъ: во всемъ скорбяще (2 Кор. 4, 8); и: яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе (Дѣян. 14, 22). Избавляетъ же Богъ святыхъ Своихъ отъ скорби, не безъ испытанія ихъ оставляя, но подавая имъ терпѣніе. Ибо, если скорбь терпѣніе соодѣловаетъ, терпѣніе же искусство (Рим. 5, 3), то избѣгающій скорби лишаетъ себя опытности. И какъ никто не получаетъ вѣнца, не имѣя у себя противника, такъ и опытнымъ можно оказаться не иначе, какъ чрезъ скорби. Посему слова: отъ всѣхъ скорбей избави мя, не значатъ: не попустилъ мнѣ скорбѣть, но даровалъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи понести (1 Кор. 10, 13).

(6) Приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся. Сидящихъ во тмѣ и сѣни смертной — ихъ увѣщаваетъ приступить ко Господу, приблизиться къ лучамъ Божества

Его, чтобы, чрезъ приближенiе озарившись истиною, по благодати, вмѣстили они въ себя просвѣщенiе Его. Ибо какъ сей чувственный свѣтъ не для всѣхъ равно сiяетъ, но для тѣхъ, которые имѣютъ глаза, бодрствуютъ и могутъ безпрепятственно наслаждаться появленiемъ солнца: такъ и Солнце правды (Малах. 4, 2), Свѣтъ истины, Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ мiръ (Іоан. 1, 9), не всѣмъ даетъ видѣть свѣтозарность Свою, но тѣмъ, которые живутъ достойно свѣта. Ибо сказано: свѣтъ возсiя не грѣшнику, но праведнику (Псал. 36, 11). Какъ солнце хотя восходитъ, но не для нетопырей и другихъ животныхъ, во время ночи снискивающихъ себѣ пищу: такъ, хотя свѣтъ самъ въ себѣ блистателенъ и всеозаряющъ, однако жъ не всѣ прiобщаются его сiянiя. Такъ и всякъ дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его (Іоан. 3, 20).

Итакъ приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся. Блаженъ, кто въ день праведнаго суда Божiя, когда прiидетъ Господь во свѣтѣ привести тайная тмы, и объявить совѣты сердечныя (1 Кор. 4, 8), осмѣлившись вступить въ сей обличительный свѣтъ, возвратиться непостыжденнымъ; потому что его совѣсть не осквернена порочными дѣлами. А тѣ, которые дѣлали зло, воскреснутъ на поруганiе и стыдъ, чтобы увидѣть въ самихъ себѣ мерзость и отпечатлѣнiе содѣланныхъ ими грѣховъ. И можетъ быть страшнѣе тмы и вѣчнаго огня тотъ стыдъ, съ которымъ увѣковѣчены будутъ грѣшники, непрестанно имѣя предъ глазами слѣды грѣха содѣланнаго во плоти, подобно какой-то невыводимой краскѣ, навсегда остающiеся въ памяти души ихъ. Не много же такихъ, которые бы могли приступить къ свѣту истины и открыть его и открывъ сокровенное, отойдти съ непостыжденнымъ лицемъ.

(7) Сей нищiй воззва, и Господь услыша и. Не всегда нищета похвальна, а только, когда она съ Евангельскою цѣлiю принята произвольно. Ибо многiе по достатку нищи, а по произволенiю весьма любостяжательны. Ихъ бѣдность не спасаетъ, а произволенiе осуждаетъ. Посему блаженъ не тотъ, кто бѣденъ, но кто сокровищамъ мiра предпочитаетъ заповѣдь Христову. Таковыхъ и Господь называетъ блаженными, говоря: блажени нищiи духомъ. (Мате. 5, 3),—не бѣдные имуществомъ, но избравшiе нищету отъ сердца. А что не отъ произвола, то и блаженнымъ не дѣлаетъ. Посему всякая добродѣтель, а преимущественно предъ всѣми нищета имѣетъ отличительнымъ признакомъ свободное произволенiе. Итакъ сей нищiй, говоритъ Пророкъ, воззва. Назнаменующимъ гласомъ призываетъ онъ мысль твою къ обнищавшему по Богу, алчущему, жаждущему и терпящему наготу. Сей нищiй, едва

не указываетъ онъ перстомъ, то есть, сей ученикъ Христовъ. Можно слова сіи относить и къ самому Христу: Онъ, богатъ сый по естеству (такъ какъ все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Ему), насъ ради обнища, да мы нищетою Его обогатимся (2 Кор. 8, 9). Да и всякое почти дѣло, ведущее къ блаженству, предначалъ Самъ Господь, Себя предложивъ въ примѣръ ученикамъ. Возвратись къ блаженствамъ и, разсмотрѣвъ каждое, найдешь, что ученіе словомъ предварилъ Онъ дѣлами. Блажени кротцыи. Гдѣ же намъ научиться кротости? Научитеся отъ Мене, говоритъ Господь, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. 11, 29). Блажени миротворцы. Кто же научитъ насъ благамъ мира? Самъ Миротворецъ, творяй миръ и примиряющій оба въ единаго новаго человѣка (Ефес. 2, 15), умиротворивый кровію креста Своего аще небесная, аще ли земная (Кол. 1, 20). Блажени нищіи. Самъ Онъ обнищалъ и истощилъ Себя въ зракѣ раба, да мы вси отъ исполненія Его пріимемъ и благодать возблагодать (Фил. 2, 7. Іоан. 1, 16). Итакъ, если кто водимый Святымъ и человѣколюбивымъ Духомъ, не мечтая о самомъ себѣ, но уничтожая себя, чтобы возвысить другихъ, возопіетъ духомъ, испрашивая чего-либо великаго, и не произнесетъ ничего недостойнаго и низкаго, выражающаго исканіе земнаго и мірскаго; то вопль сего просящаго услышанъ будетъ Господомъ. А какой же конецъ услышанія? Тотъ, что избавится отъ всѣхъ скорбей не уязвленнымъ, не изнемогшимъ, не поработившимся мудрованія плоти.

Какимъ же образомъ избавляется нищій?

(8) Ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ. Симъ Пророкъ объяснилъ, кого называетъ нищимъ, именно того, кто боится Господа. Посему боящійся стоитъ еще на степени раба; а усовершившійся любовію достигъ уже въ достоинство сына. Рабъ именуется и нищимъ, потому что не имѣетъ ничего собственнаго, а сынъ уже богатъ и потому, что онъ наслѣдникъ отеческихъ благъ. Итакъ ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его. Ангелъ не отступитъ отъ всѣхъ увѣровавшихъ въ Господа, если только не отгонимъ его сами худыми дѣлами. Ибо, какъ пчелъ отгоняетъ дымъ, и голубей смрадъ, такъ и хранителя нашей жизни Ангела отдаляетъ многоплачевный и смердящій грѣхъ. Если имѣешь въ душѣ дѣла достойныя Ангельскаго храненія, и обитаетъ въ тебѣ умъ, обогащенный умозрѣніями истины; то, по богатству не оцѣненныхъ дѣлъ добродѣтели, Богъ необходимо приставитъ къ тебѣ стражей и хранителей и оградитъ тебя охраненіемъ Ангеловъ. Смотри же, какова природа Ангеловъ! Одинъ Ангелъ равняется цѣлому воинству и многочисленному опол-

ченію. Итакъ въ величіи твоего хранителя Господь даруетъ тебѣ ополченіе, а въ крѣпости Ангела какъ бы ограждаетъ тебя отвсюду его защитою. Ибо сіе значитъ: окрестъ. Какъ городскія стѣны, вокругъ облегая городъ, отвсюду отражаютъ вражескія нападенія; такъ и Ангелъ служитъ стѣною спереди, охраняетъ сзади, и съ обѣихъ сторонъ ничего не оставляетъ неприкрытымъ. Посему-то падетъ отъ страны твоея тысяща, и тьма одесную тебѣ: къ тебѣ же не приближится (Псал. 90, 7) ударъ котораго либо изъ враговъ, яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ (12).

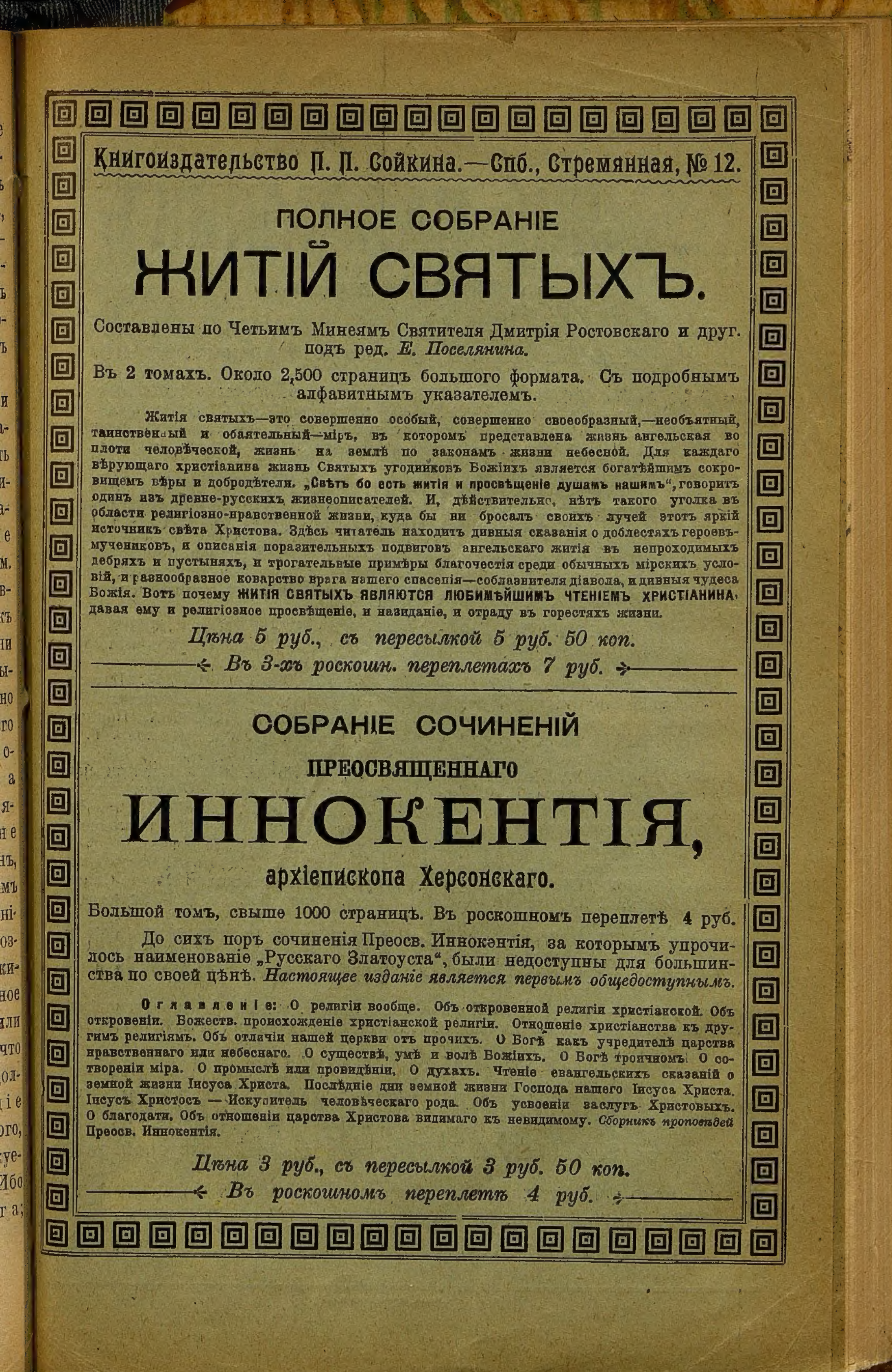
(9) Вкусите и видите яко благъ Господь. Многократно замѣчали мы, что душевныя силы именуются подобоименно съ внѣшними членами. Поелику же Господь нашъ есть истинный хлѣбъ, и плоть Его истинное брашно; то необходимо, чтобы наслажденіе веселіемъ хлѣба произведено было въ насъ чрезъ духовное вкушеніе. Какъ свойство меда, не столько словомъ, сколько самымъ чувствомъ вкуса, можетъ быть объяснено не извѣдавшимъ меда; такъ и доброта небеснаго слова не можетъ быть ясно передана въ ученіи, если, по долговременномъ извѣданіи ученій истины, не возможемъ собственнымъ опытомъ постигнуть благость Господню. Вкусите, сказалъ, а не—насытьтесь; потому что нынѣ разумѣемъ отчасти, видимъ истину зерцаломъ и гаданіемъ (2 Кор. 13, 15); но прійдетъ время, когда нынѣшній залогъ, сіе вкушеніе благодати, обратится для васъ въ совершенство наслажденія. Какъ страждущіе желудкомъ и чувствующіе отвращеніе отъ пищи, отъ сего разстройства лечатся у врачей, которые, съ помощію приготовленной особеннымъ способомъ пищи, возбуждаютъ къ ней позывъ, и когда чувство сими искусственными снѣдями раздражено, позывъ на пищу часъ отъ часа болѣе увеличивается: такъ и въ словѣ истины, самое испытаніе, говоритъ Пророкъ, будетъ непрестанно призывать васъ къ ненасыщаемому вожделѣнію. Посему вкусите, говоритъ онъ, да будете блажени, какъ алчущіе и жаждущіе правды.

Блаженъ мужъ, иже уповаетъ на-нь. Кто непрестанно вожделѣваетъ слова, тотъ ни на что иное не возложитъ упованія, кромѣ Господа.

(10) Бойтеся Господа вси святіи Его, яко нѣсть лишенія боящимся Его. Если страхъ не управляетъ нашею жизнію; то невозможно произойдти освященію въ тѣлѣ. Ибо сказано: пригвозди страху Твоему плоти моя (Псал. 118, 120). Какъ у пригвожденныхъ гвоздями члены тѣла остаются неподвижны и бездѣйственны; такъ и объятые въ душѣ Божіимъ страхомъ избѣгаютъ всякаго страстнаго обуреванія грѣхомъ. Посему нѣсть лишенія боящемуся; то есть, удерживаемый страхомъ отъ всякаго неприличнаго по-

ступка не лишенъ силъ ни для какой добродѣтели, но совершененъ, и не имѣетъ недостатка ни въ одномъ изъ совершенствъ, свойственныхъ человѣческой природѣ. Какъ по тѣлу не совершененъ тотъ, у кого не достаетъ какого-либо необходимаго члена, но въ томъ самомъ и не совершененъ, чего недостаетъ ему: такъ нерадящій и о единой заповѣди, чрезъ неисполненіе, бываетъ уже несовершененъ, по причинѣ сего недостатка. А кто усвоилъ себѣ совершенный страхъ, и всего боится изъ богобоязненности, тотъ ни въ чемъ не согрѣшитъ, потому что ничего не презираетъ; и онъ не потерпитъ лишенія, потому что во всякомъ случаѣ непрестанно съ нимъ страхъ.

(11) Богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага. Слово сіе научаетъ насъ и презрѣнію вещественнаго богатства, показывая непрочность изобилія въ имуществѣ. Ибо богатство не постоянно, и какъ волна, гонимая силою вѣтровъ, обыкновенно течетъ туда и сюда. И богатыми Давидъ называетъ, можетъ быть, Израильтянъ, ихже всыновленіе и служеніе, ихже обѣтованія, отъ нихже отцы (Рим. 9, 4. 5). Они-то обнищаша, согрѣшивъ противъ Господа; а взыскавшіе Господа вмѣсто нихъ не лишатся всякаго блага. Но какъ же Израильтяне обнищаша и взалкаша? Поелику убили они Хлѣбъ животный; то пришелъ на нихъ голодъ хлѣба. Поелику злоумыслили противъ Источника воды живой; пришла къ нимъ жажда, и наложено на нихъ наказаніе мучиться отъ жажды. Но этотъ гладъ не чувственнаго хлѣба и не жажда воды, но гладъ слышенія слова Господня (Амос. 8, 11). И такъ они обнищаша и взалкаша, а изъ язычниковъ научившіеся взыскать Господа не лишатся всякаго блага. Всесовершенное благо есть самъ Богъ, Котораго не лишатся вси взыскующіи Его. Если кто невѣжественъ, имѣетъ неясное понятіе о добрѣ и злѣ; то и онъ да не называетъ благимъ находящаго наслажденіе во временномъ, которое преходитъ съ разрушеніемъ тѣла. Ибо кто вещественное богатство и плотскія преимущества возводитъ на степень благъ; тотъ низкимъ и никакого вниманія не заслуживающимъ вещамъ присвояетъ достопокланяемое и одному Богу приличное имя и вмѣстѣ съ тѣмъ впадаетъ въ самое грубое противорѣчіе. Ибо или долженъ сказать что Апостолы не получили тѣлесныхъ благъ, потому что не взыскали Господа, или, если и взыскавъ, не имѣли такихъ благъ, долженъ обвинять самое Писаніе, которое говоритъ, что взыскающіе Господа не будутъ лишены ни единаго блага. Напротивъ того, святые и Господа взыскали, и не остались безъ разумѣнія самаго взыскуемаго; и не лишились благъ, уготованныхъ въ вѣчномъ упокоеніи. Ибо о нихъ можно въ собственномъ смыслѣ сказать: всякаго блага;



Книгоиздательство П. П. Сойкина.—Спб., Стремянная, № 12.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ.
Составлены по Четьимъ Минеямъ Святителя Дмитрія Ростовскаго и друг. подъ ред. *Е. Поселянина.*
Въ 2 томахъ. Около 2,500 страницъ большого формата. Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ.
Житія святыхъ—это совершенно особый, совершенно своеобразный,—необъятный, таинственный и обаятельный—міръ, въ которомъ представлена жизнь ангельская во плоти человѣческой, жизнь на землѣ по законамъ жизни небесной. Для каждаго вѣрующаго христіанина жизнь Святыхъ угодниковъ Божіихъ является богатѣйшимъ сокровищемъ вѣры и добродѣтели. „Свѣтъ бо есть житія и просвѣщеніе душамъ нашимъ“, говоритъ одинъ изъ древне-русскихъ жизнеописателей. И, дѣйствительно, нѣтъ такого уголка въ области религіозно-нравственной жизни, куда бы ни бросалъ своихъ лучей этотъ яркій источникъ свѣта Христова. Здѣсь читатель находитъ дивныя сказанія о доблестяхъ героевъ-мучениковъ, и описанія поразительныхъ подвиговъ ангельскаго житія въ непроходимыхъ дебряхъ и пустыняхъ, и трогательные примѣры благочестія среди обычныхъ мірскихъ условій, и разнообразное коварство врага нашего спасенія—соблазнителя діавола, и дивныя чудеса Божія. Вотъ почему ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ ЯВЛЯЮТСЯ ЛЮБИМѢЙШИМЪ ЧТЕНІЕМЪ ХРИСТІАНИНА, давая ему и религіозное просвѣщеніе, и назиданіе, и отраду въ горестяхъ жизни.
Цѣна 5 руб., съ пересылкой 5 руб. 50 коп.
Въ 3-хъ роскошн. переплетахъ 7 руб.
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ПРЕОСВЯЩЕННАГО
ИННОКЕНТІЯ,
архіепископа Херсонскаго.
Большой томъ, свыше 1000 страницъ. Въ роскошномъ переплетѣ 4 руб.
До сихъ поръ сочиненія Преосв. Иннокентія, за которымъ упрочилось наименованіе „Русскаго Златоуста“, были недоступны для большинства по своей цѣнѣ. *Настоящее изданіе является первымъ общедоступнымъ.*
Оглавленіе: О религіи вообще. Объ откровенной религіи христіанской. Объ откровеніи. Божеств. происхожденіе христіанской религіи. Отношеніе христіанства къ другимъ религіямъ. Объ отличіи нашей церкви отъ прочихъ. О Богѣ какъ учредителѣ царства нравственнаго или небеснаго. О существѣ, умѣ и волѣ Божіихъ. О Богѣ троичномъ. О сотвореніи міра. О промыслѣ или провидѣніи. О духахъ. Чтеніе евангельскихъ сказаній о земной жизни Іисуса Христа. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Іисусъ Христосъ — Искупитель человѣческаго рода. Объ усвоеніи заслугъ Христовыхъ. О благодати. Объ отношеніи царства Христова видимаго къ невидимому. *Сборникъ проповѣдей* Преосв. Иннокентія.
Цѣна 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.
Въ роскошномъ переплетѣ 4 руб.

Поступили въ продажу полные комплекты журнала

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ"

ЗА 1904-й ГОДЪ.

Въ №№ журнала 1904-го года помѣщены поученія Приснопамятнаго Молитвенника земли Русской **Отца Іоанна Кронштадтскаго.**

52 **№№ ЖУРНАЛА,** до 2.000 ст. текста извѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей и до 300 иллюстрацій. Въ журналѣ дается мѣсто исключительно такому чтенію, которое находитъ откликъ во всякой душѣ, ищущей назиданія и умиротворенія.

12 КНИГЪ 2.000 стр. **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,**

заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и разсказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, **описанія святынь, путешествій по святымъ мѣстамъ** и т. п.

1. **ЧЕРНОМОРСКІЕ БОГАТЫРИ.** Картины Севастопольской обороны. **В. А. Радича.**
2. **ПРЕЛЬЩЕНІЕ ЛИТОВСКОЕ.** Церковно-историческая повѣсть. **Вл. П. Лебедева.**
3. **ЗАДУШЕВНЫЯ РѢЧИ.** Очерки и бесѣды. **А. В. Круглова.**
4. **ВОКРУГЪ СОБОРА.** Повѣсть изъ исторіи Запада XV вѣка. **Н. И. Двигубскаго.**
5. **ЛУЧЪ БОЖЬЯГО СВѢТА** въ пустынѣ глухой. Повѣсть изъ жизни на Персидской окраинѣ. **Ѳ. Ѳ. Тютчева.**
6. **НА СѢВЕРѢ ДИКОМЪ.** Историческая повѣсть. **П. А. Россіева.**
7. **ВОПРОСЫ ВѢРЫ И ЖИЗНИ.** Доцента Спб. Духовной Академіи Іеромонаха Михаила.
8. **РУССКІЙ САВОНАРОЛА.** Историческая повѣсть. **Н. О. Лихарева.**
9. **БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА.** Повѣсть изъ исторіи русскаго раскола. **Г. Т. Сѣверцева.**
10. **БРАТЪ НА БРАТА.** Историческая повѣсть-хроника. **Н. Н. Алексѣева.**
11. **ВЪ ДЕБРЯХЪ СЕКТАНТСТВА.** Бытовая повѣсть изъ жизни скопцовъ и хлыстовъ. **Д. М. Березкина.**
12. **СВѢТЪ.** Повѣсть **М. Монлора** изъ временъ земной жизни Христа Спасителя. Переработ. кн. **М. В. Волконской.**

6 КНИГЪ 1.000 стр. **ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА**

Сочиненіе **Ф. В. Фаррара.** Полное иллюстриров. изданіе съ предисловіемъ и пояснительн. примѣчаніями Магистра Богословія священника **М. П. Ѳивейскаго.**

КРОМѢ ТОГО,

Икона Чудотворца Серафима Саровскаго,

исполненная **НА МЕТАЛЛѢ,** въ рельефной золоченой ризѣ.

Цѣна полнаго комплекта журнала „Русскій Паломникъ" за 1904-й годъ **5 рублей** съ перес. по Европ. Россіи. На пересылку въ Азіатск. Россію слѣдуетъ добавлять 1 руб.

Тип. П. П. Сойкина, Стремянная д. 12.